

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (93) октябрь – декабрь 2018 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (93) October – December 2018

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Панченко В.Я. С заботой о будущем</i>	10
--	----

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беспярых Ю.Н., Кирющенко Н.В.

П.Я. Марпергер и его труд «Московитский купец...» («Moscowitischer Kauffmann...», 1723)	13
--	----

Куприянов А.И.

Российское благородное собрание как пространство коммуникации дворянства и государя (1780-е–1850-е годы)	26
---	----

ЭКОНОМИКА

Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А., Королёв И.Б.

Прогнозно-аналитическое исследование взаимосвязей сферы занятости и профессионального образования в России	38
---	----

Саямов Ю.Н.

Глобальные процессы и современный мир	50
---	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Колдунова Е.В.

Процессы трансформации университетов и фабрик мысли в странах Азии	61
--	----

Почекаев Р.Ю.

Российская империя и Центральная Азия: правоотношения в контексте фронтирной модернизации	72
--	----

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Мазурова Ю.В.

Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи	82
--	----

Трубочкин Д.В.

Театр «Сатирикон» и современный статус актёрского искусства: к постановке проблемы	92
---	----

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Гриценко В.В., Бражник Ю.В., Ефременкова М.Н., Катровский А.П., Ковалёва Ю.В., Муращенкова Н.В., Смотрова Т.Н.

Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России	103
---	-----

Демченкова О.А.

Потенциал компетентностного подхода в образовательной парадигме	116
---	-----

Изнак А.Ф., Изнак Е.В., Олейчик И.В., Медведева Т.И.

Новые подходы к лечению депрессии: влияние магнитной стимуляции мозга	125
---	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ворошилов А.Н., Батченко В.С., Дрыга Д.О., Горланов С.С.

Полевые исследования антропогенных ландшафтов периферии азиатского Боспора	137
---	-----

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Гранцева Е.О.

Международная научная конференция «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов» (Москва, 12–14 сентября 2018 г.) ... 147

Гроховский П.Л., Москалёва Н.Н., Смирнова М.О.

V Международный семинар молодых тибетологов (Санкт-Петербург, 3–7 сентября 2018 г.) 151

Демчик Е.В.

V Всероссийская научная конференция «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века» (Барнаул, 29–30 июня 2018 г.) 155

Тощенко Ж.Т., Цапко М.С.

XIX теоретико-методологическая конференция «Смыслы жизни российской интеллигенции» (Москва, 26 апреля 2018 г.) 159

Дмитриева Н.А., Луговой С.В.

Международный научный семинар «Философия Канта и актуальные проблемы современной науки и политики» (Калининград, 4–5 мая 2018 г.) 164

Тищенко П.Д., Гребенщикова Е.Г.

Научная конференция памяти Б.Г. Юдина «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы» (Москва, 30–31 мая 2018 г.) 168

Попова М.К.

Международная научная конференция «Книга в современном мире: проблемы рецепции» (Воронеж, 27 февраля – 1 марта 2018 г.) 172

Полонский В.В., Московская Д.С., Ариас-Вихиль М.А.

Гуманизм Максима Горького — писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея (Париж, 2 октября; Неаполь, 25–26 октября; Сорренто, 27 октября 2018 г.) 176

Воротникова А.Э.

Международная научная конференция «Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI веков» (Воронеж, 19–21 апреля 2018 г.) ... 180

Турбина О.А.

Международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур» (Челябинск, 28–30 мая 2018 г.) 185

МИР КНИГИ РФФИ

Капустина Е.Л. —

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30 гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. — 400 с. 190

Железнова Н.А. —

Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия / Отв. ред. Е.Ю. Ванина; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2017. — 927с.: ил. 195

Запарий В.В. —

Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. — 416 с. 199

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ

«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2018 г. 203

CONTENTS

Panchenko V.Ya. Caring about the Future	10
--	----

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Bespyatykh Yu.N., Kiryushchenko N.V.

P.J. Marperger and His Work “Moscowitischer Kaufmann...” (1723)	13
---	----

Kupriyanov A.I.

The Russian Assembly of the Nobility as a Communication Venue for the Upper Class and the Emperor (1780–1850s)	26
---	----

ECONOMICS

Korovkin A.G., Dolgova I.N., Edinak E.A., Korolyov I.B.

Outlook and Analytical Research of Interconnections between the Employment Sector and Professional Education in Russia	38
---	----

Sayamov Yu.N.

Global Processes and the Modern World	50
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Koldunova E.V.

Transformation of Universities and Think Tanks Based in the Asian Countries	61
---	----

Pochekaev R. Yu.

The Russian Empire and Central Asia: Legal Relations in the Context of Frontier Modernization	72
--	----

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Mazurova Yu.V.

Minority Indo-Aryan Languages of North India: Kullui Language	82
---	----

Trubochkin D.V.

Satirikon Theater and the Modern Status of Acting: Problem Definition	92
---	----

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Gritsenko V.V., Brazhnik Yu.V., Efremenkova M.N., Katrovsky A.P.,

Kovalyova Yu.V., Murashchenkova N.V., Smotrova T.N.

Friends or Foes: Social and Psychological Adaptation of Fellow Nationals in Russia	103
---	-----

Demchenkova O.A.

Potential of Competence-Based Approach in the Educational Paradigm	116
--	-----

Iznak A.F., Iznak E.V., Oleychik I.V., Medvedeva T.I.

New Approaches to Treating Depression: Impact of Transcranial Magnetic Stimulation	125
---	-----

FIELD RESEARCH

Voroshilov A.N., Batchenko V.S., Dryga D.O., Gorlanov S.S.

Field Research of Man-Made Landscapes on the Periphery of the Asian Bosporan Kingdom	137
---	-----

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Grantseva E. O.

International Academic Conference Soviet-Spanish Relations during the Spanish Civil War in 1936–1939 (Moscow, 12–14 September, 2018) 147

Grokhovsky P. L., Moskalyova N. N., Smirnova M. O.

5th International Seminar of Young Tibetologists (St. Petersburg, 3–7 September, 2018) ... 151

Demchik E. V.

5th Russian National Academic Conference The Economic History of Siberia in the 20th — Early 21st Century (Barnaul, 29–30 June, 2018) 155

Toshchenko Zh. T., Tsapko M. S.

19th Theoretical and Methodological Conference Life Purposes of the Russian Intelligentsia (Moscow, 26 April, 2018) 159

Dmitrieva N. A., Lugovoy S. V.

International Academic Workshop Kant's Philosophy and Relevant Issues of the Modern Science and Politics (Kaliningrad, 4–5 May, 2018) 164

Tishchenko P. D., Grebenshchikova E. G.

Academic Conference Dedicated to B. G. Yudin Man in the World of Neurotechnologies: Social & Ethical Issues (Moscow, 30–31 May, 2018) 168

Popova M. K.

International Academic Conference A Book in the Modern World: Reception Issues (Voronezh, 27 February — 1 March, 2018) 172

Polonsky V. V., Moskovskaya D. S., Arias-Vikhil M. A.

Humanism of Maxim Gorky — a Writer and Public Figure at 150 (Paris, 2 October; Naples, 25–26 October; Sorrento, 27 October, 2018) 176

Vorotnikova A. E.

International Academic Conference Formation of Images of Russia and Russians in the Western Discourse Practices of the 20th–21st Centuries (Voronezh, 19–21 April, 2018) 180

Turbina O. A.

International Academic Conference Language & Cultural Interaction (Chelyabinsk, 28–30 May, 2018) 185

THE RFBR BOOK WORLD

Kapustina E. L. —

Yu. Yu. Karpov The National Politics of the Soviet State in the North Caucasian Periphery in 1920–1930s: Evolution of Problems and Solutions. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2017. 400 p. 190

Zheleznova N. A. —

E. Yu. Vanina (ed.-in-chief). Under the Sky of South Asia. Blame & Praise: Communicative Modalities of the Historical and Cultural Authenticity. The Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences. Moscow, Nauka — Vostochnaya Literatura Publ., 2017. 927 p.: ill. 195

Zaparyi V. V. —

N. N. Melnikov Upgrade of the Tank Construction Industry in the USSR during the Great Patriotic War. Yekaterinburg, Sokrat Publ., 2017. 416 p. 199

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL

“VESTNIK OF RFBR. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” IN 2018 203

Президент Российской Федерации В.В. Путин и председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований академик РАН В.Я. Панченко
(фото предоставлено Управлением пресс-службы и информации Президента Российской Федерации)

27 ноября 2018 года в Екатерининском зале Кремля Президент Российской Федерации В.В. Путин вручил председателю Совета Российского фонда фундаментальных исследований академику РАН В.Я. Панченко орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени «За большой вклад в развитие науки и многолетнюю добросовестную работу».

В ответном слове В.Я. Панченко подчеркнул, что «в России сформирована и устойчиво работает грантовая система поддержки фундаментальных исследований на конкурсной основе».

Коллектив Российского фонда фундаментальных исследований сердечно поздравляет Владислава Яковлевича с высокой наградой и желает новых больших успехов в работе на благо науки и страны!

*Владислав Панченко,
академик РАН*

С заботой о будущем

В России за последние 12 лет значительно увеличилось число молодых учёных, исследователей, изобретателей, научных специалистов, и сегодня они составляют около 44% научно-академического сообщества страны. Такие данные недавно опубликовали эксперты Института статистических исследований и экономики знаний НИУ Высшая школа экономики. Аналитики отмечают, что в 2006 году в России работало около 117 тысяч молодых учёных в возрасте до 39 лет, а их доля в отечественном научном сообществе не превышала 30%. Реализуемые в последние годы меры поддержки талантливой молодёжи, программы по привлечению молодых учёных и специалистов в научно-техническую сферу изменили ситуацию, и к настоящему времени их число возросло до 157,8 тысяч.

Не будет преувеличением сказать, что в этой позитивной тенденции есть вклад и Российского фонда фундаментальных исследований. Ежегодно более 10 тысяч молодых учёных по грантам РФФИ выполняют 3 тысячи научных проектов. Программа поддержки молодых учёных является предметом гордости и особой заботы Фонда.

Научные работы молодых учёных, получивших гранты РФФИ, высоко оценены Правительством страны. Показателен тот факт, что среди лауреатов Премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых учёных за последние годы есть руководители и исполнители проектов РФФИ. Лауреатами Премии Президента за 2017 год стали трое молодых исследователей — грантодержателей РФФИ: старший научный сотрудник лаборатории роста кристаллов Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН Константин Кох, заведующий лабораторией нанобиотехнологий Московского физико-технического института Максим Никитин и сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Никита Башнин.

Поддержка РФФИ открывает талантливой молодёжи возможности для творческого самовыражения, позволяет создавать в инициативном порядке творческие коллективы для решения актуальных научных проблем, самостоятельно проводить фундаментальные исследования. Фонд с 2012 года успешно реализует модель адресной поддержки молодёжи, основанную на «сквозных конкурсах» по цепочке студент — аспирант — научный сотрудник». РФФИ регулярно проводит более 10 типов молодёжных конкурсов, базисными среди них являются такие как «Наставник», «Мой первый грант», «Стабильность» (рис. 1).

С 2015 года Фонд начал проводить региональные молодёжные конкурсы, и сегодня они завоёвывают всё большую популярность. А началось всё с того, что РФФИ заключил с Правительством Москвы соглашение о сотрудничестве в сфере поддержки фундаментальных научных исследований. На основе этого соглашения в том же году был проведён первый региональный молодёжный конкурс. Он был нацелен на решение проблем, имеющих приоритетное социально-экономическое значение для Москвы. Среди них — перспективные технологии для улучшения экологии и рационального природопользования; новые материалы и технологии для городского строительства, создания и реконструкции объектов ЖКХ; альтернативные источники энергии; информационно-телекоммуникационные технологии управления городской инфраструктурой и транспортными потоками; физиологическая и психологическая адаптация человека к условиям мегаполиса.

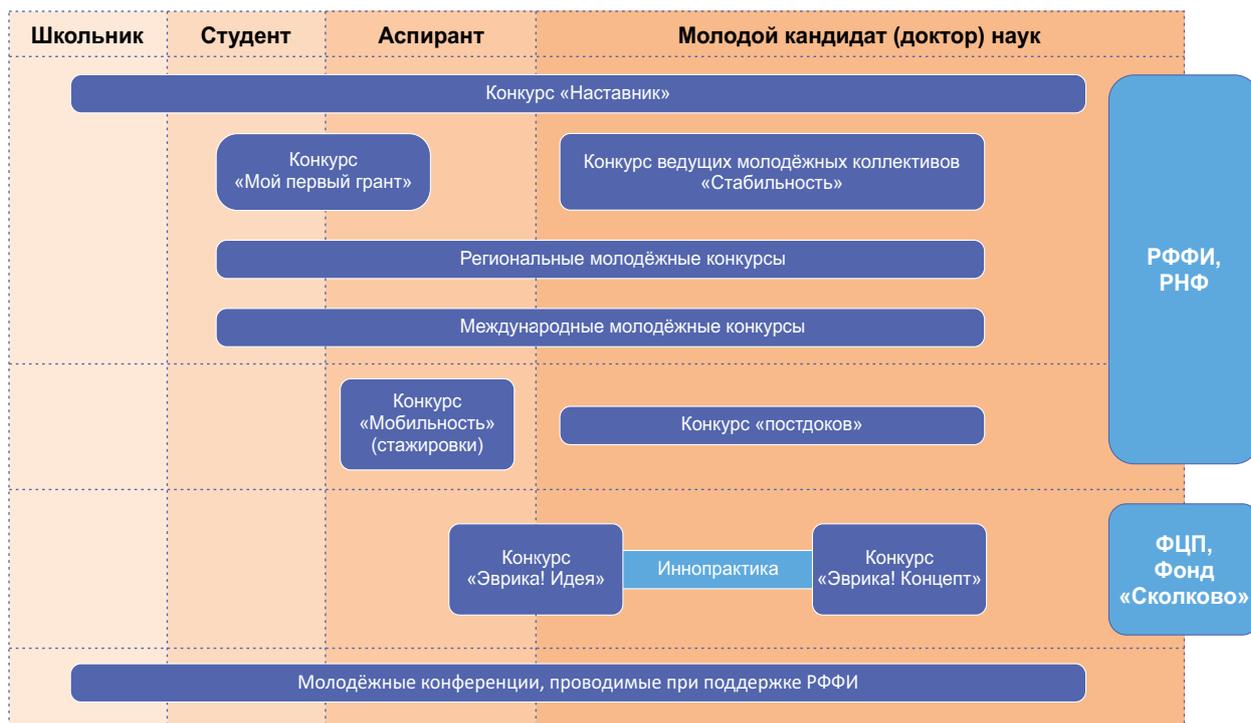

Рис. 1. Программа поддержки молодых учёных

За три года значительно расширилась география конкурса и возросло число его участников. Сегодня в региональном молодёжном конкурсе участвуют уже семь субъектов РФ: Москва, Красноярский край, Новосибирская, Томская, Волгоградская, Рязанская области и Удмуртская Республика. На конкурс поступило более 900 заявок.

Важно отметить, что каждый молодёжный конкурс РФФИ имеет конкретную целевую направленность. Наиболее популярный конкурс «Мой первый грант» нацелен на привлечение молодёжи к активному участию в фундаментальных научных исследованиях, создание молодым учёным условий для проведения самостоятельных исследований по важнейшим проблемам естественных, гуманитарных и общественных наук, а также на выработку навыков руководства научными коллективами. Этот конкурс РФФИ проводит регулярно начиная с 2012 года, число заявок и участников постоянно увеличивается (рис. 2). В нынешнем году по результатам конкурсного отбора поддержку получили 2388 проектов, которые будут реализовывать 6310 молодых учёных.

На увеличение академической мобильности, привлечение молодых учёных (в том числе из СНГ и других стран) к участию в научных исследованиях, на создание молодёжи условий для выполнения фундаментальных научных исследований нацелен конкурс проектов, выполняемых молодыми учёными под руководством кандидатов и докторов наук. Отмечу, что этот конкурс является одним из наиболее активно развивающихся: с 2012 года число поступающих заявок увеличилось почти в 2,5 раза. За последние три года благодаря грантам РФФИ проведено свыше 1300 научных стажировок.

Актуальную задачу включения молодых исследователей в мировое научное сообщество решает конкурс проектов организации российских и международных молодёжных научных мероприятий. При поддержке РФФИ в текущем году состоялось 241 научное мероприятие, в них приняли участие более 28 тысяч молодых учёных.

На сохранение и развитие кадрового потенциала российской науки нацелены проводимые Фондом конкурс научных проектов, выполняемых ведущими молодёжными коллективами («Стабильность»), и конкурс проектов фундаментальных научных исследований, выполняемых молодыми учёными — докторами или кандидатами наук. Благодаря проведению последнего конкурса в научных организациях нашей страны

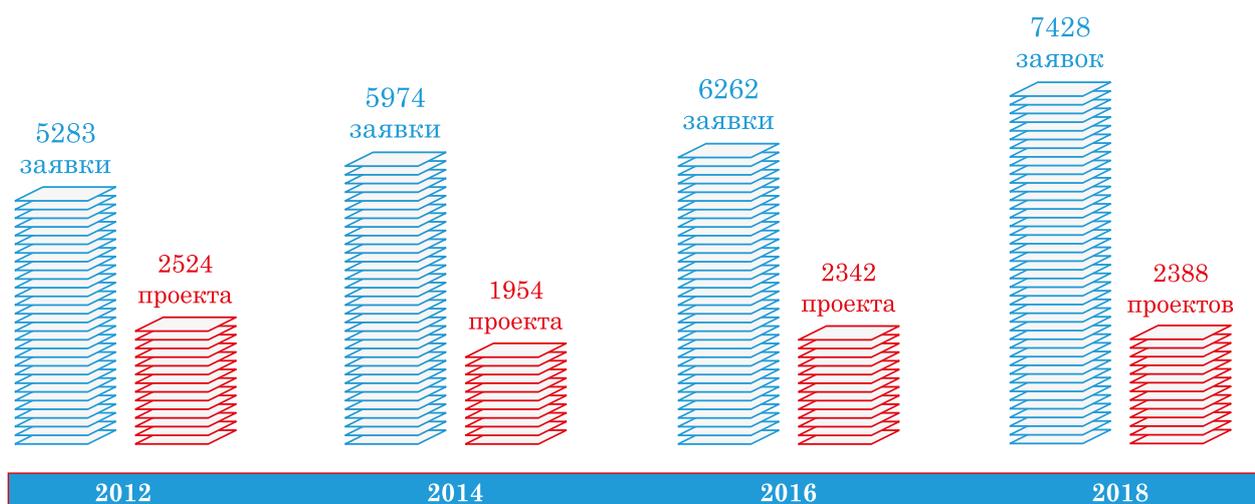

Рис. 2. Динамика числа заявок и поддержанных проектов конкурса «Мой первый грант»

создано более 500 постоянных или временных позиций для талантливых молодых учёных, недавно защитивших диссертации на соискание учёной степени кандидата или доктора наук.

В современном динамично меняющемся мире учёному необходимо не только выдвигать и разрабатывать перспективные идеи, но и уметь доводить их до практического воплощения. В этом им помогают проводимые совместно РФФИ и Фондом национального интеллектуального развития (Иннопрактика) конкурсы «Эврика! Идея» и «Эврика! Концепт». Первый конкурс нацелен на предоставление возможности молодым учёным проверить оригинальную идею, имеющую потенциал для практического использования. Конкурс «Эврика! Концепт» направлен на развитие научного исследования, применение новых знаний для решения уже более конкретных технологических, инженерных или экономических задач.

В майском (2018 года) Указе Президента Российской Федерации поставлена задача создания условий для развития наставничества. Одним из путей решения этой задачи может стать создание вертикально интегрированных — от школьника до доктора наук — научных коллективов.

Впервые в России в рамках конкурса РФФИ «Наставник» вертикально интегрированный коллектив появится в Севастополе. Под руководством ведущего учёного-наставника проект будут выполнять школьники, студенты, аспиранты и молодые учёные.

Заботясь о будущем российской науки, РФФИ не только постоянно расширяет Программу поддержки молодых учёных, но и увеличивает выделяемые на неё средства. В нынешнем году общий объём финансирования всех видов молодёжных конкурсов превысит 4 млрд руб.

О том, над чем конкретно работают молодые учёные-гуманитарии по проектам Фонда, постоянно рассказывает журнал «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки». В номере, который вы держите в руках, публикуются статьи, авторами которых наряду с маститыми учёными являются и молодые исследователи: археологи В.С. Батченко, Д.О. Дрыга, С.С. Горланов и экономист Е.А. Единак (Москва), психологи Ю.В. Бражник, М.Н. Ефременкова и Н.В. Муращенко (Смоленск), тибетолог Н.Н. Москалёва и этнограф Е.Л. Капустина (Санкт-Петербург).

Поддержка молодых учёных, создание возможностей для построения успешных карьерных траекторий её представителей в области науки, технологий и инноваций с целью развития интеллектуального потенциала страны — одна из основных задач, стоящих перед российской наукой, а значит, и перед РФФИ.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930

ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-13-25

**Ю.Н. БЕСПЯТЫХ,
Н.В. КИРЮЩЕНКО***

**П.Я. Марпергер и его труд
«Московитский купец...»
(«Moscowitischer
Kauffmann...», 1723)**

Содержание труда немецкого учёного и предпринимателя П.Я.Марпергера значительно шире названия и представляет своего рода справочник для приезжавших в Россию иноземных деловых людей, помогая им сориентироваться в чужой стране. Автор, основываясь на подлинной документации, устных источниках и, возможно, собственных наблюдениях, сообщил обширные сведения о собственно международной коммерции как таковой, торговых законах и правилах, особенностях русского таможенного дела, видах монеты, принятых здесь мерах и весе. Он также (главным образом по имевшейся в его распоряжении западноевропейской литературе на английском, французском и латинском языках) сделал пространные экскурсы во внутри-, внешнеполитическую и военную историю нашей страны, показал её географию с природно-климатическими условиями, наиболее крупными городами, реками, озёрами, омывающими российские берега морями; образ и условия жизни, быт и нравы, обычаи и религиозные предпочтения населяющих государство народов. П.Я.Марпергер знакомит читателей с удобными способами быстрого передвижения путешественников и почтовых служащих по пространствам империи. Специальная глава посвящена русско-немецкому словарю и разговорнику.

Ключевые слова: П.Я. Марпергер, Пётр I, Россия, история, география, природные ресурсы, внутренняя и внешняя политика, войны, законы, международная торговля, купечество, ассортимент товаров, цены, монетная система, меры и вес, словарь и разговорник

* **Беспятых Юрий Николаевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель проекта «Труд П.Я. Марпергера “Moscowitischer Kauffmann...” (“Московитский купец...”) (Lübeck, 1723. — 368 S.) как источник по истории России в эпоху Петра I» (15-01-00259а).

E-mail: bespyatykh@yandex.ru

Кирющенко Николай Васильевич — кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Информационно-издательская фирма “Историческая иллюстрация”», исполнитель того же проекта.

E-mail: info@ist-il.spb.ru

«Rossica» как совокупность когда-либо опубликованных иностранных сочинений о нашей стране (в пределах Российской империи) обследована слабо, а освоена ещё меньше, и очень многое из её богатств пребывает в нашей отечественной науке на далекой периферии исследовательского внимания, оставаясь почти или совсем неизученным в силу малодоступности из-за (преимущественно) высокого языкового барьера [1].

Между тем историками и специалистами в других областях знания широко востребованы опубликованные в русском переводе путевые записки, дневники, мемуары, дипломатические доносения, частная переписка западноевропейцев, посетивших Россию при Петре I и записавших о ней свои впечатления, основанные на собственных наблюдениях, а также на письменных и устных источниках, какие оказались в поле зрения того или иного автора. Оставленные любознательными иноземцами тексты содержат важные сведения, в том числе уникальные, отсутствующие в других сохранившихся (известных) документах эпохи, и могли бы быть для нас безвозвратно утрачены.

Сказанное в полной мере относится к вышедшему двумя изданиями (Любек, 1705, 1723) труду о России «Московитский купец...» выдающегося немецкого камералиста, экономиста, юриста, публициста и предпринимателя Пауля Якоба Марпергера (1656–1730). Известность, а скорее, слава учёного зиждилась на поражающей воображение многочисленности и тематическом разнообразии вышедших из-под его пера сочинений: среди них жизнеописания знаменитых европейских архитекторов, садово-парковое искусство, ботаника, кулинария, книготорговля, городское управление, здравоохранение, судоходство по рекам и каналам, социальное обеспечение немущих, нужды личного состава полиции и вооружённых сил; бухгалтерское,

монетное, банковское и ломбардное дело; мануфактурное производство и многие другие темы.

Самую же значительную долю сочинений составили труды, посвящённые торговле, товарообмену, купеческим биржам, ярмаркам, школьному и университетскому образованию в коммерческой сфере, коммерческому суду и прочему, имеющему отношение к перечисленному.

До сих пор нет ясного представления о числе созданных учёным трудов. Автор статьи без подписи полагает установленным, что П.Я. Марпергеру принадлежат 48 опубликованных книг; с его кончиной «свыше семидесяти» остались в рукописи [2]. Согласно Х. Егеру, учёный опубликовал «приблизительно 60 трудов, некоторые из них неоднократно переиздавались, и оставил после себя многочисленные рукописи» [3].

И. Франк знает о 94 изданных П.Я. Марпергером книгах и 71 — оставшейся в рукописи [4]. Такое же число, 94, и в списке Х. Леманн, включая два изданных посмертно сочинения 1733 и 1746 гг. (к слову сказать, «Московитский купец...» 1723 г. в этом перечне отсутствует) [5]. Столько же, по сведениям «Хозяйственного лексикона д[окто]ра Габлера», но с оговоркой: «написал» «продававшихся книг», т.е. поступавших в торговлю [6].

Довольно многие из этих сочинений выдержали по нескольку изданий и перепечатываются поныне. Ю. Арндт справедливо назвал Пауля Якоба «выдающимся, весьма популярным, плодовитейшим и компетентным автором своего времени. Пользовавшийся глубоким уважением и всеобщим признанием, чрезвычайно образованный, начитанный, он писал и в свои преклонные годы» [7].

«Московитский купец...» впервые увидел свет в 1705 г. Нет смысла приводить здесь его полное название (объясним это чуть ниже), а титульный лист издания, вынесенного в заголовок настоящей статьи, звучит так (орфографию сохраняем):

Paul Jacob Marpergers,
Königl[ichen] Pohn[ischen] und Chur-
Sächsischen Hof- und Commerciens-Raths
und Mitglieds der Königlichen Preußi-
schen Societät der Wissenschaften,
MOSCOWITISCHER KAUFFMANN,
Das ist:

Ausführliche Beschreibung der Com-
merciens, welche in Moscau und andern
Seiner Czaarischen Majestät Bothmässig-
keit unterworfenen Reichen und Provin-
ciens so wol von dessen Unterthanen un-
ter sich selbst, als mit ausländischen Na-
tionen getrieben werden.

Wobey mit wenigen von der Russi-
schen Länder und Städte bequemer Situa-
tion zur Handlung denen in Russland ein-
und ausgehenden Waaren daselbst ver-
fertigten Manufacturen, des Landes natür-
lichen Früchten, Müntz-Sorten, Maaß und
Gewichten & c. gehandelt.

Zum Beschluß aber ein klein Vocabu-
larium, oder Rußisches Wörter-Buch, wie
auch eine Beschreibung Siberiens und
anderer dem Reich incorporirter Länder
und Nationen angehängt wird.

Lübeck, in Verlegung Peter Böckmann,
1723 (ил. 1).

Перевод:

Пауля Якоба Марпергера,
королевского польского и курфюр-
шеского саксонского надворного и ком-
мерции советника, члена Королевского
прусского общества наук,
МОСКОВИТСКИЙ КУПЕЦ,
то есть

Подробное описание коммерции,
каковая ведётся в Москве и других
подвластных Его царскому величе-
ству царствах и провинциях как сре-
ди его подданных, так и с иностран-
ными народами.

Сообщены также некоторые све-
дения об удобном местоположении
русских земель и городов для торгов-
ли привозными и вывозными товара-
ми, об устроенных там мануфактурах,

природных плодах страны, видах мо-
неты, мере, весе и т.д.

В конце же приложены маленький во-
кабулярий, или русский словарики, а так-
же описание Сибири и других включён-
ных в государство земель и народов.

Любек, в издании Петера Бёкмана,
1723.

Эта книга, через 18 лет выпущенная
тем же издателем (и книгопродавцем)
П. Бёкманом, содержит почти слово в сло-
во такой же титульный лист, как у перво-
го издания, только теперь на нём допол-
нительно присутствуют указание на ста-
тус автора, которого в 1705 г. он не имел,
и слова «а также описание Сибири и дру-
гих включённых в государство земель
и народов».

Ил. 1. Титульный лист труда П.Я. Марпергера
«Московитский купец...»

Между тем целесообразнее говорить о двух разных трудах, поскольку второе издание ([16], 345, [7] = 368 S.) более чем вдвое обширнее первого ([8], 158, [10] = 176 S.) и в отличие от написанного в начальные годы петровских реформ содержит богатые сведения о нашей стране по состоянию на заключительные годы эпохи, отображая уже во многом иную Россию.

В немецкой науке заслуживает пристального внимания обширная статья Х.Келленбенца (специалиста по истории торговли и торговых отношений), увидевшая свет во французском переводе и почти целиком посвящённая обзору и разбору обоих изданий «Московитского купца...» [8]. Как общие очерки жизни и деятельности П.Я.Марпергера ценны статьи Х.Леманн (об издании 1723 г. речь в ней не идёт) [9] и Г.Дюннхаупта [10]. Первое издание фрагментарно учёл Х.Грассхофф [11]. В целом же зарубежных специалистов в гуманитарных сферах знания «Московитский купец...» как источник по истории России в эпоху Петра I интересовал мало.

В нашей отечественной историографии темы особняком стоит статья Е.В.Ермасова как наиболее обстоятельный и надёжный обзор обоих прижизненных изданий «Московитского купца...», сопровождаемый элементами внутренней критики — оценками тех или иных помещённых в нём сведений и краткими соображениями об их происхождении [12]. В остальной литературе скудна. Помимо Р.И.Минцлова [13], И.И.Янжула [14] (только о первом, 1705 г., издании), Н.Г.Маслаковца [15], О.И.Бич [16], предложивших обзоры содержания этого труда, наши соотечественники ограничиваются краткими упоминаниями и цитатами, пересказом фрагментов из него [17].

Таким образом, пока не предпринималось последовательного источниковедческого изучения «Московитского купца...» (1723) по темам и аспектам, заявленным на его титульном листе.

П.Я.Марпергер знал не менее трёх десятков сочинений о нашей стране, вышедших из-под пера западноевропейских авторов XVI – первой четверти XVIII столетия [18], и многое в его труде, начиная с изложения первых столетий российской государственности, оказывается заимствованиями, часто дословными.

П.Я.Марпергер сообщает (перемежая устаревшие к концу Петровской эпохи реалии с новыми) о размерах территории Российского государства, простирающегося на севере до «Ледовитого моря»; на востоке — до реки Оби, на юге — до земли «крымских и перекопских татар», а на западе огромная страна граничит «с Великим княжеством Литовским и Польшей» (т.е. с Речью Посполитой), шведскими Лифляндией, Финляндией и Эстляндией. «Россия имеет четыре больших моря — упомянутое Ледовитое, Балтийское, Каспийское и Чёрное море и к тому же очень многочисленные текущие в них большие, на много сотен миль протекающие по Русскому государству реки, — это Волга, Дон; Днепр, или Борисфен; Двина, или Дюна; Обь и другие. Все вместе они (исключая лишь названные реку Обь и Ледовитое море) постоянно покрыты и заполнены бесчисленными большими и малыми судами, нагруженными купеческими товарами и идущими в Россию и из неё. Далее, видишь вооружённый для войны флот Его царского величества, там и сям устроенные значительные морские гавани, которые должны служить для конвоя и “неописуемого” (unbeschreiblicher) удобства судоходства и безопасности плавающих по морю» [19].

Немецкий учёный располагал сведениями о довольно многих российских городах, называя Москву, Владимир, Кострому, Нижний Новгород, Псков, Новгород, Архангельск, Ярославль, Астрахань, Казань; в Сибири — главный тогда её город Тобольск, а также Тюмень, Нарым, Томск и несколько других. Довольно подробно описаны Москва и Петербург.

О «МОСКОВИТАХ»

Читатель узнаёт о столь отличном от западноевропейского образе жизни — о повседневном быте (описаны жилища, одежда, еда и др.), нравах и обычаях, религии, хозяйственной деятельности русских людей и других населявших страну народов и народностей. П.Я. Марпергер уверен, что «врождённый русский нрав был описан другими авторами как сильно сопротивляющийся добрым штудиям, нравам и наукам, но ясно, что благодаря стараниям Его царского величества обеспечить поданных хорошими школами и тем самым окультивировать разум людей, такое наконец даёт свои плоды. А способные к учению русские головы, сколь бы неотесанными они ни выглядели... скоро перельются в другую форму и, как это в военном деле уже произошло, в учёбе и искусствах тоже будет доведено до уровня других европейских народов» [20].

И действительно, уже в следующей главе учёный, проследив историю Русского государства от его начал по царствованию Петра I, сообщает о глубоких переменах в стране, где проведены административные реформы, издаются книги, в том числе в переводах с иностранных языков; устроены учебные заведения и молодые люди обучаются разным наукам и искусствам на родине и в Западной Европе. Действуют многочисленные промышленные предприятия, построен огромный военный парусный и парусно-гребной флот, и т.д., и т.п. Быстро обогащается библиотека царя; немецкий автор предполагает, что через считанные годы она станет одной из лучших в Европе — если не по объёму, то по своей ценности.

О международном товарообмене

Значительная часть изучаемого труда посвящена прошлому и настоящему торговых отношений западноевропейцев с российскими купцами: весьма благоприятному географическому положению страны для международного товарообмена, её главным приморским торговым

городам; изложено о коммерции ввозными и вывозными товарами в прежние времена и при Петре I. Опираясь на неопубликованную документацию, П.Я. Марпергер пространно знакомил читателей с ценными, подробными сведениями о числе иностранных коммерческих парусников, приходивших в российские порты (Ригу, Ревель (ныне Таллин), Пернов (ныне Пярну), Нарву, Аренсбург (ныне Курессааре), Ниен и Ниеншанц (находились на территории нынешнего Петербурга), Выборг, Архангельск, Астрахань) и уходивших оттуда в свои пункты назначения, объёме товаров, ассортимента и ценах на них. Приведены фрагменты основополагающих межгосударственных документов, регулировавших внешнеторговые взаимоотношения главным образом с немецкими городами, Швецией, Англией, Нидерландами (Голландией), Францией. Здесь проявляется осведомлённость крупного коммерсанта и экономиста П.Я. Марпергера как хорошо сведущего в этих делах профессионала. Текст насыщен подробными многочисленными фактами о сущности и особенностях прибалтийской и северной международной торговли, которые, насколько мы сегодня можем судить, остаются вне поля зрения наших отечественных историков. Так, авторский текст содержит обширный массовый статистический и наверняка достоверный материал о коммерции каждой страны и о каждом крупном торговом городе уже бывших шведских Прибалтийских провинций — Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорской земли) на Балтике, а также в Архангельске.

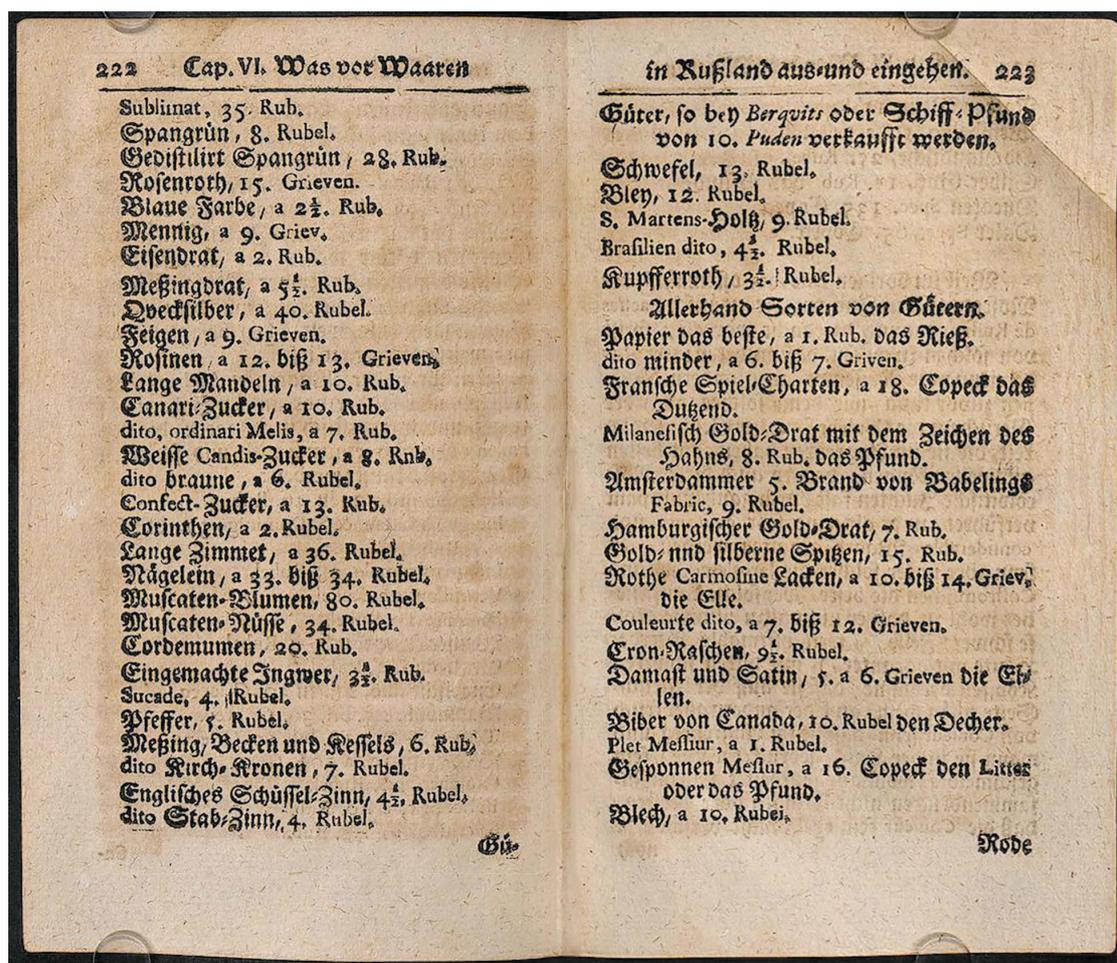
Голландцы (нидерландцы) «...ежегодно отправляют в Архангельск по меньшей мере 30–40 кораблей, которые доставляют такие товары, как шёлковые и шерстяные ткани, тонкое полотно, бумага, всевозможные мелочные товары, медь, свинец, олово, вино, водка, сахар, сироп, масло, винный уксус, пряности, солёная сельдь, различные красители и стекло, затем золотая и серебряная проволока и позументы, тонкие

ткани, оружие и другие товары; они также в больших количествах идут в Нарву, Ригу и Ревель, куда тоже приходит много золота, особенно сейчас, поскольку Его царское величество сам основал много мануфактур и тем самым достиг того, что его народ вывозит товаров больше, нежели нуждается во ввозе из-за рубежа (а ведь это составляет счастье стран и республик, так как они ежегодно получают за свои товары на несколько бочек золота больше, чем отдают иностранцам)» [21].

«Товары, которые голландцы и англичане вывозят в обмен на свои из Русского государства и его областей, — это юфти и различные сырые кожи и пушнина, а также сало, пенька, лён, икра, воск, бобровый мех, поташ, мёд, солёное мясо; из Риги и Ревеля прежде всего большие количества хлеба, а также льняное семя, гречка, просо, некоторые древесные товары. К этому при нынешнем изменившемся Русском государстве надо бы добавить ещё то, что в будущем через него пойдёт часть персидских и китайских товаров, которые до сих пор можно получать не иначе, как из Леванта (северная Африка. — Ю.Б., Н.К.) через Средиземное море или же из Ост-Индии через английские и голландские компании [22]».

«Торговля любекцев и гамбургцев в России и особенно в Архангельске состоит из всевозможных тканей, оружия, латунных товаров, тонкого полотна, аугсбургской серебряной посуды, миланской, нюрнбергской и гамбургской золотой и серебряной проволоки, париков, изделий нюрнбергских мастеров, зеркал, бумаги, вина, индиго, многочисленных ящиков с итальянской тафтой, камкой и атласом. Французы ежегодно привозят соль, вино, сироп, шафран, фрукты, более 8000 стоп бумаги, грубые ткани и особенно бобров из Канады, с которых русские затем снимают мех и перепродают англичанам, голландцам и французам для изготовления касторовых шляп. Савари [23] полагает, что его соотечественники французы могли бы вести в России ещё боль-

шую торговлю, если бы товары, которые голландцы теперь вывозят из Франции и перепродают в Москве одним москвитам, привозили бы сами и продавали из первых рук; если бы во Франции была создана Московская компания и определённые люди и факторы постоянно находились в России для закупок и продажи её [товаров], детей с младых лет посылали бы туда учиться торговле и языку. А поскольку французов упрекают в том, что они не умеют столь же удачно, как голландцы, торговать, так как те могут нанять больше кораблей, более опытных и дешевле обходящихся матросов, удовлетворяющихся скверным питанием, с давних пор знают обычаи страны, имеют больше кредита и денег, чем французы. На это можно ответить, что французы теперь всё же начали вести на Севере большую торговлю, дабы получать такие же дешёвые припасы и материалы для строительства кораблей, как голландцы; что Руан, Дьепп, Сен-Мало, Нант, [Ла] Рошель, Бордо, Байонна могли бы иметь достаточно свободных моряков, которые плавали бы за такую же малую плату, как на голландских. Что, далее, если бы голландцы тоже жили экономнее, а французы, напротив, имели товары из первых рук и, кроме того, могли бы многое выиграть, и голландцам пришлось бы свои товары, которые они получают из Франции, сначала ввозить в Голландию, складировать, оплачивать пошлину, платить ввозные и вывозные деньги, чего не требовалось бы делать французам. Также со временем могли бы найтись знакомые [люди], если бы французские торговые представители пребывали там постоянно, и люди покупали бы товары в кредит, а поселившиеся обратно во Франции оплачивали бы наличными деньгами. Кроме того, можно было бы воспользоваться обменом через город Гамбург и там по желанию обменивать талеры в банках. В мирные времена не требуются конвойные корабли, а в военные [годы] каперы часть пути могли бы сопровождать тор-

Ил. 2. Разворот книги, стр. 222–223

говые суда или король отряжал бы для этого боевые корабли.

Что до цен на товары в Архангельске, то несколько лет тому назад они были следующими...» [24], и далее помещён соответствующий подробный перечень (см. его фрагмент на ил. 2).

Текст изобилует статистическими сведениями о ежегодных размерах коммерции названных выше прибалтийских городов (ассортимент и объём товаров, число приходивших в тот или иной порт и уходивших из него торговых судов).

Рассказывая о коммерции как таковой, П.Я.Марпергер на страницах книги не мог не сообщить о финансах, русской монетной системе и принятой в России системе мер в их сопоставлении с западноевропейскими, а также о способах счёта, ведения учётных книг, таможенной

политике и практике (в частности пошлинной) русских властей.

Помимо вышеозначенных тем, в труде так или иначе отражены основные особенности российских реалий первой четверти XVIII в. и сделаны обширные экскурсы в прошлое государства, в том числе в его «военную и мирную историю», изложены сведения об армии и флоте, о событиях Северной войны 1700–1721 гг. Присутствует (заимствованная у другого автора [25]) пространная характеристика, данная самому царю-реформатору как личности и монарху, его «достохвальным и удивительным делам». В поле зрения П.Я.Марпергера находятся переведённые на немецкий прежние и новые законы Русского царства и Российской империи, он по неполному переводу Б.Г.Струвена [26] широко цитирует, в частности,

важнейший кодекс феодального права — Соборное Уложение 1649 г. Мимо внимания учёного не прошли удобные способы быстрого передвижения на огромных пространствах империи для путешественников и почтовых служащих. Одну из глав П.Я.Марпергер посвятил рассуждениям о русском языке, присовокупив собственный немецко-русский словарь (по большей же части — скорее, разговорник) [27], призванный упростить общение иноземных купцов с русскими и отражающий специфику международного общения; этот «вокабулярий», как и сообщения нем-

ца о русской письменности, издавна изучают российские [28] и зарубежные [29] лингвисты и литературоведы.

Таким образом, тематика труда гораздо шире названия и являет собой, по сути, описание России, однако порой с устаревшими сведениями. «Московитский купец...» интересен для отечественных и зарубежных исследователей не только как источник по истории России, но также как содержательный памятник немецкой общественной мысли и немецко-русских культурных связей первой четверти XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Catalogue de la section des Russica, ou Écrits sur la Russie en langues étrangères / Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg. St.-Pétersbourg, 1873. Т. I–II. — Переиздано репринтом: Каталог коллекции Russica: Произведения и документы на иностранных языках, имеющие отношение к России; Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге. М., 2004. Т. I–II. — Для историков первостепенный интерес представляют: Дореволюционные издания по истории СССР в Иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Систематический указатель. Вып. 1: История СССР с древнейших времен до конца XVII века / Сост.: А.Л. Гольдберг, И.Г. Яковлева. Л., 1982; Вып. II: Образование Российской империи (1682–1725) / Сост.: А.Л. Гольдберг, И.Г. Яковлева. Л., 1984; Вып. III: Дворянская империя XVIII века 1725–1801 / Сост.: А.Л. Гольдберг, И.Г. Яковлева. Л., 1986; Вып. IV: Отечественная война 1812 г. Участие России в кампаниях 1813–1814 гг. / Сост.: И.Г. Яковлева, В.В. Антонов. СПб., 1993; Вып. V: Эпоха Александра I / Сост.: И.Г. Яковлева, В.В. Антонов. СПб., 2001; Вып. VI: Эпоха Николая I / Сост.: И.Г. Яковлева, В.В. Антонов. СПб., 2013.
2. [Статья без подписи.] Marperger Paul Jacob (Электронный ресурс: URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Paul_Jacob_Marperger) (дата обращения: 8.08.2016).
3. Jaeger H. Marperger, Paul Jacob // Neue Deutsche Biographie. 1990. Bd 16. S. 235.
4. Franck J. Marperger Paul Jacob // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1884. Bd. 20. S. 406.
5. Lehmann H. Paul Jacob Marperger (1656 bis 1730), ein vergessener Ökonom der deutschen Frühaufklärung: Versuch einer Übersicht über sein Leben und Wirken. Anhang: Liste der Publikationen Paul Jacob Marpergers // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1971. Bd 12. Teil IV. S. 153–157.
6. Dr. Gablers Wirtschafts Lexicon. Wiesbaden, 1977. Vierte Band: L–P. Sp. 1755 (Электронный ресурс: https://books.google.ru/books?id=j3_RBgAAQBAJ&pg=RA2-PA1561&dq=Dr.+Gablers+Wirtschafts-Lexikon:+Vierter+Band+L) (дата обращения: 11.09.2016).
7. Arndt J. Kommentar zum Buch von Paul Jacob Marperger: Vollständiges Küch- und Keller-Dictionarium. München, 1978. S. 44.
8. Kellenbenz H. Marchands en Russie aux XVIIe–XVIIIe siècles / Traduit de l'allemand par Marie-Élisabeth Xifaras // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11 № 11–4. P. 579–616.
9. Lehmann H. Paul Jacob Marperger... S. 125–157.
10. Dünnhaupt G. Paul Jacob Marperger (1656–1730) // Dünnhaupt G. Personal bibliographien zu den Drucken des Barock. Stuttgart, 1991. Bd 4. Sp. 2638–2672.
11. Graßhoff H. Paul Jacob Marperger — ein Popularisator Olearius' und Ludolfs // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Jahrgang 6. H. 1. S. 174–199.

12. Ермасов Е.В. Россия первой четверти XVIII века в сочинении Пауля Марпергера «Московитский купец» // Язык – Общество – Культура – Менталитет: Сборник статей / Под ред. Т.А. Шидо. Саратов, 2005. С. 130–141. – Некоторые сообщаемые П.Я. Марпергером сведения о России учтены этим исследователем также в диссертации (Ермасов Е.В. Пётр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000) и нескольких статьях.
13. Минцлов Р.И. Библиографические отрывки: Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века // Отечественные записки: Учёно-литературный журнал. 1856. Т. CIV. № 2. Отд. II. [Статья] V. С. 371–374.
14. Янжул И.И. Московский купец конца 17 века: (По отзывам иностранца-современника): (Историко-библиографическая заметка) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 5. С. 431–441.
15. Маслаковец Н.Г. Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России: (П.Я. Марпергер о русской торговле). Киев, 1914 (отд. отт. из: Университетские известия. 1914. № 1). С. 1–22.
16. Бич О.И. Московитский купец // Минувшие дни: Иллюстрированный исторический альманах. 1928. № 3. С. 138–143.
17. См., напр.: Известие о цене некоторых товаров, как оные в Москве 1704 года продаваемы были: Из известий П.И. Марпергера // Туманский Ф.О. Российский магазин. СПб., 1792. Ч. I. С. 429–430; Полевой Н.А. Рассказы русского солдата // Русские повести XIX века 20-х–30-х годов. М.; Л., 1950. Т. 2 (перепечатка издания 1834 г.). С. 4–5; Валишевский К. Пётр Великий. Ч. 3: Дело: По новым источникам / Перевод с французского А. Гретман. М., 1990 (репринт издания 1911 г.). С. 261; Кулишер И.М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003 (перепечатка издания 1923 г.). С. 155, 175; Пушкарёв Л.Н. Обработка А. Шамиссо древнерусской повести «Шемякин суд» // Международные связи России до XVII в.: Сборник статей / Ред. кол.: А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 517; Беспярых Ю.Н. 1) Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 83, 131, 236, 239, 259–266, 270, 276, 280–281, 291, 294, 391–392, 401–403, 406–409; 2) Петербург Петра I в иностранных описаниях... Л., 1991. С. 6–8, 37; 3) Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 217–218, 350; 4) Комментарий // Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах / Перевод с немецкого, статья и комментарий Ю.Н. Беспярых. М.; СПб., 1992. С. 190; Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г.М. Коваленко. М., 2005. С. 165–166. – Фрагмент о Великом Новгороде в переводе С.И. Цветковой; Коваленко Г.М. 1) Великий Новгород в европейской письменности XV – нач. XX в. Великий Новгород, 2007. С. 193. – Фрагмент о Великом Новгороде в переводе Т.В. Васильевой и С.И. Цветковой; 2) Великий Новгород: Взгляд из Европы: XV – начало XX в. СПб., 2010. С. 261–263. – Такого немало, но порой, знакомясь с текстами иных (не упомянутых здесь авторов), обнаруживаем либо не без основания предполагаем, что сведения некритично взяты из литературы, между тем как сам исследователь не держал в руках обсуждаемых здесь изданий труда П.Я. Марпергера. Покажем здесь лишь одно характерное высказывание, способное ввести читателей в заблуждение: «...в 1723 году в г. Любек[e] вышло в свет пособие для немцев П.Я. Марпергера “Московитский купец”. Книга представляла собой разговорник для иностранцев, текст которого был передан латинскими буквами» (Седина И.В. Учебно-методическая литература по иностранным языкам в России XVIII века // Иностранные языки в условиях глобализации: Образование, экономика, культура: Сборник статей международной научной конференции. Саранск, 2013. С. 382–383).
18. См. перечень 27 трудов, начиная с XVI в., на немецком, английском, французском и латинском: Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 327–330. – Однако установлено, что этим списком известные ему не исчерпываются, в тексте найдены заимствования, в том числе весьма обширные, также из других сочинений.
19. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 146.
20. Ibid. S. 59.
21. Ibid. S. 217–218.
22. Ibid. S. 218–219.

23. Савари (Savary) Жак (1622–1690), французский коммерсант и экономист, автор чрезвычайно популярного труда «Le parfait négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers» (Paris, 1675).
24. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 219–221.
25. Ibid. S. 33–37. — Почти дословно переписано из брошюры: [Gerken.] Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-see neuerbaueten russischen Residentz-Stadt St. Petersburg... Franckfurt; Leipzig, 1718. — Неполный русский перевод: Описание... столичного города С.-Петербурга... / Перевод [с немецкого] Е.Э. Либталь; предисловие, научная редакция и комментарий С.П. Луппова // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1975. С. 197–247. — Здесь цитируем в уточнённом переводе по ганноверскому дипломату при царском дворе, приложившему текст Геркенса к своему обширному труду о Русском государстве (1721), см.: Из книги Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия»: Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 130–131.
26. Имеем в виду: Allgemeines Russisches Land-Recht, Wie solches auf Befehl Ihrer Czaar[ischen] Majest[tät] Alexei Michailowicz zusammen getragen worden, damit allen Ständen des Moscovitischen Reichs vom Höchsten biß zum Niedrigsten Gleichmäßiges Recht und Gerechtigkeit in allen Dingen wiederfahren möge / Aus dem Rußischen ins Teutsche übersetzt, Nebst einer Vorrede Burcard Gotthelff Struvens. Dantzig, 1723.
27. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 313–327; словарь и разговорник на S. 316–327.
28. См., напр.: Берков П.Н. 1) Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Л., 1930. Т. V. С. 89–90; 2) Berkov P.N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 10–11, 15; Шаповал В.В. 1) Материалы по русскому языку в изданиях 1705 и 1723 г. справочника «Московский купец» П.Я. Марпергера: Сравнительный анализ // Paleoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2012. Vol. 20. № 2. P. 148–188; 2) Лудольф и Марпергер: К истории одного разговорника начала XVIII в. // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум. М., 2012. С. 73–74; Никандрова Т.Е. Экзотическая лексика русского происхождения в сочинении А. Олеария о Московии // Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. С. 6, примеч. 1; с. 40, 43, 84, 88, примеч. 7; с. 96, примеч. 7; с. 112, 116, 122, 132, 137, 167, 187, 203, 208, 209, 214, 217, примеч. 2; с. 218, примеч. 1. — Автор ссылается главным образом на первое издание «Московитского купца...»; сведения о словарице во втором заимствованы из большой статьи В.В. Шаповала.
29. См., напр.: Люнден С.С. Список XVII века азбуки о голом и небогатом человеке // Scando-Slavica. 1963. Т. 9. S. 169–185; Lunden S.S. Marperger again // Ibidem. 1968. Т. 14. S. 165–167; Graßhoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Auferklärung: Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. S. 65–66 u. a.

ENGLISH

P.J. Marperger and His Work “Moscovitischer Kaufmann...” (1723)

Yuri Nikolaevich Bespyatykh — Dr. Sc. of History, leading research fellow of St. Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “The Work of P.J. Marperger ‘Moscovitischer Kaufmann...’ (Lübeck, 1723. 368 S.) as a Historical Source about Russia during the Epoch of Peter the Great” (15-01-00259a).

E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

Nikolay Vasilyevich Kiryushchenko – Cand. Sc. of History, CEO of Information & Publishing Company Istoricheskaya Illyustratsyya LLC, researcher in the same project.
E-mail: info@ist-il.spb.ru

The scope of work carried out by the German scholar and entrepreneur P.J. Marperger is much broader than its title and represents a sort of a reference for foreign business people, who arrived in Russia, steering them through the country. The author, using authentic documents, oral sources and, possibly, his own observations, provided extensive information about the international commerce as such, trade laws and rules, features of the Russian customs, types of coins, common measures and weights. He also (mainly, referring to the available Western European literature in English, French and Latin) obtained in-depth insights into the internal and overseas political and military history of our country, depicted its geography with natural and climatic conditions, the largest cities, rivers, lakes and seas; described the living conditions, way of living and manners, customs and religious preferences of the peoples living in the country. P.J. Marperger introduces readers to the convenient ways of quick traveling of travelers and postal officers through the empire. A special chapter is the Russian-German dictionary and phrasebook.

Keywords: P.J. Marperger, Peter the Great, Russia, history, geography, natural resources, internal and overseas politics, wars, laws, international commerce, merchants, product range, prices, monetary system, measures and weights, vocabulary and phrasebook

REFERENCES

1. Sm.: Catalogue de la section des Russica, ou Écrits sur la Russie en langues étrangères / Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1873. T. I-II. – Pereizdano reprintom: Katalog kollektsii Russica: Proizvedeniya i dokumenty na inostrannykh yazykakh, imeyushchie otnoshenie k Rossii; Imperatorskaya Publichnaya biblioteka v Sankt-Peterburge. M., 2004. T. I-II. – Dlya istorikov pervostepennyy interes predstavlyayut: Dorevolutsionnye izdaniya po istorii SSSR v Inostrannom fonde Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina: Sistemacheskyy ukazatel'. Vyp. 1: Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVII veka / Sost.: A.L. Gol'dberg, I.G. Yakovleva. L., 1982; Vyp. II: Obrazovanie Rossiyskoy imperii (1682–1725) / Sost.: A.L. Gol'dberg, I.G. Yakovleva. L., 1984; Vyp. III: Dvoryanskaya imperiya XVIII veka 1725–1801 / Sost.: A.L. Gol'dberg, I.G. Yakovleva. L., 1986; Vyp. IV: Otechestvennaya voyna 1812 g. Uchastie Rossii v kampaniyakh 1813–1814 gg. / Sost.: I.G. Yakovleva, V.V. Antonov. SPb., 1993; Vyp. V: Epokha Aleksandra I / Sost.: I.G. Yakovleva, V.V. Antonov. SPb., 2001; Vyp. VI: Epokha Nikolaya I / Sost.: I.G. Yakovleva, V.V. Antonov. SPb., 2013 (in Russian).
2. [Stat'ya bez podpisi.] Marperger Paul Jacob (Elektronnyy resurs: URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Paul_Jacob_Marperger) (data obrashcheniya: 8.08.2016) (in Russian).
3. Jaeger H. Marperger, Paul Jacob // Neue Deutsche Biographie. 1990. Bd 16. S. 235.
4. Franck J. Marperger Paul Jacob // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1884. Bd. 20. S. 406.
5. Lehmann H. Paul Jacob Marperger (1656 bis 1730), ein vergessener Ökonom der deutschen Frühaufklärung: Versuch einer Übersicht über sein Leben und Wirken. Anhang: Liste der Publikationen Paul Jacob Marpergers // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1971. Bd 12. Teil IV. S. 153–157.
6. Dr. Gablers Wirtschafts Lexicon. Wiesbaden, 1977. Vierte Band: L–P. Sp. 1755 (Elektronnyy resurs: https://books.google.ru/books?id=j3_RBgAAQBAJ&pg=RA2-PA1561&dq=Dr.+Gablers+Wirtschafts-Lexikon:+Vierter+Band+L) (data obrashcheniya: 11.09.2016).
7. Arndt J. Kommentar zum Buch von Paul Jacob Marperger: Vollständiges Küch- und Keller-Dictionarium. München, 1978. S. 44.

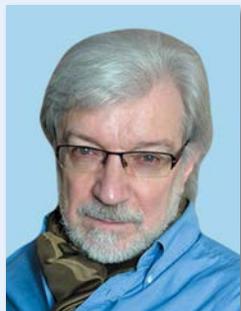
8. Kellenbenz H. Marchands en Russie aux XVIIe – XVIIIe siècles / Traduit de l'allemand par Marie-Élisabeth Xifaras // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11 № 11–4. P. 579–616.
9. Lehmann H. Paul Jacob Marperger... S. 125–157.
10. Dünnhaupt G. Paul Jacob Marperger (1656–1730) // Dünnhaupt G. Personal bibliographien zu den Drucken des Barock. Stuttgart, 1991. Bd 4. Sp. 2638–2672.
11. Graßhoff H. Paul Jacob Marperger – ein Popularisator Olearius' und Ludolfs // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Jahrgang 6. H. 1. S. 174–199.
12. Ermasov E.V. Rossiya pervoy chetverti XVIII veka v sochinenii Paulya Marpergera «Moskovitskiy kupets» // Yazyk – Obshchestvo – Kul'tura – Mentalitet: Sbornik statey / Pod red. T.A. Shido. Saratov, 2005. S. 130–141. – Nekotorye soobshchaemye P.Ya. Marpergerom svedeniya o Rossii uchteny etim issledovatelem takzhe v dissertatsii (Ermasov E.V. Pyotr I i Rossiya v nemetskoy publitsistike pervoy chetverti XVIII veka: Diss. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2000) i neskol'kikh stat'yakh (in Russian).
13. Mintslov R.I. Bibliograficheskie otryvki: Neskol'ko redkikh i maloizvestnykh inoyazychnykh sochineniy, odnosyashchikhsya do Petra Velikogo i ego veka // Otechestvennye zapiski: Uchyono-literaturnyy zhurnal. 1856. T. CIV. № 2. Otd. II. [Stat'ya] V. S. 371–374 (in Russian).
14. Yanzhul I.I. Moskovskiy kupets kontsa 17 veka: (Po otzyvam inostrantsa-sovremennika): (Istoriko-bibliograficheskaya zametka) // Russkaya starina. 1896. T. 86. № 5. S. 431–441 (in Russian).
15. Maslakovets N.G. Nemetskiy trgovyy spravochnik-putevoditel' nachala XVIII veka po Rossii: (P.Ya. Marperger o russkoy trgovle). Kiev, 1914 (otd. ott. iz: Universitetskie izvestiya. 1914. № 1). S. 1–22 (in Russian).
16. Bich O.I. Moskovitskiy kupets // Minuvshie dni: Illyustrirovannyi istoricheskiy al'manakh. 1928. № 3. S. 138–143 (in Russian).
17. Sm., napr.: Izvestie o tsene nekotorykh tovarov, kak onye v Moskve 1704 goda prodavaemy byli: Iz izvestiy P.I. Marpergera // Tumanskiy F.O. Rossiyskiy magazin. SPb., 1792. Ch. I. S. 429–430; Polevoy N.A. Rasskazy russkogo soldata // Russkie povesti XIX veka 20-kh–30-kh godov. M.; L., 1950. T. 2 (perepechatka izdaniya 1834 g.). S. 4–5; Valishevskiy K. Pyotr Velikiy. Ch. 3: Delo: Po novym istochnikam / Perevod s frantsuzskogo A. Gretman. M., 1990 (reprint izdaniya 1911 g.). S. 261; Kulisher I.M. Istoriya russkoy trgovli i promyshlennosti. Chelyabinsk, 2003 (perepechatka izdaniya 1923 g.). S. 155, 175; Pushkaryov L.N. Obrabotka A. Shamisso drevnerusskoy povesti «Shemyakin sud» // Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.: Sbornik statey / Red. kol.: A.A. Zimin, V.T. Pashuto. M., 1961. S. 517; Bespyatykh Yu.N. 1) Inostrannye istochniki po istorii Rossii pervoy chetverti XVIII v. SPb., 1998. S. 83, 131, 236, 239, 259–266, 270, 276, 280–281, 291, 294, 391–392, 401–403, 406–409; 2) Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh... L., 1991. S. 6–8, 37; 3) Navodneniya v Peterburge Petra I. SPb., 2013. S. 217–218, 350; 4) Kommentariy // Grund G. Doklad o Rossii v 1705–1710 godakh / Perevod s nemetskogo, stat'ya i kommentariy Yu.N. Bespyatykh. M.; SPb., 1992. S. 190; Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyakh XV – nach. XX veka / Sost. G.M. Kovalenko. M., 2005. S. 165–166. – Fragment o Velikom Novgorode v perevode S.I. Tsvetkovoy; Kovalenko G.M. 1) Velikiy Novgorod v evropeyskoy pis'mennosti XV – nach. XX v. Velikiy Novgorod, 2007. S. 193. – Fragment o Velikom Novgorode v perevode T.V. Vasil'evoy i S.I. Tsvetkovoy; 2) Velikiy Novgorod: Vzglyad iz Evropy: XV – nachalo XX v. SPb., 2010. S. 261–263. – Takogo nemalo, no poroy, znakomyas' s tekstami inykh (ne upomyanutykh zdes' avtorov), obnaruzhivaem libo ne bez osnovaniya predpolagaem, chto svedeniya nekritichno vzyaty iz literatury, mezhdru tem kak sam issledovatel' ne derzhal v rukakh obsuzhdaemykh zdes' izdaniy truda P.Ya. Marpergera. Pokazhem zdes' lish' odno kharakternoe vyskazyvanie, sposobnoe vvesti chitateley v zabluzhdenie: «...v 1723 godu v g. Lyubek[e] vyshlo v svet posobie dlya nemtsev P.Ya. Marpergera “Moskovskiy kupets”. Kniga predstavlyala soboy razgovornik dlya inostrantsev, tekst kotorogo byl peredan latinskimi bukvami» (Sedina I.V. Uchebno-metodicheskaya literatura po inostrannym yazykam v Rossii XVIII veka // Inostrannye yazyki v usloviyakh globalizatsii: Obrazovanie, ekonomika, kul'tura: Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Saransk, 2013. S. 382–383) (in Russian).

18. Sm. perechen' 27 trudov, nachinaya s XVI v., na nemetskom, angliyskom, frantsuzskom i latinskom: Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 327–330. – Odnako ustanovleno, chto etim spiskom izvestnye emu ne ischerpyvayutsya, v tekste naydeny zaimstvovaniya, v tom chisle ves'ma obshirnye, takzhe iz drugikh sochineniy (in Russian).
19. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 146.
20. Ibid. S. 59.
21. Ibid. S. 217–218.
22. Ibid. S. 218–219.
23. Savari (Savary) Zhak (1622–1690), frantsuzskiy kommertsant i ekonomist, avtor chrezvychno populyarnogo truda «Le parfait négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers» (Paris, 1675) (in Russian).
24. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 219–221.
25. Ibid. S. 33–37. – Pochti doslovno perepisano iz broshyury: [Gerkena.] Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-see neuerbaueten russischen Residentz-Stadt St. Petersburg... Franckfurt; Leipzig, 1718. – Nepolnyy russkiy perevod: Opisanie... stolichnogo goroda S.-Peterburga... / Perevod [s nemetskogo] E.E. Libtal'; predislovie, nauchnaya redaktsiya i kommentariy S.P. Luppova // Belye nochi: Ocherki, zarisovki, dokumenty, vospominaniya. L., 1975. S. 197–247. – Zdes' tsitiruem v utochnyonnom perevode po gannoverskomu diplomatu pri tsarskom dvore, prilozhivshemu tekst Gerkena k svoemu obshirnomu trudu o Russkom gosudarstve (1721), sm.: Iz knigi Fridrikha-Khristiana Vebera «Preobrazhennaya Rossiya»: Prilozhenie o gorode Peterburge i odnosyashchikhsya k etomu zamechaniyakh // Bespyatykh Yu.N. Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh: Vvedenie. Teksty. Kommentarii. L., 1991. S. 130–131 (in Russian).
26. Imeem v vidu: Allgemeines Russisches Land-Recht, Wie solches auf Befehl Ihrer Czaar[ischen] Majest[tät] Alexei Michailowicz zusammen getragen worden, damit allen Ständen des Moscovitischen Reichs vom Höchsten biß zum Niedrigsten Gleichmäßiges Recht und Gerechtigkeit in allen Dingen wiederfahren möge / Aus dem Rußischen ins Teutsche übersetzt, Nebst einer Vorrede Burcard Gotthelff Struvens. Dantzig, 1723.
27. Marperger P.J. Moscovitischer Kauffmann... 1723. S. 313–327; slovarik i razgovornik na S. 316–327.
28. Sm., napr.: Berkov P.N. 1) Izuchenie russkoy literatury inostrantsami v XVIII veke // Yazyk i literatura. L., 1930. T. V. C. 89–90; 2) Berkov P.N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 10–11, 15; Shapoval V.V. 1) Materialy po russkomu yazyku v izdaniyakh 1705 i 1723 g. spravochnika «Moskovskiy kupets» P.Ya. Marpergera: Sravnitel'nyy analiz // Paleoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2012. Vol. 20. № 2. P. 148–188; 2) Ludolf i Marperger: K istorii odnogo razgovornika nachala XVIII v. // Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire: II Mezhdunarodnyy nauchnyy simpozium. M., 2012. S. 73–74; Nikandrova T.E. Ekzoticheskaya leksika russkogo proiskhozhdeniya v sochinenii A. Oleariya o Moskovii // Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014. S. 6, primech. 1; s. 40, 43, 84, 88, primech. 7; s. 96, primech. 7; s. 112, 116, 122, 132, 137, 167, 187, 203, 208, 209, 214, 217, primech. 2; s. 218, primech. 1. – Avtor ssylaetsya glavnyim obrazom na pervoe izdanie «Moskovitskogo kuptsa...»; svedeniya o slovarike vo vtorom zaimstvovany iz bol'shoy stat'i V.V. Shapovala (in Russian).
29. Sm., napr.: Lyunden S.S. Spisok XVII veka azbuki o golom i nebogatom cheloveke // Scando-Slavica. 1963. T. 9. S. 169–185; Lyunden S.S. Marperger again // Ibidem. 1968. T. 14. S. 165–167; Graßhoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Auferklärung: Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. S. 65–66 u. a.

УДК 03.23.31

ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-26-37

А.И. КУПРИЯНОВ*

Российское благородное собрание как пространство коммуникации дворянства и государя (1780-е – 1850-е годы)

В статье впервые в историографии Российское (Московское) благородное собрание рассматривается как пространство коммуникации дворянства и императора. На основе архивных документов, материалов периодики, писем, дневников и записок современников проанализирован процесс формирования практики приёма общественной организацией императора, а также различные формы коммуникации, которые возникали между монархом и его подданными на балу. Пространственно-иерархическое место человека на паркете и за праздничным столом определялось его символическим капиталом: чином, знатностью, возрастом, личным знакомством с императором и членами его семьи.

Коммуникация на балу носила светский характер, исключавший любые серьёзные темы. Общение монарха и дворян на балу включало три типа коммуникации: танцевально-телесный, вербальный и визуальный. Императорские балы в Российском благородном собрании служили укреплению связей монарха с дворянством, а также являлись важным средством публичного выражения монархических чувств московского дворянства. Поэтому старшины и члены собрания, ценившие символическое значение этих балов, не останавливались перед огромными тратами на их организацию. Информацию о приёмах монархов в Российском благородном собрании размещали в газетах.

Исследование выполнено на основе широкого круга архивных (ЦГАМ, РГАЛИ) и опубликованных источников: камер-фурьерских журналов, мемуаров, записок и писем, а также материалов периодической печати (газет «Северная пчела», «Северная почта», «Московские ведомости»). Многие из этих материалов впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: дворянство, император, публичная сфера, публичная жизнь, клубы, социальная коммуникация, Москва

* **Куприянов Александр Иванович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Российское благородное собрание в контексте формирования публичной сферы в России» (15-01-00325а).
E-mail: kuprian@mail.ru

Российское (Московское) благородное собрание, созданное в 1783 г., было наиболее массовой добровольной организацией дореформенной России. Изучение его истории началось ещё в 1840-х гг. Брошюра князя Н.Д.Горчакова пропагандировала и прославляла деятельность собрания [1]. Спустя почти полвека появилась работа А.П.Барсукова [2], главное значение которой состояло во введении в научный оборот новых источников по истории собрания.

В современной литературе истории Российского благородного собрания (далее – РБС) посвящены немногие научные труды, из которых отметим статью В.В.Ландинова [3], анализирующую место и роль РБС среди московских клубов дореформенной эпохи, а также две работы автора данной статьи [4]. Некоторые вопросы избранной темы рассмотрены в книге «Дом союзов. История и современность» [5]. Изучение РБС как пространства коммуникации дворянства

и царя в литературе ещё не предпринималось.

Появление нового общественного пространства в Москве и его использование в коронационных торжествах

Члены Собрания, исполненные искренних монархических чувств, стремились продемонстрировать свою любовь к государю и торжественно отпраздновать наиболее значимые события в жизни семьи правящего монарха. Такая практика сложилась не сразу. Когда 28 июня 1787 г. в Москве торжественно праздновалось 25-летие восшествия Екатерины II на престол, в Грановитой палате устроили бал, куда пригласили знатное российское дворянство. А на следующий день в здании Московского благородного собрания (рис. 1) по случаю тезоименитства наследника престола, великого князя Павла Петровича, был устроен маскарад, организацией которого также занимался

Рис. 1. Дом Благородного собрания

Рис. 2. С. Шукин.
Портрет императора Александра I

императорский двор. В книге «Дом Союзов» утверждается, что маскарад удостоили своим посещением императрица и наследник [6]. Эта информация не подтверждается камер-фурьерским журналом: «В маскараде ея императорское величество и их императорские высочества быть не изволили» [7].

Игнорирование маскарада означало, что императрица, устраивая торжества для дворян, посещая дома московской знати, где в её честь давались блестящие праздники, ещё не увидела в РБС перспектив нового канала коммуникации с московским дворянством. Это новое публичное пространство позволяло небогатым дворянам, членам Собрании, почувствовать себя причастными к большой сословной корпорации, благодаря принадлежности к которой они оказывались сопричастными к празднику,

устраиваемому в честь монарха. Для монарха же участие в балах и маскарадах являлось не только средством дальнейшего укрепления своей легитимности в глазах средних и низших слоёв дворянства, консолидации дворянства вокруг персоны государя, но и лёгким способом актуализации любви подданных.

Для москвичей центральным событием каждого царствования была церемония коронации монарха в Кремле. Начиная с коронации Павла I появилась традиция устраивать для монарха бал в стенах РБС. 29 апреля 1797 г. император с супругою был на балу в РБС. Этот бал открыла императрица Мария Фёдоровна в паре с польским королём. А Павел, вопреки тому, что пишут об этикете на балах с высочайшим участием, танцевал в паре не со старшей по положению дамой, а с девицей Марией Петровной Высоцкой. Высочайшие гости рано — уже в 9 час. 10 мин. вечера — вернулись в Слободской дворец, где и ужинали [8].

В ходе коронационных торжеств Александра I в РБС, которое в камер-фурьерском журнале именуется «Московского Благородного Общества клубом», состоялся бал в его честь. Впервые монарха и его супругу московские дворяне «угощали» не только танцами, но и ужином [9]. Праздник, судя по отзыву провинциального чиновника и литератора И.А.Второва, одного из восторженных его участников, был организован далеко не идеально: в залах была чрезвычайная теснота из-за большого числа приглашённых гостей и членов (всего около 6 тыс. человек); на полу лежали груды шпаг и шляп кавалеров, в результате такого хранения пропала шпага великого князя [10]. Но на Александра I (рис. 2) искреннее одушевление, проявленное дво-

рянством, произвело благоприятное впечатление.

Московское дворянство заботилось о том, чтобы информация об устраиваемых им праздниках, на которых присутствовали высочайшие гости, попадала в газеты. Но объём и содержание информации в московских и петербургских изданиях об одном и том же событии могли существенно отличаться. Так, в «Северной пчеле» о бале 6 сентября 1826 г. в РБС опубликована крохотная заметка: «Вчерашнего числа был великолепный бал в Московском благородном собрании. Их императорские величества государь император и государыня императрица Александра Фёдоровна почтили оный высочайшим своим присутствием» [11]. Здесь допущена показательная неточность в именовании собрания: «Московское» вместо «Российское». Эта заметка втрое меньше, чем информация в предыдущем номере газеты о посещении 1 сентября членами императорской семьи «придворного маскарада» в театре [12]. И, напротив, в «Московских ведомостях» была помещена большая корреспонденция о бале, устроенном московским дворянством 6 сентября в РБС для Николая I [13]. Бал был действительно грандиозным, что подтверждается и счётом за праздник — 58 312 руб. [14]. Для понимания масштаба затрат достаточно указать, что в 1805 г. известный меценат П.Г.Демидов пожертвовал на устройство университетов в Киеве и Тобольске по 50 тыс. руб., а в указе Сената (1825 г.) фигурирует каменный дом в Москве, оцененный в 20 тыс. руб. [15].

Балы в честь императора

В журналах старшин подобные приёмы монарха и членов его семьи именовались «угощением балом» его императорского

Рис. 3. К. Робертсон.

Портрет императрицы Александры Фёдоровны

величества. Далее для краткости в статье эти мероприятия именовются «императорским балом». Бал был главным организующим элементом, вокруг которого устраивался весь приём государя, поэтому, едва появившись в собрании, венценосная чета принималась выполнять светские обязанности — танцевать с наиболее знатными дамами и кавалерами. Император и императрица по-разному относились к бальным танцам. Как свидетельствовала великая княжна Ольга Николаевна: «Мама любила танцевать и была прелестна. <...> Папа принимал балы как неприятную необходимость, не любил их» [16].

Рис. 4. М. Зичи. Торжественный обед в Грановитой палате

Однако и очаровательная Александра Фёдоровна (рис. 3) вынуждена была танцевать, как правило, с пожилыми представителями московской элиты, в число которых входили и старшины РБС [17]. Подобная информация в газетах высоко поднимала в светском обществе престиж РБС и его старшин, которым выпала честь танцевать с императрицей и/или с великой княгиней.

Императорские балы устраивались и при кратких визитах монарха в Москву. Так, в 1809 г. Александр I вместе с сестрой Еленой Павловной посещает бал в РБС, на котором присутствовало до 3000 членов и посетителей, а около 500 дам занимали хоры и «составляли вид единственный и необыкновенный» [18]. К этому времени Александр I, не любивший публичные церемонии, оценил важность праздничной коммуникации с московским дворянством, которое самопрезентировалось в качестве выразителя патри-

отических и монархических чувств всех дворян. Участники собрания с восторгом восприняли слова императора о желании «быть членом сего благородного собрания, на установленных для всего дворянства правилах». Благородное собрание, одушевившись вниманием монарха, перенесло дату возобновления билетов с января на декабрь, а ежегодное празднество установило «отныне навсегда» 12 декабря в день рождения Александра I, и «в память, что сего 1809 года угодно было государю императору провести сей драгоценный для сынов России день в сей столице, и во изъявление всеподданнейшей благодарности от собрания за все милостивейшее соизволение быть членом одного» [19]. В дальнейшем это не помешало старшинам привязать дату клубного праздника ко дню рождения Николая I.

Большинство дворян в дни коронации не имело шансов присутствовать на церемонии в Успенском соборе или на балу

в Грановитой палате (рис. 4). Но для них оставалась возможность увидеть монарха в РБС. В 1826 г. старшины, обнаружив, что имевшихся средств для бала не хватает, пригласили губернских предводителей дворянства для обсуждения праздника «от лица российского дворянства» по случаю коронации. Восемь приглашённых предводителей дворянства согласились внести недостающие 30 тыс. руб. и избрать временных старшин для встречи и приёма императора [20]. По подписке, в которой участвовали 52 человека, удалось собрать 4250 руб. [21], покрывших 7% расходов.

Социальная иерархия пространства императорских балов

Особенность императорских балов состояла в их официальном характере, поэтому вблизи императора оказывались люди, имевшие «заслуги». На придворных приёмах решающее значение имел чин. В РБС этого критерия придерживались не так строго. «При входе его императорского величества, займут места в аванзалах особы обоёго пола летами и отличием заслуживающие первые удостоиться принять высоких посетителей...», — гласил церемониал приёма монарха московским дворянством в 1817 г. [22]. Это означало, что не только чин, но возраст и титул влияли на позиционирование человека в иерархическом пространстве бала.

Молодые люди, не удостоенные чинов и орденов, оказывались, как правило, далеко от царя и не могли хорошо рассмотреть обожаемого монарха из-за многочисленной «заслуженной» публики, толпившейся возле него. Вот что говорила о достоинстве пребывания на хорах Е.П. Янькова: «...мне никогда не приходилось видеть придворного бала, потому что балы в собраниях в присутствии высочайших особ — это совсем другое дело, чем бал при дворе. Очень мне любопытно было следить за всеми этими господами, как они старались незаметным манером друг друга оттереть и, будто случай-

но, стать там, где могли привлечь к себе внимание, или надеялись услышать милостивое слово. Все эти фокусы находящимся в зале незаметны, а с хор видно всех в одно время...» [23].

В таком контексте пребывание на хорах оказывалось для многих участников бала привилегией, которой пользовались, в первую очередь, дамы. На бал в ноябре 1817 г. для дам приготовили 140 билетов, которые передали предводителям дворянства для последующей раздачи из расчёта по 10 билетов каждому, «сверх сего хоры предоставляются господам членам Благородного собрания» [24]. В связи с тем, что на этих мероприятиях дресс-код для мужчин в одних случаях требовал, чтобы все кавалеры были в мундирах, а в других — допускал возможность быть во фраке, балкон становился местом, на котором собирались все, кто не желал быть в мундире, когда это было предписано организаторами. В июне 1818 г. В.Л. Пушкин писал князю П.А. Вяземскому: «Сегодня я поеду в Благородное собрание — на хоры. Пудриться я не люблю да и наместнический мундир мне не по сердцу. Я всех увижу издали» [25].

Восприятие современниками императорских балов в залах РБС существенно отличалось. Сохранились как восторженные отзывы, так и нейтральные. На некоторых зрелых дворян, искущённых в светской жизни, эти балы в РБС особого впечатления не производили. Так, 35-летний В.Д. Олсуфьев, посетивший бал 20 октября 1831 г., без всяких эмоций отметил два обстоятельства: говорил с императрицей и государем; брат был дежурным старшиной в собрании [26].

Оборотная сторона демонстративной расточительности приёмов императора

Отсвет любви московского дворянства к своему государю озарял порой его коронованных европейских родственников и союзников. В частности, старшины и члены 6 июня 1818 г. «постановили»:

по случаю посещения Москвы прусским королём дать праздник. Предварительная смета показала, что не достаёт 7 или 8 тыс. руб. Тогда решили устроить праздник в кредит. Старшины, найдя выход, незамедлительно уведомили царя, что деньги готовы *«и по высочайшей воле назначенный праздник 9 числа от усердия всех членов быть имеет (курсив мой. — А.К.)»* [27].

В дальнейшем старшины с трудом изыскивали необходимые средства. Так, в сентябре 1843 г. дефицит средств для императорского бала в размере 1500 руб. ассигнованиями покрыли из суммы пансионерного заведения. Деньги были заимствованы с обязательством вернуть из будущих доходов «по мере возможности» [28]. Подобное использование пенсионного капитала было нередким в середине XIX в. Капитал, внесённый в 1800-х гг. для содержания воинов, потерявших здоровье, фактически превратился в 1840-х гг. в резервный капитал для чрезвычайных расходов.

Приёмы монархов требовали дополнительных трат на ликвидацию их последствий. Например, на бал 1 октября 1843 г. потратили 15 222 руб., в том числе на приобретение «вещей» (включая расходы на драпировку) — 4559 руб. [29]. В этой категории были материи, которые пошли на декорирование портретов монархов, обивку стен, покрытие полов и т.д. Большинство декораций были одноразовыми, их необходимо было демонтировать. При продаже оставшихся вещей, купленных за 2982 руб., выручили 633 руб. [30].

Старшины РБС жили в плену представлений минувших лет. Собрание испытывало серьёзные финансовые затруднения, численность его членов сокращалась, количество посетителей также уменьшалось, а старшины пытались создать видимость его процветания. Поведение старшин во время подготовки к приёму «высочайших гостей» было иррациональным. Ради того, чтобы произвести впечатле-

ние на царя, старшины разрушали основы финансового благополучия Собрания, тратили средства благотворительного фонда и вообще начали жить в долг.

Рассматривая причины упадка Собрания в конце 1810-х гг., А.Барсуков писал: «Ряд торжеств, поражавших приезжих иностранцев своим блеском, вконец истощил кассу Благородного собрания» [31]. Разделяя эту позицию, отмечу, что расходы по организации этих приёмов, иногда несло не только РБС, но и дворянство всей Московской губернии. Так, в деле «О угощении государя императора и всей высочайшей фамилии» 1817 г. имеется постановление спешно созванного 5 ноября совещания, состоявшего из губернского и уездных предводителей и «из дворян, по должностям значущихся». Совещание распределило между уездными предводителями почти все обязанности по встрече императора и других гостей. Предводители дворянства во главе с П.Х.Обольяниновым, приняв на себя организацию торжества, взяли из дворянской казны 30 тыс. руб. на расходы [32].

В корреспонденции от 9 ноября об этом событии в «Северной почте» отмечалось, что царя встретили губернский и уездные предводители дворянства, т.е. старшины клуба в этой церемонии не участвовали (рис. 5). Бал открыли «польским» Александр I и императрица Мария Фёдоровна. «Потом его величество изволил танцевать в продолжение шести часов со многими дамами». Гости (дворян и купцов) было до 3580 персон. «Ужин был крупнейший и великолепнейший» [33].

15 ноября 1817 г. уже РБС устроило бал для императорской семьи, в котором участвовали 1200 гостей. Старшины на правах хозяев танцевали «польские» с императрицами Марией Фёдоровной и Елизаветой Алексеевной [34]. 12 декабря 1817 г., в день рождения монарха, состоялось ещё одно «угощение балом» императорской фамилии [35]. Однако из корреспонденции в «Северной почте»

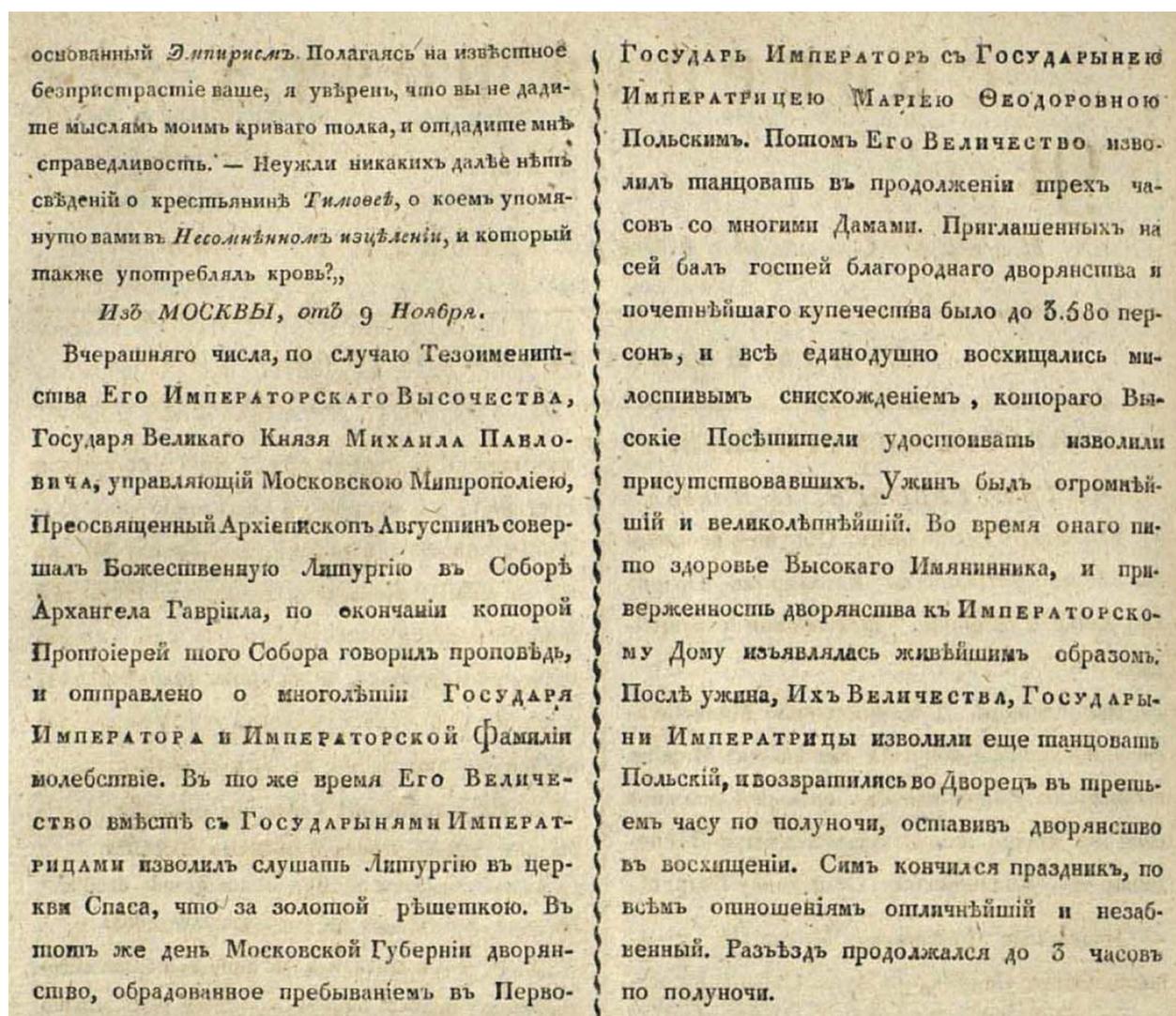

Рис. 5. Фрагмент корреспонденции в газете «Северная почта». 1817 г. № 91

об этом празднике не ясно, кто же был его «хозяином»: РБС или губернская корпорация дворянства?

С инициативой о проведении императорских балов в РБС выступали, как правило, старшины собрания или губернский предводитель дворянства, реже — московский военный генерал-губернатор. Каким бы сложным ни было финансовое состояние собрания, старшины всегда отвечали согласием на предложения губернского предводителя или генерал-губернатора. Торжества, устраиваемые ли старшинами РБС или предводителями дворянства Московской губернии, служили выражением верноподанных чувств московского дворянства.

Газетные и журнальные отчёты о приёмах высочайших гостей являлись важными средствами пропаганды монархических чувств московского дворянства в публичной сфере. Освещение в периодике императорских балов, по замыслу устроителей, должно было служить эталоном для благородного сословия всей империи.

Значимость общения дворянства с государем в бальном пространстве

В описании торжественных приёмов, устраиваемых дворянством Московской губернии, удивляет чрезмерность прилагаемых усилий для придания помпезности этим ритуальным по своей сути мероприятиям. Поражает масштабность ра-

бот, обилие временных праздничных перестроек интерьеров, ненужность большинства из них, архаичный эстетический вкус с ориентацией и в 30–40-х гг. XIX в. на вышедший в Европе из моды ампир в его «богатстве и великолепии».

Всё это великолепие по завершении приёма императора ломалось, выбрасывалось в связи с отсутствием места для хранения, частично продавалось по невысоким ценам. К очередному балу декорации, подиумы, ложные арки, новые драпировки гостиных для императора и императрицы и многое другое возводилось вновь. Для бюджета РБС и «дворянских сумм», которыми распоряжалось дворянское депутатское собрание во главе с губернским предводителем, подобное нерациональное поведение стоило дорого. Но в картине мира московского дворянства доминировало другое. В центре политической жизни находилась фигура правящего монарха. Дворянство обожало в большей или меньшей степени любого государя, стремилось лицезреть его, заслужить его благосклонное внимание и одобрение. Поведение большинства дворян на балах с высочайшим участием напоминает поведение современных фанатов поп-звезд, разумеется, с поправкой на лучшее воспитание людей в императорской России, а также восприятием монарха как сакральной фигуры [36]. При таком восприятии монарха рациональность поведения оказывалась где-то

на периферии картины мира московских дворян.

Подводя краткие итоги исследования, следует отметить уникальность приёмов императора московским дворянством в доме Российского благородного собрания. Во-первых, произошло смещение акцентов в праздничной коммуникации дворянства и государя. Прежде светская часть праздничного общения дворянства и монарха в Москве проходила на территории императорских дворцов или в частных домах вельмож. После 1783 г., когда было образовано Собрание, появилось принципиально новое публичное пространство, где происходило общение дворян и царя. Во-вторых, для большинства московских и провинциальных дворян балы в честь императора в Российском благородном собрании были редчайшей возможностью оказаться в непосредственной близости от монарха. Публичное пространство этого клуба позволяло небогатым дворянам почувствовать себя причастными к большой привилегированной сословной корпорации. В-третьих, «угощение» балом императора стало рассматриваться вначале на локальном уровне (в Москве), а затем и на общеимперском – через прессу как новое по форме выражение верноподданнических чувств всего российского дворянства. На эту роль не претендовала ни одна губернская корпорация дворянства, включая петербургскую.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горчаков Н.Д. О Российском благородном собрании в Москве. М., 1843.
2. Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве, по сохранившимся архивным документам. М., 1886.
3. Ландинов В.В. Российское благородное собрание в клубной структуре дореформенной Москвы // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 2. С. 31–37.
4. Куприянов А.И. Российское благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 36–44; Куприянов А.И. Элита московского дворянства и её роль в формировании публичной сферы // Культура и менталитет России Нового и новейшего времени. М., 2018. С. 390–403.
5. Дом союзов. История и современность. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008.

6. Дом союзов. История и современность. С. 27.
7. Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1787 года. СПб., 1886. С. 635–636.
8. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Апрель–июнь 1797 года. СПб., 1897. С. 158–159.
9. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Июль–декабрь 1801 года. СПб., 1901. С. 310–311.
10. РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 44об., 45.
11. Северная пчела. 1826. № 110.
12. Северная пчела. 1826. № 109.
13. Московские ведомости. 1826. № 73.
14. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 381. Оп.1. Д. 53. Л. 60, 49.
15. Русский биографический словарь / Половцов А.А. Т. 6. СПб., 1905. С. 225; Московские ведомости. 1825. № 91.
16. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1848 // Николай I. Император. Муж. Отец / [Сост., предисл. Н.И. Азаровой]. М.: Слово, 2000. С. 247.
17. Московские ведомости. 1826. № 73.
18. Горчаков Н.Д. О Российском благородном собрании в Москве. М., 1843. С. 27.
19. Северная почта. 1809. № 14.
20. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–15 об.
21. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 53. Л. 20–21.
22. ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2597. Л. 19.
23. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д.Д. Благово. СПб., 1885. С. 351–352.
24. ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2597. Л. 72.
25. Михайлова Н.И. Письма В.Л. Пушкина к П.А. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 220.
26. ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 530. Л. 20.
27. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 134 об.–135.
28. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 123. Л. 65–65 об.
29. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 123. Л. 70, 76–76 об., 83.
30. ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 123. Л. 69–69 об., 70, 71.
31. Барсуков А. Указ. Соч. С. 22.
32. ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2597. Л. 3–4.
33. Северная почта. 1817. № 91.
34. Северная почта. 1817. № 94.
35. Северная почта. 1817. № 101.
36. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культур и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987.

ENGLISH

The Russian Assembly of the Nobility as a Communication Venue for the Upper Class and the Emperor (1780–1850s)

Alexander Ivanovich Kupriyanov – Dr. Sc. of History, leading research fellow of St. Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “The Russian Assembly of the Nobility in the Context of the Public Sector Emergence in Russia” (15-01-00325a).

E-mail: kuprian@mail.ru

For the first time in the historiography, the paper views the Russian (Moscow) Assembly of the Nobility as a communication venue for the upper class and the Emperor. Based upon archival documents, periodicals, letters, diaries and records of the contemporaries, the researcher focuses on the emerging reception practices by the public organization of the Emperor, as well as various ways of communication that arose between the monarch and his subjects at a ball. The spatial-hierarchical place of a person at a ball and at the festive table depended on his/her symbolic capital: rank, nobility, age, and personal acquaintance with the emperor and his family.

The communication at a ball was secular by nature, and excluded any serious topics. The communication between the monarch and the nobility at a ball was of three types: dancing and body contact, verbal and visual. Imperial balls in the Russian Assembly of the Nobility aimed at strengthening the monarch's ties with the nobility and served as a crucial tool of publicly expressing the pro-monarchical feelings by the Moscow's upper class. Therefore, the leaders and members of the assembly, who appreciated the symbolic value of these balls, spent huge amounts of money on their organization. The details of the monarch's receptions in the Russian Assembly of the Nobility were published in newspapers.

The research is based on a wide range of archival (Central State Archive of Moscow, Russian State Archive of Literature and Art) and published sources: chamber fourrier journals, memoirs, notes and letters, as well as periodicals (newspapers *Severnaya Pchela*, *Severnaya Pochta*, *Moskovskie Vedomosti*). Many of these materials are first introduced into the academic domain.

Keywords: nobility, Emperor, public sector, public life, clubs, social communication, Moscow

REFERENCES

1. Gorchakov N.D. O Rossiyskom blagorodnom sobranii v Moskve. M., 1843 (in Russian).
2. Barsukov A. Rossiyskoe blagorodnoe sobranie v Moskve, po sokhranivshimsya arkhivnym dokumentam. M., 1886 (in Russian).
3. Landinov V.V. Rossiyskoe blagorodnoe sobranie v klubnoy strukture doreformennoy Moskvy // Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. 2009. № 2. S. 31–37 (in Russian).
4. Kupriyanov A.I. Rossiyskoe blagorodnoe sobranie i modernizatsiya publichnoy zhizni v doreformennoy Rossii // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2015. № 4. S. 36–44; Kupriyanov A.I. Elita moskovskogo dvoryanstva i eyo rol' v formirovaniy publichnoy sfery // Kul'tura i mentalitet Rossii Novogo i noveyshego vremeni. M., 2018. S. 390–403 (in Russian).
5. Dom soyuzov. Istoriya i sovremennost'. M.: Izd-vo Glavarkhiva Moskvy, 2008 (in Russian).
6. Dom soyuzov. Istoriya i sovremennost'. S. 27 (in Russian).

7. Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyy zhurnal. 1787 goda. SPb., 1886. S. 635–636 (in Russian).
8. Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyy zhurnal. April' – iyun' 1797 goda. SPb., 1897. S. 158–159 (in Russian).
9. Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyy zhurnal. Iyul' – dekabr' 1801 goda. SPb., 1901. S. 310–311 (in Russian).
10. RGALI. F. 93. Op. 1. D. 24. L. 44ob., 45 (in Russian).
11. Severnaya pchela. 1826. № 110 (in Russian).
12. Severnaya pchela. 1826. № 109 (in Russian).
13. Moskovskie vedomosti. 1826. № 73 (in Russian).
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Moskvy (TSGAM). F. 381. Op. 1. D. 53. L. 60, 49 (in Russian).
15. Russkiy biograficheskiy slovar' / Polovtsov A.A. T. 6. SPb., 1905. S. 225; Moskovskie vedomosti. 1825. № 91 (in Russian).
16. Son yunosti. Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1825–1848 // Nikolay I. Imperator. Muzh. Otets / [Sost., predisl. N.I. Azarovoy]. M.: Slovo, 2000. S. 247 (in Russian).
17. Moskovskie vedomosti. 1826. № 73 (in Russian).
18. Gorchakov N.D. O Rossiyskom blagorodnom sobranii v Moskve. M., 1843. S. 27 (in Russian).
19. Severnaya pochta. 1809. № 14 (in Russian).
20. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 53. L. 15–15 ob. (in Russian).
21. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 53. L. 20–21 (in Russian).
22. TSGAM. F. 4. Op. 1. D. 2597. L. 19 (in Russian).
23. Rasskazy babushki. Iz vospominaniy pyati pokoleniy, zapisannye i sobrannye eyo vnukom D.D. Blagovo. SPb., 1885. S. 351–352 (in Russian).
24. TSGAM. F. 4. Op. 1. D. 2597. L. 72 (in Russian).
25. Mikhaylova N.I. Pis'ma V.L. Pushkina k P.A. Vyazemskomu // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1983. T. 11. S. 220 (in Russian).
26. GARF. F. 1019. Op. 1. D. 530. L. 20 (in Russian).
27. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 7. L. 134 ob.–135 (in Russian).
28. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 123. L. 65–65 ob. (in Russian).
29. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 123. L. 70, 76–76 ob., 83 (in Russian).
30. TSGAM. F. 381. Op. 1. D. 123. L. 69–69 ob., 70, 71 (in Russian).
31. Barsukov A. Ukaz. Soch. S. 22 (in Russian).
32. TSGAM. F. 4. Op. 1. D. 2597. L. 3–4 (in Russian).
33. Severnaya pochta. 1817. № 91 (in Russian).
34. Severnaya pochta. 1817. № 94 (in Russian).
35. Severnaya pochta. 1817. № 101 (in Russian).
36. Zhivov V.M., Uspenskiy B.A. Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii // Yazyki kul'tur i problemy perevodimosti. M.: Nauka, 1987 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 331.5

ГРНТИ 06.77.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-38-49

А.Г. КОРОВКИН, И.Н. ДОЛГОВА, Е.А. ЕДИНАК, И.Б. КОРОЛЁВ*

Прогнозно-аналитическое исследование взаимосвязей сферы занятости и профессионального образования в России

Обсуждаются вопросы взаимосвязанной динамики системы занятости и системы образования в РФ и её регионах, выявляются структурные и региональные особенности таких взаимосвязей. Рассматриваются проблемы анализа, моделирования и прогнозирования процесса согласования спроса на рабочую силу и её предложения с различным уровнем образования на национальном и региональных рынках труда. Исследуются факторы и условия, определяющие специфику взаимодействия спроса на рабочую силу и её предложения с учётом образовательных характеристик рабочей силы, в том числе на уровне регионов. Рассматриваются результаты моделирования процесса согласования спроса на рабочую силу и её предложения с различным уровнем профессионального образования. Показаны особенности взаимодействия спроса и предложения рабочей силы с учётом образовательных характеристик рабочей силы на отдельных региональных рынках труда.

* **Коровкин Андрей Германович** — доктор экономических наук, заведующий лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, руководитель проекта «Взаимосвязь сфер занятости и профессионального образования в прогнозно-аналитическом исследовании динамики национального и региональных рынков труда в России» (16-02-00542а).
E-mail: ecfor1809@mail.ru

Долгова Ирина Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

Единак Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

Королёв Иван Борисович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ecfor1809@mail.ru

Ключевые слова: рынок труда, предложение рабочей силы, спрос на рабочую силу, занятость, система профессионального образования, прогнозирование, моделирование, региональные рынки труда, структурная несбалансированность

Проблема несоответствия спроса на рабочую силу и её предложения не теряет своей актуальности. У этой проблемы можно выделить два одинаково важных и взаимосвязанных аспекта. Первый – это количественная несбалансированность спроса на рабочую силу и её предложения, которая наблюдается на рынке труда в каждый конкретный момент времени. Результатом такой несбалансированности является либо безработица, либо дефицит рабочей силы. Особенность современного российского рынка труда состоит в том, что риски проявления дефицита рабочей силы особенно велики. Усилия по ускорению темпов экономического роста только увеличивают соответствующие риски, поскольку адекватного роста производительности труда может не произойти, а соответствующее рассогласование темпов роста ВВП и производительности труда и есть одно из принципиальных условий возникновения дефицита рабочей силы [1].

Второй аспект состоит в том, что имеет место качественная, структурная несбалансированность на рынке труда, которая, как правило, усугубляет проблему количественного несоответствия. Часть структурных проблем на рынке труда – следствие структурно-технологического неравновесия, в котором находится экономика России [2] и, таким образом, в определённой степени носит «привнесённый» по отношению к рынку труда характер. Упомянутое состояние неравновесия сложилось, в том числе, и под влиянием происходящих в сфере занятости и на рынке труда процессов.

Принципиально важным, с нашей точки зрения, в этом контексте представляется не только поиск первопричины (хотя это, безусловно, отдельная, интересная

и важная как с теоретической, так и практической точек зрения задача), но и вывод относительно путей и подходов к решению соответствующих проблем. Их сложность и значимость предопределяет необходимость реализации комплексного подхода, отсутствие которого существенно ограничивает перспективы улучшения ситуации, в том числе и выхода из неблагоприятного состояния структурного неравновесия. Наряду с этим национальному и локальным рынкам труда в России свойственен и целый ряд других структурных дисбалансов, множество которых во многом и определяет сложившуюся в сфере занятости и на отечественном рынке труда ситуацию.

Неполное согласование спроса на рабочую силу и её предложения, будь то в количественной или качественной формах, ведёт к негативным последствиям и экономическим потерям. Основная часть потерь принимает форму нереализованного потенциала экономического роста, что очень актуально для современной России. В связи с этим важно искать новые и совершенствовать существующие механизмы повышения эффективности согласования спроса на рабочую силу и её предложения. Выявление, классификация и исследование причин, по которым имеет место несовпадение спроса на рабочую силу и её предложения – один из необходимых элементов работы в этом направлении.

Качественную структуру спроса на рабочую силу и её предложения определяет множество характеристик. Вследствие этого возникает необходимость выделения важнейших из них, на которых затем и будет сконцентрировано основное внимание: региональные, по видам экономической деятельности (отраслевые), профессионально-квалификационные, обра-

зовательные, социально-демографические. Оценки показывают, что каждая из этих характеристик вносит заметный вклад в общий уровень структурной несбалансированности на рынке труда. При этом образовательные характеристики рабочей силы выделяются даже в этом ряду. Тем более зачастую речь идёт о связке образовательных и профессионально-квалификационных дисбалансов, т.е. о совпадении или несовпадении сразу нескольких характеристик. А в ряде исследований показано, что именно уровень структурной безработицы в профессионально-квалификационном разрезе наиболее высок [3].

Отсюда естественным образом следует, что обеспечение более высокой степени согласования спроса на рабочую силу различного уровня образования и её предложения позволит заметно смягчить проблему структурной несбалансированности на российском рынке труда и, таким образом, создаст возможности для более полной реализации экономического потенциала и ускорения экономического роста. Выявление и анализ факторов, определяющих динамику и образовательную структуру рабочей силы, будут способствовать получению более точных перспективных оценок параметров занятости и рынка труда.

Конечно, полное совпадение всех характеристик – в определённой степени теоретический посыл, на практике можно говорить о более или менее сильном расхождении, фиксируемом имеющейся статистикой, особенно если учитываемых характеристик очень много. Оно сильное, если различия в характеристиках не позволяют удовлетворить спрос на рабочую силу (предложение рабочей силы). На микроэкономическом уровне, для конкретного индивида или работодателя это означает невозможность найти работу или требуемого работника. Таким

образом, факт того, удовлетворяет ли спрос на рабочую силу её предложение, может считаться ключевым критерием силы такого расхождения.

Образовательные характеристики при согласовании спроса на рабочую силу и её предложения на российском рынке труда

Формирование спроса на рабочую силу и её предложения происходит под воздействием целого ряда факторов, набор которых специфичен для каждого конкретного сегмента рынка труда, а значимость меняется со временем. Факторы формирования спроса на рабочую силу и тенденции в динамике спроса на рабочую силу традиционно находятся в фокусе активного исследовательского внимания (см., например, [4, 5]).

В совокупности факторов, формирующих образовательную структуру рабочей силы, можно выделить следующие: образовательная и половозрастная структуры населения, его здоровье, образовательные структуры эмиграции и иммиграции, уровень участия населения в составе рабочей силы¹, уровень доходов населения, величина заработной платы и соотношение оплаты труда у работников с различным уровнем образования, государственная социально-экономическая политика. Значительную часть совокупности всех таких факторов составляют те из них, которые менее формализованы и более субъективны. Тем не менее зачастую именно они находятся в центре обсуждения (например, вопросы доступности высшего профессионального, качественного образования [6–9]).

Изменения в образовательной структуре занятого и безработного населения непосредственным образом связаны с повышением образовательного уровня населения в целом, фиксируемого пере-

¹ В соответствии с рекомендациями 19-й Международной конференции статистиков труда и принятыми в соответствии с ними Росстатом методологическими изменениями, в настоящее время вместо концепции экономической активности за основу принята концепция участия в трудовой деятельности.

писями населения. Если сегментировать рынок труда в зависимости от уровня образования, то значения основных его параметров для таких сегментов будут различны. Например, чем выше уровень образования, тем выше уровень участия населения в составе в рабочей силе. Максимальный его уровень характерен для людей с высшим профессиональным образованием. Напротив, для населения с профессиональным образованием характерен существенно более низкий уровень безработицы, что, в частности, косвенно свидетельствует об их более высокой конкурентоспособности на рынке труда.

Заработная плата у работников с высшим профессиональным образованием на треть выше, чем в среднем по экономике [10]. В свою очередь, разрыв в уровне оплаты труда наиболее и наименее образованных составляет около двух раз (табл. 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень оплаты труда у работников без высшего профессионального образования отличается далеко не так сильно. Например, можно говорить о сопоста-

вимости уровней оплаты труда работников со средним профессиональным образованием и людей со средним (полным) образованием (т.е. не имеющих профессионального образования). По состоянию на 2017 г. соответствующий уровень оплаты труда различался на 2–3%, что в абсолютном выражении эквивалентно сумме в 800–1200 рублей. Таким образом, очевидно, что на дифференциацию по заработной плате доминирующее влияние оказывают другие факторы. В частности, распределение работников по видам экономической деятельности, по профессионально-квалификационным группам, регионам и др. В зависимости от уровня образования различается и ряд других, не рассматриваемых здесь подробно, но достаточно важных характеристик (например, продолжительность поиска работы и доля застойной безработицы).

Взаимодействие сферы занятости и образования на российском рынке труда: опыт анализа и моделирования

Для исследования процесса согласования рабочей силы и её предложения с учё-

Таблица 1

Заработная плата работников по уровням образования
(в % к средней по экономике)

Уровень образования	2005	2009	2011	2013	2015	2017
Средняя заработная плата в экономике РФ, руб.	8694	18 084	22 717	28 702	32 911	38 609
Высшее профессиональное	130,9	134,7	131,7	133,2	131,8	132,9
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	88,8	84,5	83,2	83,2	81,8	79,7
Среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих	93,4	84,7	86,9	83,4	82,4	80,5
Среднее (полное) общее	88,9	81,7	81,6	79,7	78,8	77,7
Основное общее	73,8	68,3	70,3	75,3	72,1	72,4
Не имеют основного общего	66,4	59,7	64,0	69,2	72,4	80,1

Источник: [10, 11].

том образовательных характеристик рабочей силы предложена многосекторная модель. Она учитывает наличие вакантных рабочих мест с различным уровнем образования, а также сегментацию предложения рабочей силы по уровням образования. Таким образом, предложенный вариант заметно отличается от «классического» вида такой многосекторной модели (см., например, [12, 13]) и позволяет – при наличии статистической информации соответствующей детализации – исследовать процесс согласования спроса на рабочую силу и её предложения более подробно. В общем виде модель имеет следующий вид:

$$\begin{cases} \frac{dv_i}{dt} = (\varepsilon_{li} + \sum_{j=1}^n \mu_{ij} U_j) v_i, & i, j = \overline{1, n} \\ \frac{dU_j}{dt} = (\varepsilon_{oj} + \sum_{i=1}^n \mu_{ij} v_i) U_j, \end{cases}$$

где ε_{ii} – коэффициент прироста вакансий в экономике за счёт движения рабочих мест вследствие тенденций изменения спроса, процессов создания новых и ликвидации старых рабочих мест (далее – инвестиционно-производственный параметр, или параметр спроса на рабочую силу);

ε_{oj} – коэффициенты прироста потенциальных работников (безработных с разным уровнем образования) за счёт демографических факторов, изменения трудовой активности и других факторов (далее для удобства условно будем обозначать «демографический» как в классическом варианте модели);

μ_{ij} – параметры модели, характеризующие взаимодействие потенциальных работников (безработных с разным уровнем образования) и вакантных рабочих мест (параметры движения рабочей силы).

Предложенный инструментальный апробирован для разных случаев. В работе [14] были представлены результаты моделирования для варианта, когда вся рабочая

сила делится только на квалифицированную и неквалифицированную. Такое деление позволяет в зависимости от целей исследования выделить в отдельную группу либо людей с наиболее высоким, либо, напротив, самым низким уровнем образования. При апробации предложенной модели был использован первый вариант. Квалифицированная рабочая сила определялась как занятое и безработное население с послевузовским, высшим и средним профессиональным образованием. В работе [15] мы рассмотрели более общий случай с выделением пяти различных уровней образования.

Ввиду неполноты статистической информации о динамике и структуре вакантных рабочих мест в профессионально-квалификационном и образовательном разрезах при практических расчётах по представленным моделям на первоначальном этапе неявно закладывалась гипотеза о нейтральности вакансий. Для случая рассмотрения образовательных характеристик это далеко не всегда отвечает реальной экономической ситуации, особенно если речь идёт об образовательных характеристиках. В общем случае это предположение можно считать неверным, поскольку образовательный ценз не позволяет людям с низким уровнем образования занимать определённые, требующие высокого уровня образования вакансии. В то же время процессы нисходящей мобильности могут приводить к тому, что некоторые люди будут занимать рабочие места, для которых имеющийся у них уровень образования избыточен.

К сожалению, данные о динамике и структуре вакантных рабочих мест в профессионально-квалификационном и образовательном разрезах ограничены. Использование информации выборочного обследования Росстата «О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам» [16] позволяет значительно продвинуться в этом вопросе, хотя дале-

ко не полностью снимает соответствующий информационный пробел. В данном случае предполагается, что профессионально-квалификационная структура вакантных рабочих мест аппроксимирует её образовательную структуру. Получаемые таким образом оценки числа вакантных рабочих мест по уровням образования используются для оценки уровня структурной безработицы в соответствующем разрезе, при анализе совместной динамики числа вакантных рабочих мест и численности безработных (табл. 2). Для трёх из четырёх рассмотренных разных уровней образования картина в целом схожа. Только для высшего профессионального образования она отличается, доля безработных с этим уровнем образования за 10 лет увеличилась на 9 проц. п.

Отметим, что проблема нисходящей мобильности для случая рассмотрения неудовлетворённого спроса на рабочую силу не так актуальна. При попытке применения этой логики для удовлетворённого спроса на рабочую силу соответствующая проблема возникает вновь. Основанные на несколько других пред-

посылках попытки оценки структуры вакантных рабочих мест по уровню образования представлены, например, в работе [17].

Оценка ретроспективной динамики коэффициентов построенной двухсекторной модели показала, что их значения не совпадают и даже часто находятся в противофазе. Это свидетельствует о различиях процессов согласования спроса на рабочую силу и её предложения, а также о разной реакции внутри двух выделенных нами групп на изменение социально-экономических условий, в рамках которых происходит процесс согласования спроса и предложения на рынке труда. В результате наблюдается разная интенсивность изменения занятости и безработицы у людей с различным уровнем образования.

Полученные результаты подтверждаются при рассмотрении более общего случая, когда выделяемые уровни образования (пять уровней) максимально приближены к реальной образовательной структуре отечественной рабочей силы. В каждом секторе экономики предъяв-

Таблица 2

Оценка числа вакантных рабочих мест и численность безработного населения в РФ и по уровням образования, тыс.

Всего		2010	2012	2014	2016	2017
	вакансии	620	836	821	638	814
безработные	5 544	4 131	3 889	4 243	3 969	
<i>в том числе по уровням образования</i>						
Высшее профессиональное образование	вакансии	188	256	239	207	264
	безработные	822	676	709	868	819
Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена	вакансии	143	195	182	151	192
	безработные	1 148	799	765	870	795
Среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих	вакансии	171	237	233	181	231
	безработные	1 154	839	786	846	797
Без профессионального образования	вакансии	117	147	166	100	127
	безработные	2 421	1 816	1 630	1 660	1 558

Источник: [16, 18], оценки авторов.

ляется спрос на рабочую силу с определённым уровнем образования. Динамика значений параметров модели, а, следовательно, и сила влияния тех или иных стоящих за этими значениями факторов заметно отличается для групп с различным уровнем образования. Особенно большие различия наблюдались в начале 2000-х гг. Как правило, максимальные значения «демографического» параметра характерны для высшего профессионального образования, происходит рост численности занятого населения. Сопоставление значений параметров для разных групп позволяет оценить сравнительную эффективность совместного движения безработных и вакантных рабочих мест, или, другими словами, эффективность процесса согласования текущего спроса на рабочую силу и её предложения. Судя по полученным результатам, этот процесс в 2000–2016 гг. был более эффективен для высшего профессионального образования. Эффективность процессов согласования для других групп различается не так сильно, хотя можно отметить, что она выше для групп со средним и начальным профессиональным образованием.

Взаимодействие систем занятости и образования: региональные особенности

Ситуация на региональных рынках труда имеет свою специфику, которая определяется далеко не только географическим положением, различными масштабами региональных рынков труда и дифференциацией в уровне экономического развития регионов [19]. При рассмотрении взаимосвязей сферы занятости и системы профессионального образования на национальном уровне нет возможности в полной мере учесть такие факторы, как процессы движения населения и рабочей силы, неравномерное распределение как предложения рабочей силы, так и спроса на неё по территории страны. Различная ситуация на регио-

нальных рынках труда также накладывает свои ограничения. Имеет место высокая степень концентрации учреждений высшего профессионального образования. Наконец, именно на региональном уровне в полную силу проявляется проблема доступности качественного профессионального образования (и не только отечественного), что также не может не сказываться на специфике взаимосвязей сферы занятости и сферы профессионального образования.

В развитие точки зрения об особенностях процесса согласования спроса на рабочую силу и её предложения на структурно несбалансированных национальном и региональных рынках труда в рамках проекта была проведена оценка уровня структурных дисбалансов на региональных рынках труда. На её основе субъекты РФ были классифицированы по уровню структурных дисбалансов, показаны регионы, где они наиболее сильны или, напротив, минимальны. Таким образом, тезис о том, что ситуация на национальном рынке труда в значительной степени определяется положением на локальных рынках труда, раскрывается через выявление регионов, которые прежде всего её и определяют. Этот результат имеет и важное прикладное значение, так как может быть использован при настройке мер государственной политики занятости, конкретизации её текущих приоритетов.

Для проверки гипотезы относительно различий процессов в сфере занятости и рынка труда регионов с разным уровнем структурных дисбалансов был рассмотрен процесс согласования спроса на рабочую силу и её предложения в нескольких различающихся по этому показателю регионах Центрального федерального округа (подробнее см. [20]). В целом проверяемая гипотеза, по нашему мнению, нашла своё подтверждение, поскольку динамика значений параметров модели согласования спроса на рабочую силу и её предложения, в частности параметров спроса на рабочую силу (ε_{11}), име-

ет выраженные региональные особенности, пусть и выявленные при рассмотрении ограниченного числа регионов.

Выявлены межрегиональные различия и для остальных параметров («демографические», параметры движения рабочей силы).

Степень согласованности динамики значений параметров для отдельных регионов с динамикой значений этих параметров для экономики РФ в целом также различна (от слабой отрицательной до сильной положительной корреляции), что также свидетельствует о межрегиональной специфике.

Выводы. Для сферы занятости и сферы профессионального образования характерны тесные взаимосвязи как на национальном, так и на локальных рынках труда. Различия в уровне социально-экономического развития регионов, состоянии региональных рынков труда и систем профессионального образования, межрегиональное движение населения и рабочей силы и другие факторы определяют характер этих взаимосвязей на региональном уровне. В свою очередь, учёт соответствующих особенностей позволяет лучше понять и то, как взаимодействие системы занятости и профессионального образования происходит на национальном уровне.

Несовпадения в образовательной структуре спроса на рабочую силу и её предложения вносят значительный вклад в общий уровень структурных дисбалансов. Это справедливо как для национального, так и для региональных рынков труда. Исследование показало, что вклад конкретных уровней образования в общую величину структурных дисбалансов заметно различается. В результате может иметь место ситуация, когда дисбалансы существуют, но при агрегированном рассмотрении не видимы. Например, в рамках одного региона дисбалансы по разным уровням образования как бы взаимно «погашаются», хотя в реальности мы видим нехватку специалистов одного уровня образования и переизбыток ва-

кансий для людей с другими видами образования. Рассмотрение проблемы региональной структурной безработицы с учётом уровней образования позволяет выявить такие случаи и при необходимости учесть это как при проведении более детального анализа, так и при реализации практических мер в рамках государственной политики занятости.

При анализе и прогнозе взаимосвязанной динамики сферы занятости и сферы профессионального образования всё в большей мере необходимо учитывать влияние процессов роста эффективности производства, повышения производительности труда, дальнейшего повсеместного внедрения трудосберегающих технологий. Одно из направлений такого учёта — оценка риска обострения структурных проблем рынка труда в связи с ростом технологической безработицы. Другое направление — оценка согласованности этих изменений с другими процессами и тенденциями на рынке труда. Например, в какой мере повышение границ пенсионного возраста даёт стимул для ускорения экономического развития и не возникает ли здесь противоречий в связи с генеральной линией на повышение эффективности производства.

Предложенные в ходе реализации проекта подходы и разработанный инструментарий показали свою адекватность для исследования процесса согласования спроса на рабочую силу и её предложения, в том числе для различных образовательных характеристик рабочей силы. В рамках проекта образовательная структура рабочей силы рассматривалась как фактор, влияющий на процесс согласования спроса на рабочую силу и её предложения на российском рынке труда. Исследовалась роль фактора образования в процессе согласования спроса на рабочую силу и её предложения, поскольку несоответствие образовательных характеристик существенно влияет на степень рассогласования спроса на рабочую силу и её предложения. Преимущество разра-

ботанных и использованных для расчётов инструментальных средств определяется возможностью комплексного учёта воздействия различных факторов на процесс согласования спроса на рабочую силу и её предложения, в том числе процессов движения рабочей силы. Последнее даёт возможности в перспективе перейти к более детальному исследованию процессов движения населения и рабочей силы в самых разных его аспектах. Выявление и учёт взаимосвязей разных форм движения делает эту актуальную задачу ещё более сложной, однако вполне выполнимой при условии последовательной реализации комплексного подхода и использования соответствующего инструментария.

Трудовые ресурсы не теряют значимости как один из ключевых факторов экономического развития, а модель согласования спроса на рабочую силу и её предложения позволяет отразить, среди прочих, и влияние демографического фактора. Долговременная тенденция сокращения населения в трудоспособном возрасте наряду с необходимостью ускорения экономического роста делает ещё более насущной задачу повышения производительности труда, в том числе путём рационального распределения и использования национальной рабочей силы в региональном, отраслевом, профессиональном, образовательном разрезах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor Shortage in the Russian Economy: A Macroeconomic Estimate // Studies on Russian Economic Development. 2006. Vol. 17. № 4. Pp. 365–376.
2. Ивантер В.В. и др. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России / Под науч. ред. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант. 2017.
3. Jackman R., Roper S. Structural unemployment // Oxford bulletin of economics and statistics. 1987. 49. 1.
4. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Роцин С.Ю. и др. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова, С.Ю. Роцина. М.: ЦСР, 2017. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2017/03/22/1170077643/Doklad_trud.pdf. (дата обращения: 03.09.2018).
5. Механизмы российского рынка труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2016.
6. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М., 2004.
7. Клячко Т.Л. Модернизация российского образования: проблемы и решения // Отечественные записки. Вып. 2 (3) 2002. С. 48–55.
8. Российское образование в законодательстве и статистике: Информационный бюллетень. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. № 2 (76).
9. Иванов В.Н., Суворов А.В., Балашова Е.Е., Трещина С.В. Анализ динамики общественных и частных расходов на здравоохранение и образование в современной России // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 31–43.
10. Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014.
11. Средняя начисленная заработная плата работников по уровню образования. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs. Доступ свободный (дата обращения: 03.09.2018).
12. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда. Вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС-Пресс, 2001.

13. Korovkin A.G. Consequences of the Inertial Development of the Labor Potential in the Russian Federation // Studies on Russian Economic development. 2011. Vol. 22. № 6. Pp. 646–657.
14. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А., Королёв И.Б. Структурные аспекты взаимодействия систем занятости и образования в России // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 397–425.
15. Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королёв И.Б. Образовательные характеристики рабочей силы как фактор согласования спроса на рабочую силу и её предложения на российском рынке труда // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2015. с. 222–239.
16. Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016 г. (статистический бюллетень). М.: Росстат. 2016. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2017/potrorg/potr16.htm. Доступ свободный (дата обращения: 31.07.2018).
17. Гринберг А.С., Коровкин А.Г. Проблемы информационного обеспечения прогнозно-аналитических исследований профессионально-квалификационного состава рабочей силы и пути их решения // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2010.
18. Обследование рабочей силы. Росстат. 2018. Электронный ресурс Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766. Доступ свободный (дата обращения: 31.07.2018).
19. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королёв И.Б. Согласование спроса на рабочую силу и её предложения с учётом образовательных характеристик: региональный аспект // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 501–523.
20. Долгова И.Н., Единак Е.А., Коровкин А.Г., Королёв И.Б. Согласование спроса и предложения на региональных рынках труда РФ с учётом образовательных характеристик рабочей силы // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 511–530.

ENGLISH

Outlook and Analytical Research of Interconnections between the Employment Sector and Professional Education in Russia

Andrey Germanovich Korovkin – Dr. Sc. of Economics, head of the lab, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Interconnection between the Employment Sector and Professional Education in the Outlook and Analytical Research of the Dynamics in the National and Regional Labor Markets in Russia” (16-02-00542a).

E-mail: akor@ecfor.ru

Irina Nikolaevna Dolgova – Cand. Sc. of Economics, senior research fellow, lab of labor resources forecasting, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: akor@ecfor.ru

Ekaterina Aleksandrovna Edinak – Cand. Sc. of Economics, senior research fellow, lab of labor resources forecasting, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: akor@ecfor.ru

Ivan Borisovich Korolyov – Cand. Sc. of Economics, senior research fellow, lab of labor resources forecasting, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: akor@ecfor.ru

The project focuses on the interrelated dynamics between the employment sector and the educational system in the Russian Federation and across regions, identifies structural and regional features of such interconnection. It dwells upon the analysis, simulation and forecasting the process of coordinating the demand for talent and the supply of workforce with different levels of education in the national and regional labor markets. The authors provide insights into the factors and conditions that determine the peculiar interaction of demand for labor and its supply, taking into account the education of the workforce, including, across the regions. The research reviews the findings of simulating the process that coordinates the demand for talent and the supply of workforce with different levels of professional education. It shows the interaction of talent demand and supply with due regard to workforce education in individual regional labor markets.

Keywords: labor market, workforce/talent supply, workforce/talent demand, employment, professional education system, forecasting, simulation, regional labor markets, structural imbalance

REFERENCES

1. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor Shortage in the Russian Economy: A Macroeconomic Estimate // Studies on Russian Economic Development. 2006. Vol. 17. № 4. Pp. 365–376.
2. Ivanter V.V. i dr. Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii / Pod nauch. red. V.V. Ivantera. M.: Nauchnyy konsul'tant. 2017 (in Russian).
3. Jackman R., Roper S. Structural unemployment // Oxford bulletin of economics and statistics. 1987. 49. 1.
4. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. i dr. Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya: Doklad Tsentra trudovykh issledovaniy (TSeTI) i Laboratorii issledovaniy rynka truda (LIRT) / Pod red. V.E. Gimpel'sona, R.I. Kapelyushnikova, S.Yu. Roshchina. M.: TSSR, 2017. Rezhim dostupa: https://www.hse.ru/data/2017/03/22/1170077643/Doklad_trud.pdf. (data obrashcheniya: 03.09.2018) (in Russian).
5. Mekhanizmy rossiyskogo rynka truda. M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS. 2016 (in Russian).
6. Dostupnost' vysshego obrazovaniya v Rossii / Otv. red. S.V. Shishkin. Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. M., 2004 (in Russian).
7. Klyachko T.L. Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya: problemy i resheniya // Otechestvennye zapiski. Vyp. 2 (3) 2002. S. 48–55 (in Russian).
8. Rossiyskoe obrazovanie v zakonodatel'stve i statistike: Informatsionnyy byulleten'. M.: NIU «Vysshaya shkola ekonomiki», 2014. № 2 (76) (in Russian).
9. Ivanov V.N., Suvorov A.V., Balashova E.E., Treshchina S.V. Analiz dinamiki obshchestvennykh i chastnykh raskhodov na zdravookhranenie i obrazovanie v sovremennoy Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2014. № 6. S. 31–43 (in Russian).
10. Obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii: 2014: statisticheskiy sbornik. M.: NIU «Vysshaya shkola ekonomiki», 2014 (in Russian).
11. Srednyaya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po urovnyu obrazovaniya. Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs. Dostup svobodnyy (data obrashcheniya: 03.09.2018) (in Russian).

12. Korovkin A.G. Dinamika zanyatosti i rynka truda. Voprosy makroekonomicheskogo analiza i prognozirovaniya. M.: MAKS-Press, 2001 (in Russian).
13. Korovkin A.G. Consequences of the Inertial Development of the Labor Potential in the Russian Federation // Studies on Russian Economic development. 2011. Vol. 22. № 6. Pp. 646–657.
14. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Edinak E.A., Korolyov I.B. Strukturnye aspekty vzaimodeystviya sistem zanyatosti i obrazovaniya v Rossii // Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. M.: MAKS Press, 2014. S. 397–425 (in Russian).
15. Korovkin A.G., Edinak E.A., Korolyov I.B. Obrazovatel'nye kharakteristiki rabochey sily kak faktor soglasovaniya sprosa na rabochuyu silu i eyo predlozheniya na rossiyskom rynke truda // Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. M.: MAKS Press, 2015. s. 222–239 (in Russian).
16. Svedeniya o chislennosti i potrebnosti organizatsiy v rabotnikakh po professional'nym grup-pam na 31 oktyabrya 2016 g. (statisticheskii byulleten'). M.: Rosstat. 2016. Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/2017/potrorg/potr16.htm. Dostup svobodnyy (data obrashcheniya: 31.07.2018) (in Russian).
17. Grinberg A.S., Korovkin A.G. Problemy informatsionnogo obespecheniya prognozno-ana-liticheskikh issledovaniy professional'no-kvalifikatsionnogo sostava rabochey sily i puti ikh resheniya // Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. M.: MAKS Press, 2010 (in Russian).
18. Obsledovanie rabochey sily. Rosstat. 2018. Elektronnyy resurs Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766. Dostup svobodnyy (data obrashcheniya: 31.07.2018) (in Russian).
19. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolyov I.B. Soglasovanie sprosa na rabochuyu silu i eyo pred-lozheniya s uchetom obrazovatel'nykh kharakteristik: regional'nyy aspekt // Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. M.: MAKS Press, 2016. S. 501–523 (in Russian).
20. Dolgova I.N., Edinak E.A., Korovkin A.G., Korolyov I.B. Soglasovanie sprosa i predlozheniya na regional'nykh ryinkakh truda RF s uchyotom obrazovatel'nykh kharakteristik rabochey sily // Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. M.: MAKS Press, 2017. S. 511–530 (in Russian).

УДК 327.5
ГРНТИ 11.25.19

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-50-60

Ю.Н. САЯМОВ*

Глобальные процессы и современный мир

В статье излагаются выводы и заключения по результатам разработки проблематики международных отношений в контексте глобальных процессов. Международные отношения с учётом их всё более очевидной глобализации рассматриваются уже не только и не столько традиционным образом как некая сумма национальных политик и историй международного общения, сколько как среда и пространство, которые на протяжении своей эволюции всё более насыщаются возникающими и происходящими в них глобальными политическими процессами. Анализ и исследование политических процессов и применяемых инструментов, приёмов и технологий в международных отношениях имеют большое значение, поскольку позволяют не только вскрыть глобальную политическую «кухню», но и анатомизировать её составляющие для целей разработки внешнеполитических действий и прогнозирования их результатов.

Ключевые слова: международные отношения, инструменты, глобальные политические процессы, приёмы и технологии

Международные отношения в контексте глобальных процессов

Международные отношения ранее практически не рассматривались в контексте глобальных политических процессов. Их содержание определялось действиями на мировой арене основных игроков, число которых с развитием международных контактов увеличилось, а состав и роли менялись. Разработка проблематики международных отношений в контексте глобальных

процессов позволила в соответствии с требованиями меняющегося мира [1] по-новому взглянуть на события на мировой арене.

По мере глобализации международных отношений их оценка и прогнозирование в отрыве от происходящих в среде международного общения политических процессов, влияний и следствий представляются подходом всё более неполным, схематичным и не соответствующим реалиям времени.

* **Саямов Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму» (15-07-00001а).
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

Внешняя политика может являться наступательной или оборонительной, инициативной или реактивной в зависимости от положения, возможностей, целей, задач и интересов того или иного государства или группы государств. Выстраивание внешнеполитических ориентиров на основе определения релевантных компонентов и векторов, действующих на мировой арене, не будет адекватным, пострадает в качестве и способно привести к ошибочным выводам, если не знать и не учитывать влияние глобальных политических процессов в международных отношениях. Это особенно актуально в современных условиях разбалансированного и ставшего ещё более непредсказуемым и небезопасным мира после утраты в значительной степени системы глобальных сдержек и противовесов эпохи биполярности.

Как представляется, Россия перед лицом попыток ущемления её национальных интересов вполне обоснованно отходит от реактивной внешней политики в пользу инициативной и наступательной, создав для этого необходимые возможности «твёрдой силы» и обладая способностью «принуждения к миру», наглядно продемонстрированной в 2008 г. в отношении агрессора Грузии. Исследование международных отношений в контексте глобальных процессов имеет своей целью вычлнить, обозначить и проследить значимые политические процессы, приёмы и технологии, которые в ходе своей эволюции обрели глобальный характер и глобальное применение.

Актуальность разработки глобальных политических процессов

Глобалистика – это «мультимеждисциплинарная область научных исследований, посвящённых изучению глобальных процессов и систем в их сложном взаимовлиянии и взаимодействии» [2], её проблемное поле формируют три взаимно связанные категории: глобализация, глобальные проблемы и глобальные про-

цессы [3]. Представляется актуальным и важным вести разработку проблематики политических процессов глобального характера, не ограничиваясь верхним уровнем глобальных проблем и постепенно продвигаясь на горизонты отдельных направлений. В качестве одного из наиболее важных проблемных направлений, в рамках которого формируются и эволюционируют глобальные политические процессы особого значения для существования и развития человечества, предстают международные отношения.

Притом что история, теория и практика международных отношений, а также различные аспекты международной проблематики являются предметом большого числа отечественных и зарубежных исследований, политические процессы, инструменты, приёмы и технологии в международных отношениях, имеющие по своему охвату и содержанию глобальный характер, представляются относительно мало разработанными в научном плане.

Научный консультативный совет (НКС) при Генеральном секретаре ООН, сформированный в 2013 г. из приглашённых в личном качестве 26 выдающихся учёных разных стран мира, имел своей задачей разработать рекомендации по вопросам интерфейса науки и политики. Результаты работы этого уникального проекта, отражённые в ряде докладов, которые были представлены Генеральному секретарю ООН, отмечают важность политических процессов глобального характера в международных отношениях. Практически все участники проекта в той или иной форме обращались к теме тесной взаимосвязи политических и научно-образовательных процессов на мировой арене [4].

Научные исследования в области глобалистики и глобальных проблем, появившиеся в 60–70-х гг. XX столетия, были поддержаны Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая в 1971 г. провела первую международ-

ную конференцию по данной проблематике в Венеции [5].

Римский клуб

К этому времени появляются первые работы образованного в 1968 г. Римского клуба, в 1972 г. из печати выходит доклад его участников «Пределы роста» [6]. Заседание Римского клуба в Москве состоялось 29–30 мая 2000 г. на тему «Устойчивое будущее России» (фото 1). Римский клуб и сегодня остаётся международной научной площадкой, формулирующей повестку ответственного глобализма и устойчивого развития. За время своего существования Клуб подготовил более 40 научных докладов.

В 2018 г. вышел посвящённый 50-летию Клуба юбилейный доклад «Come on!» («Хватит!») с подзаголовком «Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Римский клуб полагает, что в 80-х годах прошлого века произошло вырождение капитализма, основным источником прибыли в рамках которого стали финансовые спекуляции.

98% финансовых операций носят ныне спекулятивный характер. В оффшорных зонах спрятано от 21 до 32 трлн долларов. Существует переизбыток капитала в фиктивных, но доходных сферах, в то время как направления, от которых зависит будущее планеты, испытывают дефицит средств.

В качестве главного вопроса доклада обозначены «философские корни текущего состояния мира». Мир находится в опасности, и для его спасения выдвигается идея «нового Просвещения» в целях фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать формирование целостного мировоззрения на основе современных реалий. Человеческая цивилизация сфор-

Фото 1. Первое заседание Римского клуба в Москве. Ведёт заседание ректор МГУ им. М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий (второй справа). Слева от него генеральный секретарь Римского клуба Уве Мюллер, председатель Госдумы РФ Г.Н. Селезнёв, член Римского клуба Э. фон Кербер. Справа почётный член Клуба принц Иордании Аль Хасан бин Талал (Источник: http://vasilievaa.narod.ru/12_4_00.htm)

Источник:

http://www.planetanovosti.com/news/nju_jork_kazhdye_pjat_let_budet_ukhodit_pod_vodu/2017-10-25-17024

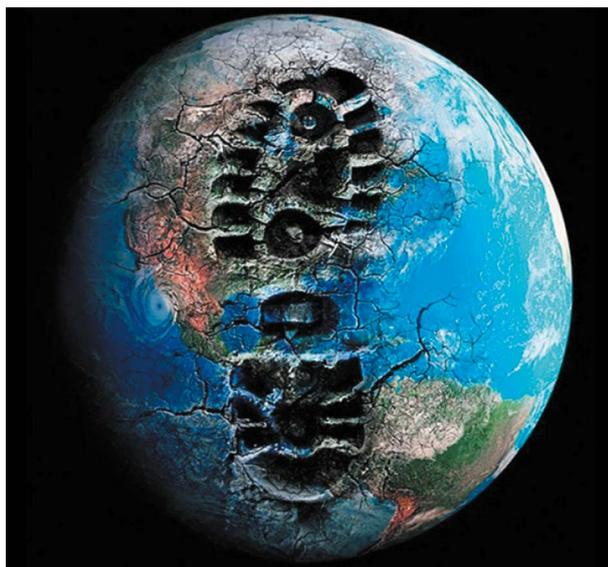
мировалась в условиях «пустого мира» — мира неизведанных территорий и избытка ресурсов. Сегодня же человечество живёт в «полном мире», как в бокале, заполненном до краёв, с весьма смутными перспективами дальнейшего развития. Если и далее продолжать жить по правилам «пустого мира», коллапс не заставит себя долго ждать. Авторы считают неизбежным появление глобальных правил, обязательных для всех стран. Отдельные государства не вправе делать всё, что им заблагорассудится, тем более, когда речь идёт о последствиях, затрагивающих целую планету.

Среди других проблем доклад выделяет «шестое массовое вымирание» — стремительное сокращение фауны, непредвиденные последствия возникающих технологий и угрозу ядерного конфликта. В докладе отмечается, что «Римский клуб видит себя защитником демократии, долгосрочного мышления, природы, молодого поколения и ещё не родившихся поколений, которые лишены голоса в капитализме и текущих политических

дебатах». Клуб призывает правительства забыть о границах и объединять усилия ради совместного процветания. Большое значение придаётся образованию, задачу которого Клуб видит в формировании у молодёжи «грамотности в отношении будущего» (*futures literacy*). Проблема в том, как утверждает член Клуба К.Ра-ворт, что сегодняшние студенты, которые будут определять политику в 2050-х гг., учатся идеям из книг 1950-х гг., которые основаны на теориях 1850-х гг. Чтобы лучший мир стал реальностью, образование должно базироваться на отношениях и связях между людьми, носить ценностный характер, фокусироваться на устойчивости, исходить из инклюзивности и плюрализма содержания [7].

Этапы осознания глобальной проблематики

Формирование представлений о глобальных исследованиях как об изучении глобальных, в первую очередь экзистенциальных, проблем человечества происходило уже на первом этапе осознания

Источник:

<http://www.vitamarg.com/eco/article/857-ecologia-fakty-cigry>

глобальной проблематики, подстёгнутом обращением научной мысли и общественного внимания к угрожающему состоянию экологии и нарастающей ядерной угрозе.

Следующий этап развития глобальных исследований оказывается непосредственно связанным с меняющейся архитектурой миропорядка, обусловившей изменения в приоритетах глобальных исследований. Глобализация, по-разному понимаемая и оцениваемая в мировом сообществе, становится основной чертой данного этапа, инициируя исследования сути и различных аспектов этого многообразного явления. С появлением в 1987 г. доклада «Наше общее будущее», представленного Международной комиссией по окружающей среде и развитию, начинает формироваться концепция устойчивого развития [8].

Исследования глобальной проблематики на данном этапе всё ещё носили во многом описательный характер и не были лишены иллюзорных представлений о возможностях позитивного преобразования миропорядка посредством глобализации. Во взглядах на глобалистику и её развитие превалировало внимание к эко-

номическим аспектам, значение которых нередко оценивалось как приоритетное, что вело к отставанию в рассмотрении политической проблематики.

На современном этапе развития глобалистики, который условно отсчитывается от рубежа нового тысячелетия и простирается до настоящего времени, происходят институционализация этой сферы и стабилизация её понятийного проблемного ряда, разрабатывается классификация глобальных процессов, ведутся глобальные исследования. Создание научных площадок для исследования международных отношений в контексте глобальных процессов становится остро востребованным и позволяет выделить в международных отношениях политические процессы, инструменты, приёмы и технологии, имеющие по своему распространению и содержанию глобальный характер.

Многополярность мира

Отечественная школа глобалистики исходит из представлений о многополярности формирующегося мироустройства. В центре её внимания и научных исследований находятся новые полюсы и центры силы: Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, которые вместе с Россией образуют новый глобальный формат взаимодействия, получивший название БРИКС (фото 2). Учёные и студенты стран БРИКС вместе с коллегами из университетских центров США, Европы, Японии, Таиланда, бывших республик СССР и других государств активно включаются в глобальные исследования, совместные проекты и мероприятия, в ходе которых рассматриваются проблемы современных международных отношений и происходящего формирования полицентрического мироустройства. Начинают преобладать работы, продвигающие научную мысль от однополярного глобализма к глобализации формирующегося многополярного мира и обращающиеся в большей мере к политическим проблемам глобализации.

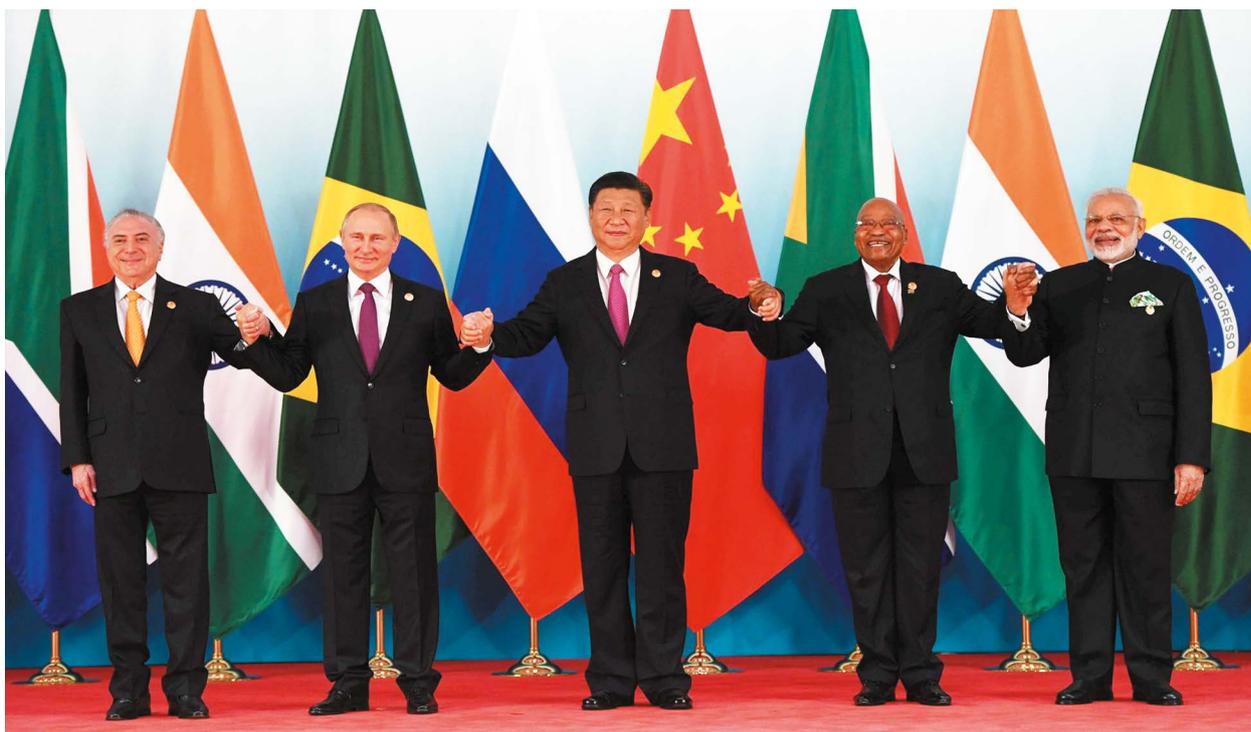

Фото 2. Главы государств на X Саммите БРИКС (июль 2018 г.)

(Источник: <http://www.iarex.ru/articles/59075.html>)

Большую роль играет продвижение и утверждение в международном общении принципов международных отношений, закреплённых в Уставе ООН, распространение ценностных идей мирного сосуществования и достижения безопасности и сотрудничества государств и народов в целях поддержания мира и обеспечения устойчивого развития в глобальном измерении.

Кардинально изменившееся положение дел в мире потребовало разработки новых внешнеполитических подходов, стратегий и концепций, учёта политических процессов и применяемых инструментов, приёмов и технологий в международных отношениях. Политическое переформатирование в постбиполярном мире стало глобальным процессом, затронувшим практически все существующие государства и сферу гражданского общества.

Возрастающая роль глобальных политических процессов

Международные отношения, развивающиеся в контексте глобальных процес-

сов, представляют собой сферу, в которой возможен переход мирового сообщества к устойчивому развитию на путях формирования взаимосвязанного целостного мира при условии укрепления и развития элементов глобального управления посредством согласованных процедур и механизмов системы ООН и отказа от претензий участников на гегемонию и доминирование.

В современных условиях становится всё более ясной необходимость выработки новых подходов государств и гражданского общества к международным отношениям в быстро и опасно меняющемся мире. Большую роль в решении этой задачи призвана сыграть Организация Объединённых Наций, имеющая потенциал глобального управления и принятия Советом Безопасности решений, обязательных для исполнения государствами-членами.

На фоне кризиса концепции однополярного мира и формирования многополярного мироустройства глобализация в политической сфере, испытывая воз-

действие существующих традиционных и утверждающихся новых полюсов и центров сил, формирует глобальную геополитику, в рамках которой в политических процессах, в международных отношениях отражается их расширившийся по составу и географическому распространению круг участников.

Научная дипломатия

В данном контексте особое значение приобретает продолжающаяся под эгидой РФФИ работа по осмыслению важности научной дипломатии и развитию этого направления государственного и общественного участия в международных отношениях. Научная дипломатия по довольно широко распространённому в последнее время определению понимается в трёх измерениях: наука в дипломатии, дипломатия для науки и наука для дипломатии. Под первым имеется в виду научная разработка основ и приоритетов внешней политики и способов её осуществления. Под вторым — применение дипломатии для расширения и развития международного научного сотрудничества. Под третьим — использование научного сотрудничества и его возможностей в тех или иных внешнеполитических целях или интересах государств, международных организаций и гражданского общества.

Существуют ещё и международный научный обмен, и научно-технологический трансфер, и совместная научная разработка учёными разных стран глобальных рекомендаций. Выше уже приводился пример разработки для Генерального секретаря ООН доклада по интерфейсу науки и политики. Международным научным сообществом были сформулированы Цели устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г. Такие международные научные проекты и мероприятия образуют понятие глобальной научной дипломатии, и их список данными примерами отнюдь не ограничивается.

Хотя сам термин «научная дипломатия» вошёл в активный политический лекси-

кон сравнительно недавно, деятельность на этом направлении в разных формах существовала с незапамятных времён. Научными открытиями, технологиями и изобретениями народы стали обмениваться практически с самого начала международных отношений, которое условно датируется первой встречей древних цивилизаций, состоявшейся примерно 36 веков тому назад. В России научную дипломатию поощряли Иван Грозный, Алексей Михайлович, Пётр I, Екатерина Великая.

Научно-технологический трансфер развивался в эпоху Николая I, когда началось строительство железных дорог. В 1853 г. в ходе дальневосточной экспедиции Е.В.Путятина на фрегате «Паллада» японцам были переданы технологии для создания первого японского паровоза. Передача российских технологий другим странам стала всё более активно использоваться в качестве инструмента внешней политики и влияния на состояние международных отношений. По мере развития науки научная дипломатия приобретала всё большее значение и характер глобального процесса.

В настоящее время научная дипломатия формализована практически во всех ведущих в научном отношении государствах в качестве разновидности и составной части официальной дипломатии. Показателен пример Франции, в которой осуществление научной дипломатии с 2013 г. координируется министерством иностранных дел на основе утверждённого официального документа о принципах и задачах этого нового направления [9]. Ранее, в 2008 г., Американская ассоциация содействия развитию науки организовала Центр научной дипломатии, который определил научную дипломатию как концепцию «использования и применения научного сотрудничества для установления и упрочения связей между обществами» [10]. Особое значение американцы придавали использованию научной дипломатии в случаях, «когда мо-

жет не быть других средств сближения на официальном уровне» [11].

В нашей стране с времён индустриализации и последующего научно-технического прорыва научная дипломатия играла возрастающую роль, помогая решать задачи не только научного, но и политического характера. После спада в начале 1990-х гг. научная дипломатия сегодня вновь выходит на ведущие позиции вместе с возрождением научного, экономического и военного потенциала России как великой державы.

Геополитическое переформатирование глобального пространства

Использование внешнеполитических инструментов, приёмов и технологий, формирование разного рода союзов и коалиций государств, «переворачивание альянсов» и другие трансформации, распад и создание новых международных конфигураций становятся в современном мире неотъемлемой составной частью международных отношений, обретая характер непрерывного глобального процесса.

В результате геополитического переформатирования глобального пространства, в которое активно включились новые центры силы и влиятельные объединения государств, такие как БРИКС, ШОС и другие, мир стал развиваться по законам многополярности. «Сегодня мы – свидетели становления новой более справедливой и демократической полицентричной системы мироустройства, – отмечал министр иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавров. – Этот естественный процесс отражает появление и укрепление новых центров экономической мощи и связанного с этим политического влияния, которые, руководствуясь собственными национальными интересами, уверенно берут свою часть ответственности за поддержание безопасности и стабильности на различных уровнях. Многополярность – воплощение культурно-цивилизационного много-

образия современного мира, желания его народов самим, без вмешательства извне, выбирать пути политического и социально-экономического развития» [12].

Как свидетельствует предпринятое исследование, на протяжении последних лет мир с тревогой отмечает стремительно нарастающие внешнеполитические перемены на международной арене, которые формируют глобальную конфронтацию, всё более подогревая международные отношения и грозя перевести их в горячую фазу. Главной причиной происходящего обострения международной обстановки является уже не раз обернувшаяся бедой и страданиями для мирового сообщества *идея избранности и превосходства*, «упорное стремление узкой группы западных государств во главе с США сохранить доминирование по всем азимутам в надежде и далее обеспечивать своё благополучие и процветание за счёт остальных» [13].

Опасное увлечение политикой с позиции силы и иллюзия вседозволенности возникли у западных держав после самоликвидации СССР, социалистического содружества и противостоявшей агрессивному блоку НАТО Организации Варшавского договора. Стремление СССР и его союзников к миру и расчистке завалов «холодной войны» были восприняты как слабость и капитуляция. Как свидетельствует в своей книге «Победа» директор ЦРУ того времени П.Швейцер, американские спецслужбы приняли самое активное участие и сыграли фундаментальную роль в развале СССР [14]. США и их союзники поспешили объявить себя победителями и уверовали в своей полной безнаказанности и свободе рук в действиях на мировой арене. В первые годы после развала СССР ослабленная Россия не могла действительно противостоять их агрессивным устремлениям, как это делал Советский Союз, обеспечивая своим военным паритетом с США необходимое сдерживающее начало для потенциальных агрессоров.

Возрождение России, неоднократно обманутой западными «партнёрами» и в том, что касалось нерасширения НАТО на Восток, и в отношении оказавшихся пустыми обещаний равноправного достойного сотрудничества, и в плане голословных заверений в уважении её национальных интересов и суверенитета, было крайне нервно и болезненно встречено в США и Североатлантическом альянсе. Эффективные действия российских вооружённых сил в Сирии, обеспечившие разгром бандитских формирований так называемого Исламского государства¹, с которыми не справилась западная коалиция, окончательно подтвердили, что за океаном явно поторопились списать Россию из числа великих держав.

Готовность России «садиться за стол переговоров и вместе думать над обнов-

лённой, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации» [15] теперь предстала для западных политиков не просто возможностью, которую они привыкли игнорировать, но и в известной мере новой необходимостью. Стало понятно, что оттеснить Россию на задворки мировой политики не получилось, как не удалось и не удастся разговаривать с ней на языке силы. Повышать в отношении России жёсткость тона и санкционное давление в этих условиях становится всё более невыгодным для многих и просто опасным для всех, так как обретение российскими вооружёнными силами новых беспрецедентных возможностей не оставляет сомнений в том, что посягательства на суверенитет и независимость Российского государства получат достойный ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 3.03.2012).
2. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 18, 35–36.
3. Абылгазиев И.И., Ильин И.В. Глобальные социоприродные процессы. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 25.
4. SAB Reports and Documents. UNESCO Secretariat SAB Working Group 2013–2015. <https://en.unesco.org/scientific-advisory-board-united-nations-secretary-general-outcomes> (дата обращения: 31.10.2018).
5. Сидорина Т.Ю. Культурные трансформации XX столетия. М.: Проспект, 2018. С. 9.
6. Meadows, Donella H., Randers, Jorgen, Medows, Dennis L., Behrens, William W. The Limits to Growth. Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972.
7. Von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Gamburg: Springer, 2018.
8. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.
9. Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique> (дата обращения: 11.03.2018).
10. Литвак Н.В. Информационные процессы во французской дипломатической службе // Международная жизнь. 2015. № 11. С. 76–95.

¹ Террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации и в ряде других государств (<http://tass.ru/info/1264570>).

11. Лавров С.В. Интервью министра иностранных дел Российской Федерации журналу «Международные отношения» (Болгария) // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 9.
12. Крамаренко А. Геополитика Русской революции: вердикт альтернативной истории» // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 35.
13. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров в интервью журналу «Международные отношения» (Болгария). // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 9.
14. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.
15. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 01.03.2018 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 11.03.2018).

ENGLISH

Global Processes and the Modern World

Yuri Nikolaevich Sayamov – Cand. Sc. of History, HoD, UNESCO Chair, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project “International Relations in the Context of Global Processes and Security and the Fight Against Terrorism” (15-07-00001a).
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

The paper describes key takeaways and conclusions concerning international relations in the context of global processes. International relations, with their more obvious globalization, are reviewed not only and not so much in the traditional way as a certain amount of national policies and histories of international communication, but rather as an environment and space, which during their evolution have been increasingly saturated with emerging global political processes. The analysis and research of political processes and applied tools, techniques and technologies in international relations are of great importance because they help not only to reveal the global political “inside”, but also to anatomize its components for the purposes of developing overseas political actions and forecasting their outcomes.

Keywords: international relations, global political processes, tools, techniques and technologies

REFERENCES

1. Putin V.V. Rossiya i menyayushchiysya mir // Moskovskie novosti. 27 fevralya 2012 g. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashcheniya: 3.03.2012) (in Russian).
2. Il'in I.V. Globalistika v kontekste politicheskikh protsessov. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2010. S. 18, 35–36 (in Russian).
3. Abylgaziev I.I., Il'in I.V. Global'nye sotsioprirodnye protsessy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. S. 25 (in Russian).
4. SAB Reports and Documents. UNESCO Secretariat SAB Working Group 2013–2015. <https://en.unesco.org/scientific-advisory-board-united-nations-secretary-general-outcomes> (data obrashcheniya: 31.10.2018).
5. Sidorina T.Yu. Kul'turnye transformatsii XX stoletiya. M.: Prospekt, 2018. S. 9 (in Russian).

6. Meadows, Donella H., Randers, Jorgen, Medows, Dennis L., Behrens, William W. The Limits to Growth. Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972.
7. Von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Gamburg: Springer, 2018.
8. Nashe obshchee budushchee: Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu. M., 1989 (in Russian).
9. Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique> (data obrashcheniya: 11.03.2018).
10. Litvak N.V. Informatsionnye protsessy vo frantsuzskoy diplomaticheskoy sluzhbe // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 11. S. 76–95 (in Russian).
11. Lavrov S.V. Interv'yu ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii zhurnalu «Mezhdunarodnye otnosheniya» (Bolgariya) // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. № 3. S. 9 (in Russian).
12. Kramarenko A. Geopolitika Russkoy revolyutsii: verdikt al'ternativnoy istorii» // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. № 3. S. 35 (in Russian).
13. Ministr inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V. Lavrov v interv'yu zhurnalu «Mezhdunarodnye otnosheniya» (Bolgariya). // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. № 3. S. 9 (in Russian).
14. Shveytser P. Pobeda. Rol' taynoy strategii administratsii SSHA v raspade Sovetskogo Soyuz a i sotsialisticheskogo lagerya. Minsk, 1995 (in Russian).
15. Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 01.03.2018 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (data obrashcheniya: 11.03.2018) (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 001.2
ГРНТИ 12.21.35
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-61-71

Е.В. КОЛДУНОВА*

Процессы трансформации университетов и фабрик мысли в странах Азии

В статье в сравнительном плане анализируется взаимосвязь экономического подъёма Азии (в особенности её Тихоокеанской части) и активного развития целого ряда азиатских университетов и фабрик мысли как части общего процесса развития науки и образования в Азии. Отмечаются как небывалый успех Японии, Сингапура, Южной Кореи и КНР с точки зрения вхождения их ведущих университетов в число университетов мирового уровня (что с формальной точки зрения отражается в занятии ими высоких позиций в трёх основных мировых рейтингах университетов), так и общие и специфические проблемы их современного развития.

Количественные и качественные данные, приводимые в статье, доказывают два основных тезиса. Во-первых, происходит существенная дифференциация между странами Азии с точки зрения создания университетов мирового уровня, что, по-видимому, будет оказывать долгосрочное влияние и на общее развитие этих стран. Во-вторых, даже те азиатские страны, которые уже добились успеха в развитии собственных университетов, в ближайшее время столкнутся с новыми вызовами, связанными с исчерпанием экспортноориентированной модели экономического развития и началом четвёртой промышленной революции.

Ключевые слова: наука, фабрики мысли, подъём Азии, азиатские университеты, Восточная Азия

В XXI в. восприятие Азии как наиболее динамично развивающейся в экономическом плане части земного шара стало вполне привычным.

Послевоенный подъём Японии, реализованный в тесной политической и экономической связке с США, создал прецедент форсированного экономическо-

* **Колдунова Екатерина Валерьевна** — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО, руководитель проекта «Роль университетов и фабрик мысли в крупнейших странах Азии в развитии науки и высокотехнологичной сферы (опыт для России)» (15-03-00438а).
E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

го роста, позволившего стране, потерпевшей поражение во Второй мировой войне, менее чем за два десятилетия создать вторую по величине экономику мира.

На рубеже прошлого и нынешнего веков «японское экономическое чудо» задало общий вектор развития для значительной части Тихоокеанской Азии, а конкретнее — для новых индустриальных стран первой и второй волн, а также Китая. Составляющими такого развития стали сначала создание импортозамещающих производств, а затем переход к экспортоориентированной экономике. В некоторых случаях (например, в Таиланде, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах) сегменты экономики, ориентированные на экспорт, создавались благодаря процессу транснационализации производств зарубежных компаний (американских, европейских, японских [1]) и не подразумевали кардинального подъёма уровня технологического развития в самих принимающих странах. Подобный парадокс получил название «бестехнологического развития» [2]. Он нашёл отражение, в частности, в значительном (до 70%) проценте высокотехнологического экспорта в общем объёме экспорта при крайне низких расходах тех или иных государств на НИОКР, зачастую не дотягивавших и до 1% от ВВП.

При этом, однако, в целом ряде стран (Японии, Южной Корее, Сингапуре, а позднее — в КНР) необходимость обеспечения дальнейшего технологического развития, а также создания национальных инновационных систем и высоко конкурентных национальных систем образования, была сформулирована в качестве стратегической линии на уровне государственной политики [3]. Это было связано с тем, что несмотря на быстрый экономический подъём, в технологическом плане обусловленный реализацией парадигмы воспроизводства или оптимизации для коммерческого тиражирования уже существующих технологий, возможность азиатских стран влиять на мировые про-

цессы производства нового как технологического, так и гуманитарного знания существенным образом отставала от их укрепившихся экономических и политических позиций на мировой арене.

Эти же страны на протяжении нескольких десятилетий стали последовательно увеличивать расходы на НИОКР, доведя их до 2–4% от ВВП (расходы отдельных стран Восточной Азии, Индии, США и России в сравнительной перспективе представлены на рис. 1). Для малых и средних стран региона типа Сингапура или Южной Кореи вопрос технологической конкурентоспособности в принципе стал вопросом их экономического выживания и сохранения высокого уровня развития в современном мире.

Статистические исследования показывают, что повышение качества человеческого капитала со временем может привести к сопоставимому увеличению ВВП. Причём самые последние исследования в этой области показывают, что эта взаимосвязь станет работать более эффективно, если вложения в человеческий капитал будут предприниматься наряду с общим развитием институтов и расширением экономических возможностей для населения [4]. Именно поэтому в большинстве перечисленных выше стран Азии в 1980–1990-е гг. на государственном уровне была поставлена задача развития науки и национальных систем образования, в особенности такого компонента этих систем, как высшее образование. В результате за период жизни всего лишь одного поколения многим из азиатских стран удалось реализовать задачу создания университетов и исследовательских центров мирового уровня, вошедших в топ мировых университетских рейтингов, о чём будет подробнее сказано далее.

В начале XXI в. быстрый экономический рост Китая спровоцировал дискуссию о том, каким образом усиливающийся Китай повлияет на мировую экономическую и политическую систему [5]. Существенной составляющей этой дискус-

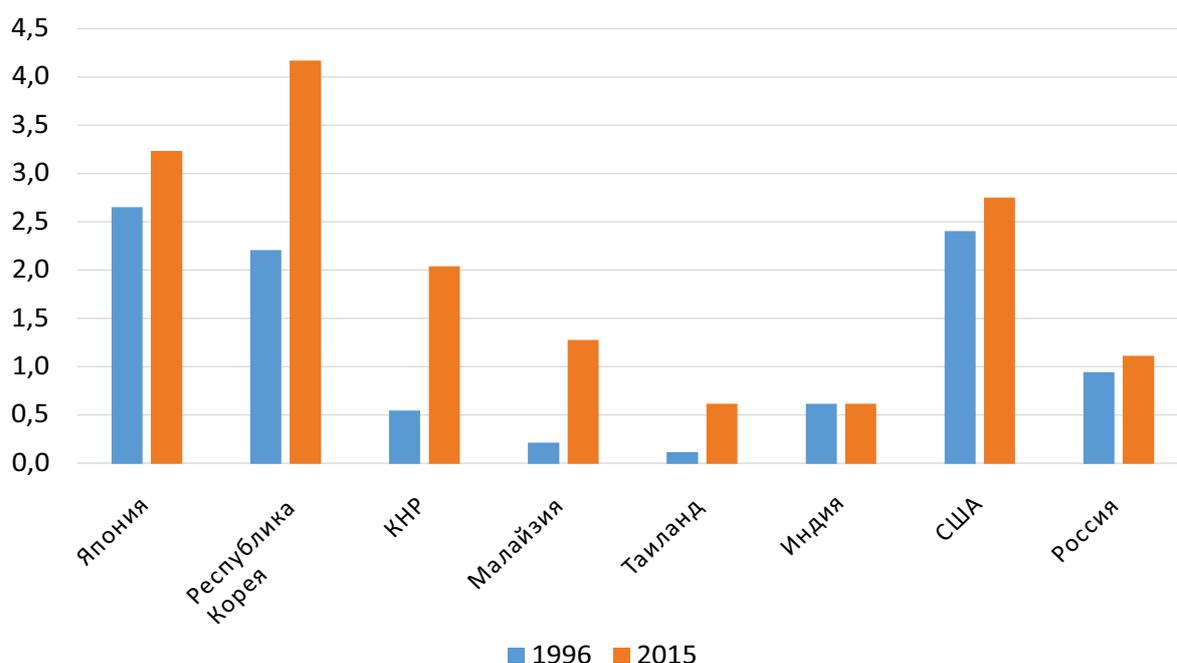

Рис. 1. Расходы отдельных стран Восточной Азии, США и России на НИОКР, % от ВВП

(Источник: World Development Indicators, <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?page=3>)

сии стал также вопрос о том, сможет ли Китай добиться такого уровня развития науки и технологий, которой позволит ему обеспечивать экономическое развитие на протяжении длительного времени [6], а в перспективе – поставить под сомнение так называемое структурное лидерство США в сфере науки и инноваций.

Актуальности этому вопросу добавляет тот факт, что в своем выступлении в октябре 2017 г. на 19-м Всекитайском съезде КПК председатель КНР Си Цзиньпин поставил задачу превращения Китая в мирового лидера инноваций к 2035 г. [7]. В связи с этим ряд исследователей небезосновательно указывают на то, что торговая война, инициированная президентом США Д.Трампом годом позже в отношении КНР, в действительности была вызвана не столько асимметричным характером американо-китайских торгово-экономических отношений, сколько стремлением не допустить, чтобы Китай превратился в конкурента США в инновационно-технологической области [8].

Понятие «структурного лидерства» было введено в научный оборот американской исследовательницей Сюзан Стрендж

ещё в конце 1980-х гг. и включало четыре компонента (способность обеспечить или поставить под сомнение безопасность других; контролировать систему производства товаров и услуг; определять финансовую структуру и оказывать наибольшее влияние на систему знания, будь то технологическое знание, потоки информации или идеологическое лидерство) [9, с. 565]. Именно в увязке с вопросом о структурном лидерстве задачи развития науки и образования приобретают для стран Азии (а также, отметим, и для России [10]) не абстрактно-исследовательский, а практический политэкономический смысл.

Обозначив параметры взаимосвязи социально-экономического развития и развития науки и образования, обратимся к особенностям трансформации университетов и исследовательских центров в Азии.

Особенности трансформации университетов в Азии

В середине прошлого века университетское образование в Азии сталкивалось прежде всего с количественными вызова-

ми: обеспечение дальнейшего индустриального развития диктовало необходимость добиваться кардинального увеличения процента населения, получающего высшее образование. Так, за вторую половину XX в. в Японии количество поступающих в вузы возросло с 9 до 42%, в Южной Корее — с 5 до 50% населения [11]. В КНР же к середине 1990-х гг. общее число поступающих в университеты оставалось на крайне низком уровне и составляло всего 5% [11]. Впрочем, и самих университетов было явно не достаточно. Задачу увеличения их числа — как общенациональную — поставил в 1998 г. действовавший в то время председатель КНР Цзян Цземинь.

По мере роста экономического благосостояния стран Восточной Азии менялись и задачи государственной политики в области высшего образования, вносились коррективы в стратегии его развития в сторону усиления качественной составляющей как образовательных программ, так и исследований. Сингапур в силу объективных территориально-географических и экономических ограничений концентрировался на подъёме двух ключевых университетов — Национального университета Сингапура и Наньянского технологического университета. В Южной Корее акцент был сделан на всём секторе высшего образования и массовом подъёме уровня сразу нескольких университетов через активное развитие исследований и интернационализацию высшего образования. При этом существенную роль в развитии высшего образования играли, помимо нескольких ведущих государственных (Сеульский национальный университет), также частные университеты (Корё, Ёнсе) при сохранении общего государственного контроля в этой сфере [12].

В КНР в середине 1990-х гг. вслед за другими странами Восточной Азии началась реализация поэтапного плана создания исследовательских университетов и университетов мирового уровня. До начала периода реформ и открытости в Китае

реализовывалась так называемая советская модель, при которой университеты имели в основном специализированный характер, а исследованиями занимались преимущественно учреждения академии наук. При этом отсутствовала непосредственная связь между университетами и предприятиями с точки зрения внедрения в производство результатов университетских исследований [13, с. 144]. В 1995 г. правительство поставило задачу доведения 100 университетов до уровня лучших в стране с точки зрения их роли в социально-экономическом развитии КНР и участия в международном сотрудничестве. Этим университетам выделили средства на развитие дисциплинарных и междисциплинарных программ, а также инфраструктуры кампусов. Отдельный кластер высшего образования должны были составить ещё 39 университетов. Предполагалось, что девять из них войдут в топ мировых университетских рейтингов (Фуданьский университет, Харбинский политехнический университет, Нанкинский университет, Пекинский университет, Шанхайский университет Цзяо Тун, университет Цинхуа, Научно-технический университет Китая, Сианьский университет Цзяо Тун и Чжэцзяньский университет), а остальные тридцать — составят группу университетов с высоким уровнем преподавания и хорошей международной репутацией.

Страны Восточной Азии, несмотря на различия в их стартовых позициях и стратегиях развития университетов, тем не менее ориентировались на общераспространённые критерии и показатели, в том числе измеряемые основными международными рейтингами, к которым относятся QS (составляется британской консалтинговой компанией *Quacquarelli Symonds*, или QS), «Таймс» (рассчитывается британским изданием *Times Higher Education*), и ARWU (*Academic Ranking of World Universities*) (так называемый Шанхайский рейтинг, разработанный в Шанхайском университете Цзяо Тун).

Признавая существующие различия в методиках подсчёта каждого из трёх рейтингов¹, отметим, что общими для них является оценка качества преподавательского состава, показатели интернационализации университетов, качество исследований и преподавания. Обращаясь к последним редакциям рейтингов QS, «Таймс» и ARWU, следует констатировать существенное не только количественное, но и качественное развитие азиатских университетов и их закрепление в группе ведущих мировых университетских центров (табл.).

В то же время успех азиатских университетов не является абсолютным, а изучение их достижений и проблем представляет собой важную аналитическую задачу с точки зрения выявления как универсальных закономерностей и процессов, происходящих в сфере развития университетов, так и специфических особенностей, связанных с реализацией задач создания высших учебных заведений мирового уровня.

На рубеже веков процесс форсированного развития университетского образования в Азии и трансформация там систем высшего образования совпали по времени с качественными изменениями, происходящими во многих университетах других регионов мира. Переход современных университетов от существования в качестве исключительно образовательных центров к полифункциональности, подразумевающей не только трансляцию знаний, но и производство инноваций и генерирование новых технологий, активная интернационализация как образовательного процесса, так и научных исследований, необходимость выстраивать особые отношения с бизнесом и включаться в новые производственные процессы в условиях глобализации – вот лишь некоторые аспекты той кардинально новой ситуации, на фоне которой ази-

атские страны должны были выстраивать конкурентные стратегии развития собственных университетов [13, 14]. При этом соперничать за лидирующие позиции им пришлось не только с основными университетскими центрами в Европе и Северной Америке, но и с конкурентами из соседних стран. В результате представленные ранее в табл. 1 данные демонстрируют также географическую концентрацию ведущих азиатских вузов всего лишь в нескольких странах (Японии, Южной Корее, КНР, Гонконге (КНР), Тайване и Сингапуре).

Сегодня стали очевидны и специфические проблемы, характерные для процесса развития азиатских университетов. К ним относится, в частности, необходимость обеспечивать качество преподавательского состава (рейтинг ARWU, к примеру, показывает разрыв в этом плане между азиатскими университетами и ведущими мировыми вузами). По данным ЮНЕСКО, за первое десятилетие нынешнего века число преподавателей со степенями доктора и магистра возросло в Китае, Малайзии, Вьетнаме, на Филиппинах практически вдвое, но пока всё равно остаётся на достаточно низком уровне (10–15% преподавателей от общего числа профессорско-преподавательского состава имеют степени докторов наук, 35–50% – степень магистра) [15, с. 34].

Азиатские страны по-прежнему отличает концентрация на инженерных специальностях, или *STEM (science, technology, engineering and math)*, нежели гуманитарных, что характерно для стран, находящихся на этапе индустриализации, но является недостаточным условием для развития навыков критического мышления, подготовки специалистов, которые в течение своей жизни могли бы решать новые задачи и обеспечивать комплексный характер инновационной активности своих стран [11].

¹ Например, ARWU в отличие от двух других рейтингов учитывает такой показатель, как количество нобелевских лауреатов в составе профессорско-преподавательского состава и среди выпускников университета.

Таблица

**Ведущие азиатские университеты по версии рейтингов QS,
Times и ARWU**

Наименование университета	Страна	Позиция в рейтинге QS (2018 г.)	Позиция в рейтинге Times (2018 г.)	Позиция в рейтинге ARWU (2017 г.) ¹
Наньянский технологический университет	Сингапур	11	52	101–150
Национальный университет Сингапура	Сингапур	15	22	91
Университет Цинхуа	КНР	25	30	48
Гонконгский университет	Гонконг (КНР)	26	40	101–150
Токийский университет	Япония	28	46	24
Гонконгский университет науки и технологии	Гонконг (КНР)	30	44	201–300
Университет Киото	Япония	36	74	35
Сеульский национальный университет	Республика Корея	36	74	101–150
Пекинский университет	КНР	38	27	71
Фуданьский университет	КНР	40	116	101–150
Корейский институт передовых технологий	Республика Корея	41	95	201–300
Китайский университет Гонконга	Гонконг (КНР)	46	58	151–200
Городской университет Гонконга	Гонконг (КНР)	49	119	201–300
Токийский технологический университет	Япония	56	251–300	151–200
Шанхайский университет Цзяо Тун	КНР	62	188	101–150
Осакский университет	Япония	63	201–250	101–150
Пхоханский университет науки и технологий	Республика Корея	71	137	301–400
Университет Тохоку	Япония	76	201–250	101–150
Тайваньский национальный университет	Тайвань	76	198	151–200
Чжэцзянский университет	КНР	87	177	101–150
Университет Корё	Республика Корея	90	201–250	201–300
Гонконгский технологический университет	Гонконг (КНР)	95	182	201–300
Научно-технический университет Китая	КНР	97	132	101–150

Источник: QS World University Rankings, <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>, Times University Ranking 2018, https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats; Academic Ranking of World Universities, <http://www.shanghai-ranking.com/ARWU2017.html>

¹ На момент подготовки данной статьи рейтинг 2018 г. ещё не был объявлен.

И, наконец, так же, как и в случае с ре-продукцированием уже изобретённых на Западе технологий, многие объяснения быстрого подъёма азиатских вузов исходят из того, что успешные азиатские университеты основывались в первую очередь на европейском опыте и в этом смысле их достижения не могут рассматриваться как обусловленные только эндогенными причинами, в то время как процесс формирования так называемых «гибридных» университетов, т.е. сочетающих опору на западный опыт и местные социо-культурные традиции, находится лишь на самой начальной стадии [16].

Рост азиатских фабрик мысли

Ещё одной особенностью ситуации в странах Азии в первой четверти этого века стал активный рост фабрик мысли, который был вызван задачами развития национальных исследовательских систем, обозначенных ранее, а также необходимостью критически осмысливать международные процессы, происходящие в Азии.

На рис. 2 показана динамика количественного увеличения фабрик мысли в основных региональных сегментах мира за последние четыре года. Наиболее существенный рост наблюдается именно в Азии, незначительный — в Центральной и Южной Америке и относительное сокращение в других регионах мира. Рис. 3 показывает, что Азия становится третьим регионом концентрации различных исследовательских центров и фабрик мысли после Европы и Северной Америки.

При этом в отличие от университетов, сосредоточенных на развитии комплекса инженерных специальностей, как было отмечено ранее, многие ведущие азиатские фабрики мысли сфокусированы в первую очередь на анализе международно-политических процессов. Так, в число наиболее влиятельных фабрик мысли в Азии по версии рейтинга Пенсильванского университета “*Global Go to Think Tank Report*” входят аналитические центры, специализирующиеся в основном на международной проблематике: Корейский институт развития (*Korea De-*

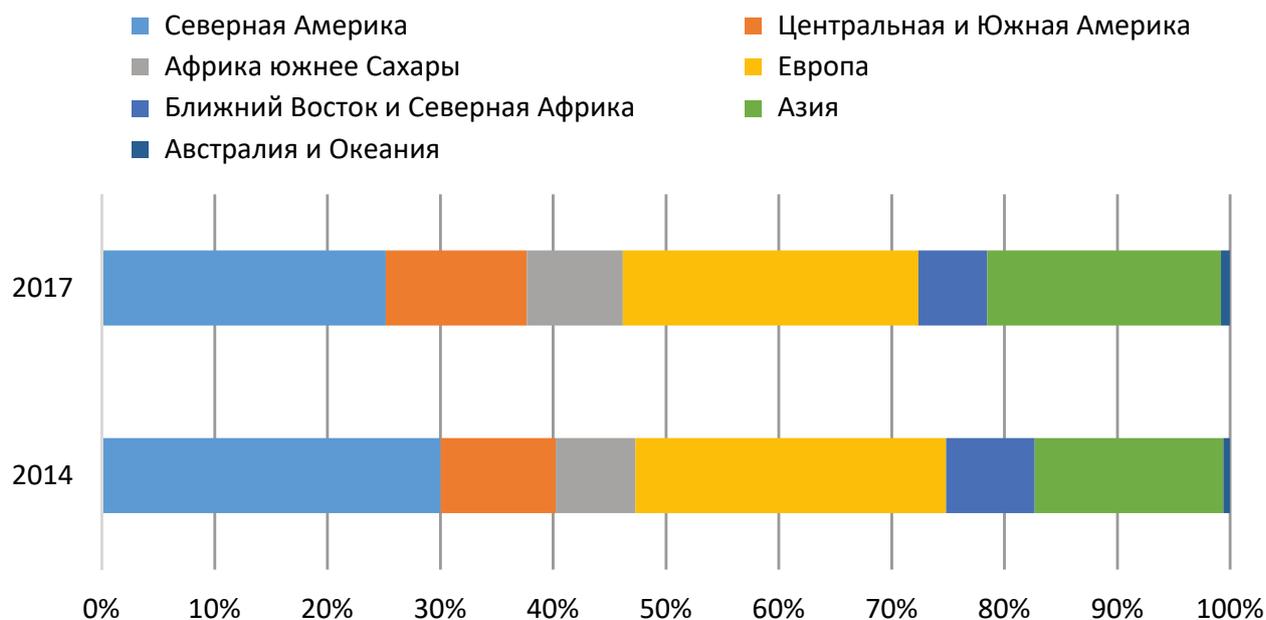

Рис. 2. Динамика изменения количества фабрик мысли в регионах мира (2014–2017 гг.)

(Источник: McGann J. *Global Go To Think Tank Index Report*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2018. P. 36; McGann J. *Global Go To Think Tank Index Report*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014. P. 53)

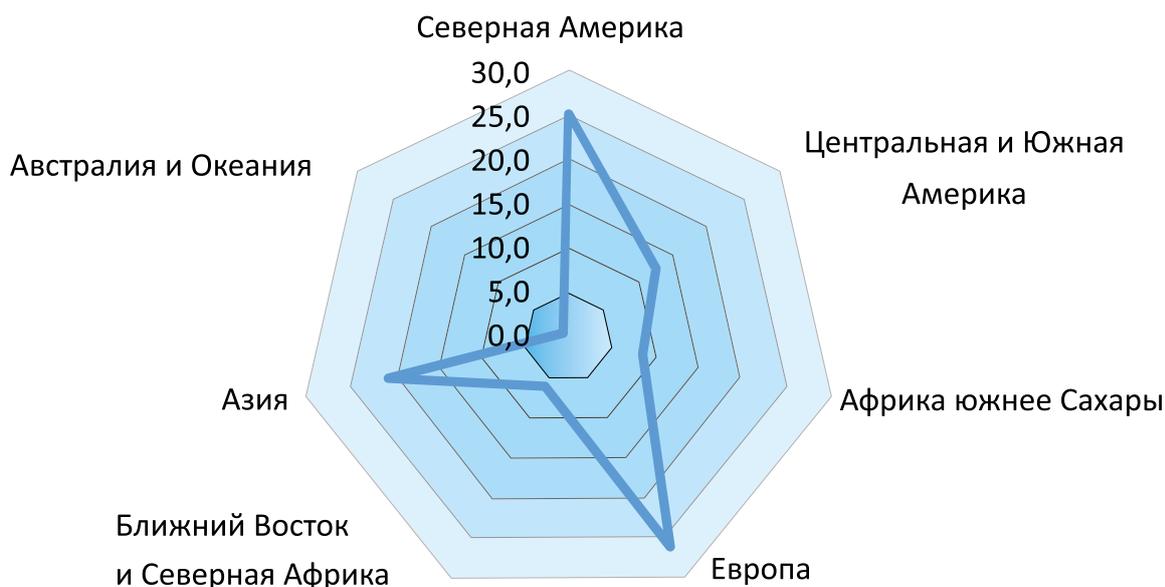

Рис. 3. Доля фабрик мысли (в %) по регионам мира (2017 г.)
(Источник: McGann J. 2017 Global Go To Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2018. P. 36)

velopment Institute), Японский институт международных отношений (*Japan Institute of International Affairs*), Китайский институт международных исследований (*China Institute of International Studies*), Корейский институт международной экономической политики (*Korea Institute for International Economic Policy*), Китайский институт современных международных исследований (*China Institute for Contemporary International Relations*), Институт политических исследований Асан (*Asan Institute for Policy Studies*), Азиатский форум в Японии (*Asia Forum, Japan*), индийский Наблюдательно-исследовательский фонд (*Observer Research Foundation, India*), Центр глобальной политики Карнеги-Цинхуа (*Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy*), Институт оборонных исследований и анализа (*Institute for Defence Studies and Analysis, India*).

Из этого проистекает такая особенность азиатских фабрик мысли, как выполнение скорее «внешней» функции, связанной с анализом международной ситуации, участием в процессах взаимодействия на полуторном и втором треках, задачи экономического обоснования процессов регионализации, нежели фор-

мулировка альтернатив внутреннего развития, в отличие от американских или европейских аналогов.

Современные вызовы и дальнейшие направления исследований

Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что успехи целого ряда азиатских стран в области развития науки и образования представляются поистине масштабными. Тем не менее существует ещё целый ряд вызовов, с которыми этим странам придётся столкнуться в самое ближайшее время. В общем виде эти вызовы можно объединить в две группы. Первая связана с особенностями развития университетского образования и исследований в Азии, в то время как вторая вытекает из процессов социально-экономических трансформаций как в самой Азии, так и в мире в целом.

Несмотря на существенные успехи многих азиатских университетов, их полномасштабное закрепление в качестве университетов мирового уровня, по-видимому, потребует длительного времени. Это связано с тем, что для сохранения ведущих позиций в мировой таблице о рангах необходимо не только предоставле-

ние качественных образовательных услуг, но, что более существенно, постоянная аккумуляция и сохранение в университетской среде лучших исследовательских кадров. Так, например, Гарвардскому и Йельскому университетам потребовалось несколько столетий на то, чтобы стать лучшими университетами; более чем полвека на это потратили Стэнфордский и Чикагский университеты [11]. Существенным представляется пока что открытый вопрос, сможет ли рост фабрик мысли в странах Азии каким-либо образом нивелировать те проблемы, с которыми сталкиваются азиатские университеты в процессе своего развития, в частности, расширить поле применения общественных наук не только с точки зрения их внешней направленности, но и в плане генерирования идей для внутреннего развития своих стран.

Новые вызовы для азиатских университетов, по-видимому, создаст и четвертая промышленная революция. Её реализация приведёт к автоматизации многих трудоёмких производств (в том числе в сфере IT, производства автокомплекующих и лёгкой промышленности, обеспечивших быстрый экономических подъём многих новых индустриальных стран)

и, следовательно, к сокращению рабочих мест, требовавших квалификации не самого высокого уровня. Однако параллельно станут востребованы высококвалифицированные кадры, способные к постоянному решению новых задач [17], что требует существенных изменений в организации образовательного процесса.

Грядущие технологические изменения также, по-видимому, повлияют и на конкурентоспособность той модели развития, которая сформировалась во многих странах Восточной Азии под влиянием японского экономического чуда. Процессы решоринга (возвращение в прошлом трудоёмких производств в развитые страны в результате внедрения новых технологий роботизации и автоматизации) могут повлечь за собой снижение качества жизни в странах, где начался рост благосостояния населения и зарплат, но которые ещё не успели стать богатыми [18]. В этих условиях вопрос конкуренции азиатских стран за передовые позиции в области науки и образования следует рассматривать и как вопрос о том, какие из них закрепят за собой роль технологического ядра в Азии, а какие сформируют новую периферию мирового развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dent C. East Asian Regionalism. Abington: Routledge, 2008.
2. Studwell J. How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. N.Y.: Grove Press, 2013.
3. Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура 1965–2000. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2016.
4. Ali M., Egbetokun A., Memon M.H. Human Capital, Social Capabilities and Economic Growth. *Economies*. 2018. 6:2. P. 1–18.
5. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2010.
6. Greater China's Quest for Innovation / Ed. by Henry S. Rowen, Marguerite Gong Hancock, William F. Miller. Stanford: Stanford University, 2008.
7. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (дата обращения: 12.08.2018).

8. Garrett G. Why the U.S.–China ‘Trade War’ Is Really About the Future of Innovation. 09.04.2018, URL:<http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/u-s-china-trade-war-really-future-innovation/> (дата обращения: 12.08.2018).
9. Strange S. The Persistent Myth of Lost Hegemony. *International Organization*, 1987. 41:4. Pp. 551–574.
10. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 85–93.
11. Levin R. The Rise of Asia’s Universities // *Foreign Affairs*. May/June 2010. 89: 3. Pp. 63–75.
12. Kim Terri. Higher Education Reforms in South Korea: public–private problems in internationalising and incorporating universities // *Policy Futures in Education*. 2008. 6:5. Pp. 558–568.
13. *Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions* / Ed. by B. Görensson, C. Brundenius. NY, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer, 2011.
14. *The Routledge International Handbook of Higher Education* / Ed. by Malcolm Tight, Ka Ho Mok, Jeroen Huisman, and Cristpher C. Morpheu. Abington: Routledge, 2009.
15. *Higher Education in Asia: Expanding out, Expanding up. The Rise of Graduate Education and University Research*. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2014.
16. Chan Sh., Leeb M.N.N., Yang R. The Hybrid University in East Asia: searching for the new paradigm // *Studies in Higher Educatuin*. 2017. 42:10. Pp. 1803–1808.
17. *World Yearbook of Education 2008. Geographies of Knowledge, Geometries of Power: Framing the Future of Higher Education* / Ed. By Debbie Epstein, Rebecca Boden, Rosemary Deem, Fazal Rizvi and Susan Wright. N.Y.: Routledge, 2007.
18. Зотин А. Роботизация вместо глобализации. *Коммерсант*. 27.01.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526726> (дата обращения 12.08.2018).

ENGLISH

Transformation of Universities and Think Tanks Based in the Asian Countries

Ekaterina Valeryevna Koldunova – Cand. Sc. of Politics, assistant professor, Chair of Oriental Studies, MGIMO University, supervisor of the project “Role of Universities and Think Tanks Based in the Largest Asian Countries in Driving Their Science and Hi-Tech (Experience for Russia)” (15-03-00438a).
E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

The paper is a comparative study of the interconnection between the economic growth of Asia (especially its Pacific part) and the fast-paced growth of a number of Asian universities and think tanks amidst the overall process of developing science and education in Asia. It describes the unparalleled success of Japan, Singapore, South Korea and China from the point of view of their leading universities included in the top global rankings (which, from a formal point of view, is reflected in their top positions in the three major world university rankings), and general and specific issues of their today’s development.

The quantitative and qualitative data included in the paper prove two main points. First, there is a significant differentiation between the Asian countries in terms of creating excellent universities, which, apparently, will have a long-term impact on the overall development of these countries. Second, even those Asian countries that have already achieved success in developing their own universities will soon face new challenges related to the exhaustion of the export-focused model of economic growth and the onset of the Fourth Industrial Revolution.

Keywords: science, think tanks, the rise of Asia, Asian universities, East Asia

REFERENCES

1. Dent S. East Asian Regionalism. Abington: Routledge, 2008.
2. Studwell J. How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. N.Y.: Grove Press, 2013.
3. Li Kuan Yu. Iz tret'ego mira – v pervyy. Istoriya Singapura 1965–2000. M.: Mann, Ivanov i Farber, 2016 (in Russian).
4. Ali M., Egbetokun A., Memon M.H. Human Capital, Social Capabilities and Economic Growth. Economies. 2018. 6:2. P.1–18.
5. Bol'shaya Vostochnaya Aziya: mirovaya politika i regional'nye transformatsii / Pod red. A.D. Voskresenskogo. M.: MGIMO, 2010 (in Russian).
6. Greater China's Quest for Innovation / Ed. by Henry S. Rowen, Marguerite Gong Hancock, William F. Miller. Stanford: Stanford University, 2008.
7. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (data obrashcheniya: 12.08.2018).
8. Garrett G. Why the U.S.–China 'Trade War' Is Really About the Future of Innovation. 09.04.2018, URL: <http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/u-s-china-trade-war-really-future-innovation/> (data obrashcheniya: 12.08.2018).
9. Strange S. The Persistent Myth of Lost Hegemony. International Organization, 1987. 41:4. Pp. 551–574.
10. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii // Vestnik MGIMO. 2012. № 4. S. 85–93 (in Russian).
11. Levin R. The Rise of Asia's Universities // Foreign Affairs. May/June 2010. 89: 3. Pp. 63–75.
12. Kim Terri. Higher Education Reforms in South Korea: public–private problems in internationalising and incorporating universities // Policy Futures in Education. 2008. 6:5. Pp. 558–568.
13. Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed. by B. Görensson, C. Brundenius. NY, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer, 2011.
14. The Routledge International Handbook of Higher Education / Ed. by Malcolm Tight, Ka Ho Mok, Jeroen Huisman, and Cristpher C. Morphey. Abington: Routledge, 2009.
15. Higher Education in Asia: Expanding out, Expanding up. The Rise of Graduate Education and University Research. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2014.
16. Chan Sh., Leeb M.N.N., Yang R. The Hybrid University in East Asia: searching for the new paradigm // Studies in Higher Educatuin. 2017. 42:10. Pp. 1803–1808.
17. World Yearbook of Education 2008. Geographies of Knowledge, Geometries of Power: Framing the Future of Higher Education / Ed. By Debbie Epstein, Rebecca Boden, Rosemary Deem, Fazal Rizvi and Susan Wright. N.Y.: Routledge, 2007.
18. Zotin A. Robotizatsiya vmesto globalizatsii. Kommersant. 27.01.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526726> (data obrashcheniya: 12.08.2018) (in Russian).

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ*

Российская империя и Центральная Азия: правоотношения в контексте фронтирной модернизации

В статье впервые предпринимается попытка анализа особенностей правоотношений Российской империи с государствами Центральной Азии на основе концепции фронтирной модернизации. Автор выделяет основные этапы правового взаимодействия России и центрально-азиатских государств в XVIII – начале XX в., выявляет основные средства и методы, с помощью которых российские власти старались влиять на правовое развитие стран и народов региона на каждом из рассматриваемых этапов. При этом проводится сравнение с аналогичными процессами, реализовавшимися Российской империей в других своих восточных пограничных регионах. По мнению автора, незавершённость процесса фронтирной модернизации в среднеазиатских ханствах (в отличие от Закавказья, Казахстана и др.) была связана как с формально-юридическими особенностями их статуса (фактический протекторат Российской империи при формальном сохранении их независимости), так и с политической ситуацией (революционные события 1917 г., приведшие к падению империи).

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Казахстан, традиционное государство, протекторат, фронтирная модернизация

Фронтирная модернизация как новый подход в изучении отношений Российской империи с государствами Центральной Азии

Взаимоотношения Российской империи с государствами Центральной Азии привлекали внимание исследователей фактически со времени начала их установления и развития, т.е. с XVIII–XIX вв.

Трактовка этих отношений (добровольное вхождение стран и народов региона в состав России, колонизация, завоевание и пр.) во многом зависела от идеологических установок авторов исследований. В последние годы ряд учёных предпринял попытку всестороннего анализа отношений России и Центральной Азии, уделяя особое внимание анали-

* **Почекаев Роман Юлианович** — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал), руководитель проекта «“Российский фактор” правового развития Центральной Азии в имперский период (XVIII – начало XX в.): юридические аспекты фронтирной модернизации» (14-03-00322а).

E-mail: rpotchekaev@hse.ru

зу процессов преобразований, осуществившихся в государствах Центральной Азии под российским влиянием, опираясь на данные наук и специальных дисциплин [1, с. 7–12]. Наиболее востребованной для достижения этой цели на сегодняшний день представляется концепция фронтальной модернизации, в рамках которой активно изучаются модернизационные процессы на окраинах России (преимущественно восточных), рассматриваются направления интеграции этих регионов в общероссийское политическое, экономическое и культурное пространство [2].

До сих пор представители этой концепции в большей степени сосредоточивались на изучении политических и экономических, в ряде случаев — культурных аспектов этих взаимоотношений, тогда как правовая составляющая оставалась за рамками их исследований. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть именно юридические аспекты фронтальной модернизации, реализуемой Российской империей в отношении государств и народов Центральной Азии на протяжении XVIII – начала XX в. Представляется целесообразным выделить ряд этапов этого процесса и дать характеристику основных средств и методов, которые Россия использовала на каждом из них с целью влияния на правовое развитие стран и народов Центральной Азии.

Основные этапы фронтальной модернизации мы выделяем на основе комплексного изучения правовой политики Российской империи в отношении различных восточных государств и народов, в разное время и при разных обстоятельствах вошедших в состав России, таких как Закавказье, Калмыцкое ханство, Казахстан. Несмотря на особенности правового статуса среднеазиатских государств (фактически признав зависимость от России в форме протектората, два наиболее значительных ханства Средней Азии — Бухара и Хива — формально сохраняли независимость), в отношении их импер-

ские власти проводили аналогичную политику, хотя и имевшую некоторые особенности.

Становление отношений России с ханствами Центральной Азии: причины первичных неудач

Одной из этих особенностей является то, что имперские власти старались в той или иной степени влиять на правовое развитие среднеазиатских государств задолго до того, как фактически установили свой контроль над ними — с XVIII до середины XIX в. А поскольку целенаправленных исследований по изучению особенностей политического и правового развития Центральной Азии российские власти не проводили, большинство этих попыток было неудачным. К числу наиболее значительных неудач следует отнести, пожалуй, действия экспедиции А.Бековича-Черкасского в Хивинское ханство (1715–1717), приведшие к гибели её руководителя и практически всех участников. Причиной стало «недопонимание» России и Хивы относительно формата взаимоотношений, которые пытался установить Пётр I с ханом Ширгази: термины, используемые в официальных документах русского царя для обозначения мирных и союзных отношений, в трактовке хивинского хана приобрели характер претензий на установление российского сюзеренитета над ханством, что и вызвало агрессивные действия хивинцев против российской экспедиции и на долгие годы обусловило взаимное недоверие России и Хивы, зачастую перераставшее и в вооружённое противостояние [3, с. 27–29].

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. Россия неоднократно направляла своих посланников в ханства Средней Азии для заключения договоров о мире и торговле (рис. 1), однако российское дипломатическое ведомство по-прежнему не считало нужным предварительно изучить особенности политической и правовой системы этих государств и форму-

Рис. 1. Русско-хивинские переговоры (рисунок очевидца)

лировало свои предложения в «европейских» традициях международного права. В результате их предложения подразумевали формирование таких отношений и создание таких правовых институтов (в том числе непосредственно в самих ханствах), которые были не только неприемлемы для среднеазиатских монархов, но и попросту непонятным им и, следовательно, вызвали негативную реакцию с их стороны.

Кроме того, сам принцип исполнения заключённого договора, характерный для европейских реалий, не действовал в Средней Азии, поскольку в силу тюрко-монгольской правовой традиции любой договор действовал лишь в течение правления подписавшего его хана, преемник которого ни в коей мере не считал себя связанным его положениями. В традициях правителей центральноазиатских государств не было и соблюдения принципа взаимности в международно-правовых отношениях. В результате складывалась ситуация, когда среднеазиатские торговцы в России имели мно-

гочисленные льготы и привилегии, тогда как русских торговцев в Средней Азии, напротив, облагали повышенными и дополнительными налогами и сборами, чинили всяческие препятствия в деятельности [4, с. 230–231].

Особенности выстраивания политико-правовых отношений с ханствами Средней Азии оказали некоторое влияние на процесс модернизации и в других восточных регионах, находившихся под контролем России. Так, Хивинское ханство в 1820–1860-е гг. предъявляло претензии на ряд казахских владений Младшего жуза, юридически находившихся в подданстве России. Свобода, с которой казахи «спорных» владений переходили из российского подданства в хивинское, во многом объяснялась тем, что ни Россия, ни Хива не пытались влиять на систему административного управления Младшего жуза, его право, систему налогообложения и пр., так что при смене подданства внутри казахского общества никаких изменений не происходило. Россия решила изменить эту ситуацию, в резуль-

тате чего в 1824 г. в Младшем жузе была отменена ханская власть, а в 1830-е гг. систему натуральных налогов заменили фиксированными сборами в денежной форме [5, с. 195–210, 266–274; 6]. Эти изменения, существенно ускорившие процесс фронтальной модернизации и интеграции Казахстана в состав Российской империи, вместе с тем создали ряд препятствий для новых попыток перехода русско-подданных казахов в хивинское подданство.

Изменения в центрально-азиатской политике России и начало процесса фронтальной модернизации

Особенности выстраивания отношений с ханствами Средней Азии стали очевидны для российских властей лишь в 1840–1850-е гг. по итогам миссий в Хиву и Бухару П. Никифорова, Г.И. Данилевского и в особенности Н.П. Игнатьева. Имен-

но Игнатьев наиболее чётко сформулировал в качестве проблемы при выстраивании правоотношений России с ханствами Средней Азии следование российской дипломатии европейским принципам и учёт среднеазиатских реалий, рекомендуя действовать более «привычными» для восточных монархов методами – в первую очередь демонстрацией военной силы [7, с. 188–189]. В связи с этим в процесс укрепления позиций России в регионе активно включилось Военное министерство, представители которого (руководство пограничных администраций – в частности, Оренбургского края и Закавказья) на протяжении 1850–1870-х гг. и зачастую без согласования с центральными имперскими властями сумели присоединить к империи значительные территории Средней Азии (рис. 2), а с правителями Бухары и Хивы заключили соглашения, по которым последние признавали протекто-

Рис. 2. Русская Средняя Азия во второй половине XIX в.

Рис. 3. К.П. фон Кауфман —
первый генерал-губернатор Туркестанского края
(1867–1882)

рат Российской империи. Именно с этого времени (рубеж 1860–1870-х гг.) у России появились реальные возможности для эффективного проведения политики фронтальной модернизации в отношении ханств Средней Азии — аналогичной той, которую она реализовала в других своих азиатских регионах.

Первый этап фронтальной модернизации в юридическом отношении характеризуется тем, что имперские власти не предпринимали никаких активных действий для изменения политико-правовых реалий вассальных государств, довольствуясь тем, что местные правители признавали свою зависимость от России, и время от времени оказывая поддержку наиболее лояльным из них. В Средней Азии этот этап охватывает 1870-е — середину 1880-х гг. Именно в этот период времени были заключены договоры, в которых Бухара и Хива фактически призна-

вали российский протекторат, создавали режим наибольшего благоприятствования русско-подданным (в особенности торговцам) [8, с. 129–139]. Российская империя в лице генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана (рис. 3) со своей стороны гарантировала защиту Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству от внешних посягательств (в первую очередь со стороны Великобритании и ее сателлита Афганистана) и оказала некоторую военную поддержку эмиру и хану — уже в форме выполнения «союзнического долга» — в разгроме региональных правителей, имевших сепаратистские устремления в укреплении власти монархов-вассалов внутри собственных государств в целом [9, с. 308–315; 10, с. 162–163, 200–209].

На втором этапе фронтальной модернизации Российская империя старалась усилить контроль вассальных правителей, предпринимая попытки проведения некоторых преобразований в сфере власти и управления, а также распространения отдельных принципов имперского правового регулирования на территорию вассальных государств. В Закавказье, Кал-

Рис. 4. Сейид Абдул-Ахад, бухарский эмир
(1885–1910)

мыкши, Казахстане эти действия нашли отражение в формальном утверждении местных монархов российскими императорами, постепенном подчинении властей вассальных государств руководству имперской пограничной администрации, в формировании совместных судебных органов (из представителей как местной знати, так и русского пограничного чиновничества). В среднеазиатских протекторатах Российской империи, которые, повторимся, номинально сохраняли независимость, имперские власти были несколько ограничены в средствах реализации этого этапа. Поэтому правовые преобразования, проводившиеся ими в Бухаре и Хиве во второй половине 1880-х – 1890-х гг., чаще всего облекались в форму заключения международных соглашений с местными правителями (как с равноправными участниками) или же реализовывались под предлогом защиты интересов русско-подданных, пребывавших в этих государствах. Так, именно путём подписания двусторонних соглашений с бухарским эмиром Абдул-Ахадом и хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II (рис. 4, 5) Россия оформила включение Бухары и Хивы в имперскую таможенную черту, обеспечила контроль над чеканкой местной монеты, создала систему русских поселений на территории Бухарского эмирата [11, с. 188–190, 195–197].

С целью защиты интересов российских подданных в Бухаре в 1886 г. стало действовать Русское политическое агентство; в Хиве постоянное российское дипломатическое представительство не было создано в силу международных политических условий и его функции выполнял начальник наиболее близкой ханству имперской административно-территориальной единицы – Амударьинского во-

Рис. 5. Сейид Мухаммад-Рахим II, хивинский хан (1864–1910) в окружении хивинских сановников и представителей туркестанской администрации

енного отдела. Соответственно, российские чиновники получили возможность прямого взаимодействия с правящими кругами обоих ханств и дачи им «рекомендаций» для дальнейшего сближения протекторатов с Российской империей в политико-правовом и экономическом положении. В 1890-е гг. главы российских представительств в ханствах получили право осуществлять судебное разбирательство дел, участниками которых являлись русско-подданные, т.е. фактически на территории протекторатов были созданы суды, действовавшие на основе российского имперского законодательства. В то же время происходит интеграция правящей элиты Бухары и Хивы в сановную иерархию Российской империи: бухарские эмиры и хивинские ханы получали российские сановные титулы и во-

инские звания, становились кавалерами имперских орденов и т.д.

Незавершённость фронтальной модернизации в Центральной Азии и оценка её результатов

Третий этап фронтальной модернизации характеризуется трансформацией системы органов управления вассальных государств, проведением в них серьёзных реформ и всё большим распространением на их территории имперского законодательства. На наш взгляд, в начале XX в. Российская империя лишь приступила к его реализации в своих среднеазиатских протекторатах. Об этом свидетельствуют проекты реформ, формально инициированные самими монархами, но фактически разработанные российскими дипломатическими представителями в Бухаре и Хиве. И если в 1910 г. речь шла лишь о некоторых изменениях в статусе представителей администрации ханств и системе налогообложения [12, с. 123], то в 1917 г. (уже после падения монархии в России) реформы предусматривали формирование в ханствах многопартийной системы и выборных органов законодательной власти, принятие конституции и т.д. [13, с. 48–49, 71–79]. Однако последовавшие события Октября 1917 г. не позволили представителям Временного правительства довести процесс реформ (несомненно, обеспечивший бы дальнейшую интеграцию Бухары и Хивы в российское политико-правовое пространство) до логического завершения: пришедшее к власти большевистское правительство официально отказалось от протектората над ханствами и стало выстраивать отношения с ними в принципиально ином формате.

Четвёртый этап фронтальной модернизации — окончательная интеграция вассальных государств в состав Российской империи, распространение на них в полной мере системы управления и имперского законодательства, административно-территориального устройства. Реали-

зованный имперскими властями в Закавказье, Калмыкии, Казахстане, этот этап также ни в коей мере не был реализован в среднеазиатских протекторатах, хотя предложения подобного рода неоднократно поступали в центральные органы власти Российской империи от Военного министерства и администрации Туркестанского края в 1900–1910-е гг. Но МИД России последовательно отклонял их под предлогом того, что Бухара и Хива ещё не достигли такого уровня политического, правового и экономического развития, который позволил бы им стать частью Российской империи, т.е. констатировал незавершённость процесса фронтальной модернизации.

Следует отметить, что одной из причин этой незавершённости и стали многолетние конфликты МИДа и Военного министерства Российской империи из-за её политики в Центральной Азии. Если военные в первую очередь подчёркивали опасность, исходящую от Британской империи, и предлагали предупредить её действия включением среднеазиатских протекторатов в состав России, то дипломаты в большей степени опасались спровоцировать конфликт с европейскими державами и резко выступали против расширения территории империи. Парадоксальность ситуации подчёркивалась тем, что руководство и чиновничество Туркестанского края (подчинявшееся Военному министерству) плотно занималось изучением политико-правовых реалий Средней Азии и могло объективно судить об отношении местного населения к России и её правовой политике в регионе, но с конца XIX в. ведущая роль в развитии отношений с Бухарой и Хивой перешла к МИДу, представители которого имели весьма туманные представления о ситуации в ханствах и проводили по отношению к ним политику по аналогии с европейскими странами. Эти обстоятельства, по нашему мнению, в немалой степени способствовали тому, что фронтальная модернизация в регионе реализовывалась намного медленнее,

чем позволяли опыт подобных процессов в других регионах империи и имеющиеся в распоряжении российской администрации правовые и иные средства влияния на Бухару и Хиву [14, с. 141–142, 207, 208].

Ещё одним принципиальным моментом, который необходимо отметить в рамках данного исследования, является то, что Россия, оценивая уровень правового развития стран и народов Центральной Азии и предпринимая усилия по его повышению, придерживалась совершенно иного подхода, чем современные ей «колониальные империи» – Великобритания и Франция. Власти последних в первую очередь старались подчеркнуть несовершенство политико-правовых традиций государств Востока (и Центральной Азии в частности), позиционируя себя как носителей передовых ценностей, миссия которых – нести «цивилизацию» «отсталым» народам Востока. Как известно, подобный подход (в настоящее время широко известный под названием «ориентализм» [15, с. 62–64]) послужил идеологической основой для колонизации англичанами и французами многих восточных стран и регионов, формирования дуализма в системе управления и правового регулирования (одни властные институты и правовые нормы для представителей метрополии, другие – для местного большинства, лишённого очень многих прав и привилегий).

Российские власти, изучая особенности политического и правового развития государств Центральной Азии, как правило, ограничивались констатацией того, что они существуют и должны быть приняты во внимание при выстраивании отношений с ними. При этом какие-ли-

бо оценки с точки зрения превосходства российского (европоцентричного) права в российской практике отсутствовали. И в дальнейшем, взяв курс на преобразование политической и правовой системы протекторатов в Средней Азии, российские власти исходили не из «мессианских» побуждений привития «отсталым» народам передовых западных ценностей, а исключительно из соображений повышения уровня развития ханств для последующей их интеграции в имперское политико-правовое пространство. Местное население они рассматривали не как жителей колонии, а как потенциальных подданных Российской империи со всей полагающейся им по статусу совокупностью прав и обязанностей (что прежде было в полной мере реализовано в отношении населения Закавказья, Калмыкии и Казахстана). Эти обстоятельства, несомненно, следует учитывать при анализе «колониаторской» политики Российской империи в Центральной Азии.

Опыт Российской империи в выстраивании отношений с государствами и народами Центральной Азии и её влияние на их правовое развитие, на наш взгляд, могут представлять интерес не только для правоведов и историков России, но и для политологов, а также для тех, кто непосредственно занимается развитием отношений между Россией и её стратегическими партнёрами в Центральной Азии. Осознание недостатков и выявление преимуществ подхода, который использовали российские власти в имперский период, может способствовать эффективности формирования отношений РФ и центрально-азиатских государств и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.: ИРИ РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
2. Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформируется. Вып. 12. М.: Новый хронограф, 2013. С. 246–274.

3. Андреев А.А. Российско-хивинские отношения в конце XVII – начале XVIII в. Декларативная «шерт» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2 (60). С. 16–30.
4. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
5. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960.
6. Почекаев Р.Ю. «Налоговая конкуренция» Российской империи и Хивинского ханства в Казахстане XIX в. // Вопросы правоведения. 2015. № 4. С. 195–204.
7. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952.
9. Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. / Гл. ред. А.А. Кокошин, рук-ль авт. коллектива Ф.М. Мухаметшин. М.: URSS, 2011.
10. Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии: Завоевание и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.
11. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типолиитография Н.И. Евстифеева, 1915.
12. Абдурасулов У., Сартори П. Неопределённость как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии // *Ab imperio*. 2016. № 3. С. 118–164.
13. Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 46–79.
14. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: Издал В. Березовский, 1909.
15. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.

ENGLISH

The Russian Empire and Central Asia: Legal Relations in the Context of Frontier Modernization

Roman Yulianovich Pochekaev – Cand. Sc. of Law, HoD, Chair of Law and State Theory and History, the National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg branch), supervisor of the project “Russian Factor in the Legal Development of Central Asia during the Empire Period (18th – early 20th centuries): Legal Aspects of Frontier Modernization” (14-03-00322a).

E-mail: rpochekaev@hse.ru

The paper is the first attempt to obtain insights into the legal relations of the Russian Empire with the countries of Central Asia based on the concept of frontier modernization. The author identifies the main stages of legal cooperation between Russia and Central Asian states in the 18th – early 20th centuries, reveals the main means and methods, by which the Russian government tried to influence the legal development of the countries and peoples of the region in each of the investigated stages. Here, he compares them with similar processes implemented by the Russian Empire in its other eastern border regions. According to the author, the incomplete frontier modernization process in the Central Asian khanates (unlike in Transcaucasia, Kazakhstan, etc.) was associated both with their formal legal status (the actual protectorate of the Russian Empire with formal independence) and with the political situation (the revolutionary events of 1917, which toppled the empire).

Keywords: Russian Empire, Central Asia, Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva, Kazakhstan, traditional state, protectorate, frontier modernization

REFERENCES

1. Bekmakhanova N.E. Prisoedinenie Tsentral'noy Azii k Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv. Istoriko-geograficheskoe issledovanie. M.: IRI RAN; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015 (in Russian).
2. Poberezhnikov I.V. Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen // Rossiya reformiruetsya. Vyp. 12. M.: Novyy khronograf, 2013. S. 246–274 (in Russian).
3. Andreev A.A. Rossiysko-khivinskie otnosheniya v kontse XVII – nachale XVIII v. Deklarativnaya «shert'» ili real'noe poddanstvo? // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal: Issledovaniya po rossiyskoy i vseobshchey istorii. 2015. № 2 (60). S. 16–30 (in Russian).
4. Kinyapina N.S., Blied M.M., Degoev V.V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshney politike Rossii. Vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1984 (in Russian).
5. Zimanov S.Z. Politicheskiy stroy Kazakhstana kontsa XVIII i pervoy poloviny XIX vekov. Alma-Ata: Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1960 (in Russian).
6. Pochekaev R.Yu. «Nalogovaya konkurentsia» Rossiyskoy imperii i Khivinskogo khanstva v Kazakhstane XIX v. // Voprosy pravovedeniya. 2015. № 4. S. 195–204 (in Russian).
7. Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 g. fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1897(in Russian).
8. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Gospolitizdat, 1952 (in Russian).
9. Rossiya – Srednyaya Aziya. T. 1: Politika i islam v kontse XVIII – nachale XX vv. / Gl. red. A.A. Kokoshin, ruk-l' avt. kollektiva F.M. Mukhametshin. M.: URSS, 2011 (in Russian).
10. Glushchenko E.A. Rossiya v Sredney Azii: Zavoevanie i preobrazovaniya. M.: Tsentrpoligraf, 2010 (in Russian).
11. Zhukovskiy S.V. Snosheniya Rossii s Bukharoy i Khivoy za poslednee trekhstletie. Pg.: Tipolitografiya N.I. Evstifeeva, 1915 (in Russian).
12. Abdurasulov U., Sartori P. Neopredelyonnost' kak politika: razmyshlyaya o prirode rossiyskogo protektorata v Sredney Azii // Ab imperio. 2016. № 3. S. 118–164 (in Russian).
13. Galuzo P. Iz istorii natsional'noy politiki Vremennogo pravitel'stva // Krasnyy arkhiv. 1928. T. 5 (30). S. 46–79 (in Russian).
14. Logofet D.N. Strana bespraviya. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoyanie. SPb.: Izdal V. Berezovskiy, 1909 (in Russian).
15. Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkiy mir", 2006 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 811.214.44

ГРНТИ 16.41.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-82-91

Ю.В. МАЗУРОВА*

Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи

Проект посвящён документированию индоарийского языка куллуи. Этот бесписьменный малый язык, относящийся к группе химачальских пахари, распространён в округе Куллу, штате Химачал-Прадеш (Индия). Основная цель проекта – описание куллуи методами полевой лингвистики. Исследование включает сбор социолингвистической информации, грамматическое описание, составление словаря, а также запись текстов. Проект, который осуществляют А.С. Крылова, Ю.В. Мазурова, Е.А. Ренковская, Е.М. Шуванникова (Князева), проводится на базе Института языкознания РАН.

В ходе лингвистических экспедиций в Химачал-Прадеш были собраны сведения о социолингвистической ситуации: видах многоязычия, сферах употребления основных языков региона – куллуи, хинди, английского и других, изучены языковые особенности разных поколений. Показана динамика языковой ситуации: в старшем поколении, особенно среди женщин, встречаются случаи моноязычия – владения одним только местным языком; среднее поколение, как правило, владеет несколькими языками – хинди, одним или несколькими местными языками/диалектами, кто-то знает ещё и английский (в его индийском варианте). Кроме того, некоторые жители в какой-то степени знают пенджаби, урду, непальский, что связано с географическим положением и историей Химачал-Прадеша. У молодёжи и детей школьного возраста отмечается начало языкового сдвига: многие знают языки химачали и используют их в повседневной жизни, однако сфера употребления малых языков постепенно сужается до общения со старшими родственниками. Основным средством общения для младшего поколения является хинди, для образованной молодёжи – хинди и английский.

Подробное описание малых языков актуально именно сейчас, пока они ещё сохраняют своеобразие и используются всеми поколениями. Необходимо документирование, выполненное на современном уровне с использованием новых технологий (звуковых словарей, глоссированных текстов с аудио- и видеозаписями). Существовая как средство устного общения, куллуи и другие малые языки Химачал-Прадеша на данный момент не имеют стандартизированной письменности. Исследовательский коллектив разработал фонологическую транскрипцию на основе Международного фонетического алфавита (МФА) для записи устной речи, а также морфологическую разметку для грамматического материала.

* **Мазурова Юлия Викторовна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, исполнитель проекта «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи» (16-34-01040a2).
E-mail: mazurova.julia@gmail.com

Ключевые слова: куллуи, химачальские пахари, полевые лингвистические исследования, документирование языков, малые индоарийские языки

Общие сведения о группе химачальских пахари

Язык куллуи [1] распространён в округе Куллу штата Химачал-Прадеш. Это один из десятков идиомов диалектного континуума, который по традиционной классификации, сложившейся ещё со времён «Обзора языков Индии» А.Грирсона [2, с. 1] называют «западной группой пахари», или «западным пахари» (Western Pahari) [3, с. 196]. Как и некоторые другие современные исследователи [3, с. 199; 4, с. 3], мы считаем, что выделение общей генетической группы «языки пахари» («горные» – в переводе с хинди) и её разделение на западную, центральную (гархвали и кумони) и восточную (непали, палпа, джумли и др.) подгруппы не имеют под собой лингвистических оснований и отражают лишь существовавшие более ста лет назад административные границы. На самом деле это три отдельных группы языков, а для определения времени их расхождения необходимы серьёзные сравнительно-исторические исследования. По этой причине мы предпочитаем вместо термина «западный (западные) пахари» использовать «химачальские пахари», или сокращённо «химачали» – по названию штата, где распространена большая часть идиомов.

Типологические исследования, например [5, 6, 7], которые для своих целей могут использовать только подробные грамматические описания, обычно ограничиваются крупными индоарийскими языками. Материал малых индоарийских языков практически недоступен, так как эти языки бытуют в устной форме, и информации о них очень мало. Методы полевой лингвистики позволяют ввести в научный оборот новые данные, ценные для типологии и сравнительно-исторического языкознания [8, 9].

Группа химачали интересна тем, что ни у одного из составляющих её идиомов нет ни литературной, ни даже стандартизированной нормы. Это языки, которые функционируют исключительно в сфере бытового общения. Нет и какого-то основного диалекта, который считался бы более престижным по сравнению с другими. Термины «язык» и «диалект» лишь условно можно применять к идиомам химачали, так как отсутствует какой-то определённый язык, по отношению к которому остальные варианты можно было бы считать диалектами. В реальности идиомы представляют собой диалектную цепочку с достаточно большой вариативностью на всех уровнях языка: в фонетике, грамматике и лексике. Как показывают проведённые нами предварительные исследования [10], идиомы удалённых друг от друга деревень – даже в пределах одного округа Куллу – не являются взаимопонятными для их носителей. Всего в Химачал-Прадеше 12 округов, и на большей части территории штата распространены химачальские пахари. Кроме того, носители языков этой группы проживают в двух соседних штатах – Уттаракханде и Джамму и Кашмире.

Социолингвистическая ситуация в Химачал-Прадеше

Носители разных диалектов разговаривают между собой, как правило, на хинди, который является также языком делопроизводства и общения в публичных местах. Приезжая из своей деревни в город, жители переходят на хинди, так как велика вероятность встретить носителя другого диалекта (ил. 1). Тот факт, что хинди (наряду с английским в некоторых частных школах) является единственным языком школьного образования, отрица-

Ил. 1. Город Куллу — центр округа Куллу

тельно влияет на сохранность малых языков: сфера их употребления неуклонно сокращается, а сами они подвергаются сильному влиянию хинди и английского. Как основной язык общения в Интернете, английский оказывает особенно сильное влияние на речь молодёжи.

Согласно переписи населения 2011 г., в штате Химачал-Прадеш проживает более 6,8 млн человек. Штат делится на 12 округов (ил. 2). Округ Куллу, где распространён язык куллуи, подразделяется на восемь тахсиллов и субтахсиллов: Манали, Куллу, Бхунтар, Сейндж, Банджар, Ани, Нирманд, Низер [11]. В округе всего пять городов, остальное население проживает в 326 деревнях. Население округа составляет примерно 438 тыс. чел. (Administrative Atlas: Himachal Pradesh, 2012).

Провести границы в диалектном континууме можно только с определённой долей условности: нет какого-то параметра, который чётко отделяет один идиом от другого или «язык» от «диалекта». Однако для удобства описания следует очертить некоторые границы распространения идиома, опираясь на лингвистические и социолингвистические фак-

торы. Обычное самоназвание для малых языков химачали — *local* или *deshi*, т.е. «местный язык» — не позволяет отличить один идиом от другого. Наречие, распространённое в долине Куллу, имеет менее употребительное самоназвание по географическому распространению — *kulvi*. Носители группы близких между собой наречий куллуи, которые воспринимают свой идиом как «один и тот же язык», проживают в деревнях, расположенных в долине Куллу по течению реки Беас в тахсилах Манали и Куллу (ил. 3). Для куллуи (как и для других нестандартизованных устных языков) характерна вариативность на всех уровнях языка, не препятствующая взаимопониманию.

К сожалению, достаточно ограниченная по времени поездка в другую страну не позволяет организовать какие-то масштабные социолингвистические опросы с хорошей выборкой: для этого требуются более серьёзные временные и административные ресурсы. Кроме того, собственно социолингвистическое исследование не входило в основные задачи проекта. Однако при организации лингвистической экспедиции сбор опреде-

Ил. 2. Административное членение штата Химачал-Прадеш [11, с. 4]

лётной социолингвистической информации необходим: полевые исследования нового языка немислимы без анализа, хотя бы поверхностного, языковой ситуации в регионе, см. [12]. Для того, чтобы описать грамматику и создать словарь, необходимо для начала определить примерные географические границы идиома в диалектном континууме. Требуется также узнать подробную языковую историю каждого информанта, отделить диалектную вариативность от индивидуальной и выяснить уровень владения языком в разных поколениях.

Основными методами исследования языковой ситуации был опрос по социолингвистической анкете носителей языка (как информантов, с которыми проводился сбор языкового материала, так и других местных жителей), а также включённое наблюдение, т.е. наблюдение исследователей за реальным функционированием языков в повседневной жизни. В общей сложности в экспедициях было собрано около 70 социолингвистических анкет разной степени детальности: с некоторыми информантами, помимо записи основных анкетных

Ил. 3. Празднование свадьбы в д. Наггар, тахсил Куллу

сведений, проводилась беседа о языковой истории, степени владения языками, способах изучения, ценностном отношении к языкам, их роли в жизни и влиянии на самоидентификацию.

Если кратко обобщить результаты, можно отметить, что для жителей округа Куллу, как и для Химачал-Прадеша в целом, характерно массовое многоязычие. Исконными языками этой местности являются химачальские пахари. Помимо куллуи, в округе Куллу имеются и другие языки/диалекты: сираджи, сейнджи, банджари и др. Кроме того, встречается довольно много носителей других языков/диалектов Химачал-Прадеша: мандеали, чамбеали, кангри, сирмори, кинори. Есть носители тибетских языков, распространённых в соседнем округе Лахул и Спити. Многие жители в какой-то мере знают языки соседних штатов и государств: панджаби, урду, непали, догри; имеются переселенцы, для которых эти языки являются родными.

Языком межэтнического общения в настоящий момент является хинди, который используется в официальном об-

щении, делопроизводстве, СМИ, в школьном образовании. Люди, плохо или совсем не владеющие хинди, встречаются только в старшем поколении, в основном это женщины (ил. 4). Наиболее распространённым в округе Куллу сочетанием можно считать двуязычие хинди/куллуи либо хинди и другой местный язык пахари. Судя по собранным нами анкетам, многие жители владеют несколькими местными языками. Это бывает в семьях, где отец и мать говорят на разных диалектах, либо в случаях, когда семья переезжает и длительное время проживает в другой местности. Например, многие жители помимо куллуи владеют языком соседнего округа — мандеали.

Всё большую популярность среди молодёжи завоевывает английский язык. Он служит языком для общения с иностранцами, языком высшего образования, а также используется для виртуального общения в Интернете. Многие родители стремятся отдать детей в частные школы с преподаванием на английском. Ср., например, характерный отрывок из интервью с местным жителем из дер. Наггар:

Mere dui batŕe si beŕi bŕi sa beŕa hotsa sa. Te inglif-midiem skula be dza si. E p^hesla mera kibe t^hi kibeki ase dzuŕi teim pŕt^he tei teim inglif skul nŕj t^hi ŕt^hi. Or tin^he at^hi ŕikŕa loŕi lei. Œdz dze samaj sa dze bŕkt tsŕlu sa sŕ sŕb^hire batŕe dzjadater angrezi-midiem skula dza si.

У меня двое детей, девочка старшая, мальчик младший. Они ходят в школу с преподаванием на английском. Почему я принял такое решение — потому, что в наше время, время нашей учёбы, не было английских школ. А они должны получить хорошее образование. В нынешние времена, которые пришли, большинство детей ходят в школы с преподаванием на английском.

Опрос школьников

Нашему коллективу удалось провести небольшое социолингвистическое исследование детей школьного возраста. Следует отметить, что проведение организованных исследований и сбор материала в детских коллективах в Химачал-Прадеше чрезвычайно затруднены: для официальной работы с детьми требуются разрешения от высших образовательных инстанций, а иностранцам получить их практически невозможно. Однако мы смогли провести неформальный мини-опрос среди детей, которые принимали участие в конкурсе рисунка в рамках мероприятий, посвящённых российско-индийской дружбе (ил. 5). Поскольку дети приехали на конкурс из разных деревень округа, можно считать, что подобный опрос отражает некоторую реальную социолингвистическую ситуацию, хотя и не претендует на полноценное исследование. Учитывая, что в этом регионе подобных исследований (по крайней мере опубликованных) не проводилось ни индийскими, ни зарубежными учёными, наш опрос может дать хотя бы неко-

Ил. 4. Жительница деревни приехала на праздник Дашера в город Куллу

торое представление об имеющихся тенденциях.

Мы опросили 20 детей, поэтому результаты не претендуют на обобщения и даны не в процентах, а в численном выражении. В опросе приняли участие 5 мальчиков и 15 девочек в возрасте от 6 до 16 лет (ил. 6). Трое из них родились в других штатах, одна девочка — в другой стране, поэтому местным языком они не владеют или владеют не в полной мере. Ещё четверо детей родились в Куллу, но в семьях, где используется другой язык или диалект (непали, мандеали и лахули). Из 12 «местных» детей четверо сказали, что куллуи не знают или знают немного, а восемь детей ответили, что знают хорошо. Детей, которые владели бы только одним языком, среди опрошенных не оказалось (в данном случае

Ил. 5. Конкурс рисунков российских и индийских детей, д. Наггар

мы не ставили перед собой задачу проверить уровень их знаний и учитывали только их собственную оценку). Все дети владеют хинди и одним или двумя другими языками (в зависимости от языка общения в семье), в школе изучают английский (некоторые учатся в школах с преподаванием на английском). У одной девочки родным оказался русский (наряду с английским). Все дети в той или иной мере знали хинди до того, как пошли в школу.

Наиболее показательны ответы о сфере использования языков. Абсолютно все дети ответили, что в общении с друзьями они используют только хинди и иногда — английский. Местными языками, по словам самих детей, они не пользуются при общении друг с другом (хотя сами мы наблюдали ситуации разговора детей и на куллуи). Эти ответы показательны в том смысле, что дети дают тот ответ, который, по их мнению, ожидают от них взрослые. Поскольку общение в школе на местных языках не одобряется, а учителя поощряют общение на хинди (или английском — в зависимости от языка-посредника в школе), то в ситуации, когда в достаточно официальной обстановке вопрос задают взрослые, и к тому же иностранцы, дети дают «правильный» ответ,

который, по их мнению, должен понравиться спрашивающим. Однако доступные нам наблюдения показывают, что общение между детьми действительно зачастую происходит на хинди.

Мы задавали вопросы о ценности языков — «Какие языки важны для тебя?» и «Хотел бы ты, чтобы местный язык изучался в школе как предмет?». Среди важных языков все дети назвали хинди, некоторые — английский. Такое отношение к языкам передаётся детям от родителей. Местный и другие языки упомянули меньше

половины опрошенных. Однако вопрос о потенциальном изучении местного языка в школе не вызвал у детей протеста: все сказали, что это было бы хорошо. Давшие развёрнутый ответ пояснили, что тем, кто уже знает куллуи, учить его не надо, а вот тем, кто не знает, это было бы полезно.

Общение с родителями также в большинстве случаев ведётся на хинди — как минимум начиная со школьного возраста, а обычно — ещё до школы. Только двое детей назвали куллуи языком домашнего общения с родителями. Некоторые родители сразу начинают говорить с детьми только на хинди и намеренно не учат их местному языку, чтобы «у детей не было деревенского акцента». Это, к сожалению, довольно распространённое заблуждение является наиболее серьёзным фактором, отрицательно влияющим на сохранность малых языков.

Сферой употребления местных языков у младшего поколения является общение с бабушками и дедушками: все дети, владеющие куллуи в той или иной степени, признались, что на местном языке они общаются со старшим поколением. Таким образом, получается, что, с одной стороны, местные языки служат для передачи традиции от старшего поколения младшему, но, с другой стороны, куллуи

ассоциируется у детей с чем-то устаревшим и несовременным, и некоторые из них стесняются говорить на нём или даже признаваться посторонним, что они его знают.

К положительным, с точки зрения сохранения языка, тенденциям можно отнести тот факт, что те дети, для которых куллуи не является родным, либо те, с кем родители не говорили в детстве на местном языке, стремятся его выучить от сверстников или взрослых и с наибольшим энтузиазмом относятся к идее преподавания куллуи как предмета в школе.

Поскольку индоарийские языки во многом похожи между собой, дети обычно легко усваивают несколько новых языков или диалектов, привнося, однако, в речь элементы своего родного языка.

Обобщая социолингвистическую ситуацию в округе Куллу, можно сказать, что несмотря на небольшую выборку результаты опроса детей можно считать достаточно показательными, так как они подтверждаются и другими наблюдениями. Во-первых, для населения Химачал-Прадеша характерно многоязычие, причём сочетания языков очень разнообразны. Если среди старшего поколения мы ещё встречали монолингвов, плохо владеющих хинди, то среднее и младшее поколения обязательно владеют хинди, многие английским (в его индийском варианте), а также одним или несколькими местными языками/диалектами.

Вторая характерная черта — мобильность населения и постоянные языковые контакты. Люди часто переезжают с места на место в поисках заработка или по другим причинам, иногда целыми семьями. Знание хинди помогает осваивать местные языки приезжим, особенно детям, поэтому знание нескольких малых языков является обычным делом. В-третьих, местные языки, в том числе и куллуи, пока что

Ил. 6. Опрос детей в д. Наггар

активно используются всеми поколениями, но у школьников уже заметно начало языкового сдвига в сторону хинди и английского, а сфера употребления куллуи сужается до общения с бабушками и дедушками; в общении с родителями и сверстниками преобладает хинди.

Выводы

Процессы глобализации в Индии, расширение образования на хинди и английском, установки родителей на изучение более престижных языков — все эти факторы отрицательно влияют на сохранность малых языков. Подробное описание химачальских пахари актуально именно сейчас, пока они ещё сохраняют своеобразие: необходимо документирование, выполненное на современном уровне. В соответствии с целью исследовательского проекта — описать язык куллуи — наш коллектив разработал фонологическую транскрипцию на основе международного фонетического алфавита (МФА) и морфологическую разметку для грамматического материала; ведётся запись и расшифровка текстов, грамматических анкет, словаря [13]. Описание одного из языков этой малоизученной группы станет отправной точкой для дальнейшего изучения химачальских пахари.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pahari, Kullu // Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/language/kfx> (дата обращения: 19.09.2018).
2. Grierson G.A. The Linguistic Survey of India. Vol. IX. Part IV. Calcutta, 1916.
3. Цоллер К.П. Пахари языки // Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011.
4. Hendriksen H. Himachali Studies. III. Grammar. København, 1986.
5. Зорграф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. М.: Наука, 1976.
6. Cardona, G. and D. Jain (eds.) The Indo-Aryan Languages. [Routledge Language Family Series]. London: Routledge, 2003.
7. Masica С.P. The Indo-Aryan Languages. Cambridge University Press, 1993.
8. Крылова А.С. Лексикостатистика новоиндоарийских языков: взгляд полевого лингвиста // Вопросы языкового родства. 2017. № 15. С. 290–299.
9. Ренковская Е.А. Императив в куллуи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / Отв. ред. З.М. Шалапина; Сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 168–173.
10. Мазурова Ю.В. Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия) // Там же С. 196–202.
11. Administrative Atlas. Himachal Pradesh // Census of India 2011. New Delhi: Office of the Registrar General & Census Commissioner, 2012. URL: <http://censusindia.gov.in/2011census/maps/atlas/Himachal%20Pradesh.html> (дата обращения: 19.09.2018).
12. Шуванникова Е.М. Индоарийский язык куллуи: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.). С. 174–180.
13. Пахари: индоарийские языки Северной Индии. URL: www.pahari-languages.ru (дата обращения: 19.09.2018).

ENGLISH

Minority Indo-Aryan Languages of North India: Kullui Language

Yulia Viktorovna Mazurova – Cand. Sc. of Philology, senior research fellow, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, researcher in the project “Grammar and Vocabulary of the Indo-Aryan Kullui Language” (16-34-01040a2).

E-mail: mazurova.julia@gmail.com

The project aims at documenting the Indo-Aryan Kullui language. This unwritten minor language of the Himachali Pahari group is common in Kullu district in Himachal Pradesh (India). The core objective of the project is to describe Kullui through field methods in linguistics. The study includes the collection of sociolinguistic information, grammar description, compiling a dictionary, as well as recording texts. The project run by A.S. Krylova, Yu.V. Mazurova, E.A. Renkovskaya, E.M. Shuvannikova (Knyazeva) is carried out under the auspices of the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences.

During the linguistic expeditions to Himachal Pradesh, the researchers collected insights into the sociolinguistic situation: types of multilingualism, areas of use of the main languages in the region – Kullui, Hindi, English, etc.; studied the language features of different generations. The research shows the dynamics of the linguistic situation: in the older generation, especially, among

women, there are cases of monolingual language – knowledge of the local language alone; the middle generation, as a rule, speaks several languages – Hindi, one or several local languages/dialects, some also know English (its Indian version). In addition, some people know Punjabi, Urdu, Nepali to some extent, which is associated with the geographic location and history of Himachal Pradesh. Young people and schoolchildren demonstrate the onset of a language shift: many people know Himachali languages and use them in everyday life; however, the use of minor languages is gradually restricted to communication with older family members. The key communication tool for the younger generation is Hindi, for educated youth – both Hindi and English.

A detailed description of minor languages is relevant right now, while they still retain their authenticity and used by all generations. It is crucial to document them using new modern technologies (voiced dictionaries, gloss texts with audio and video recordings). Existing as a means of oral communication, Kullui and other minor languages of Himachal Pradesh currently lack standardized writing. The research team has developed a phonological transcription based on the International Phonetic Alphabet (IPA) for recording oral speech, as well as morphological parsing for grammatical material.

Keywords: Kullui, Himachali Pahari, field linguistic studies, documenting languages, minor Indo-Aryan languages

REFERENCES

1. Pahari, Kullu // Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/language/kfx> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
2. Grierson G.A. The Linguistic Survey of India. Vol. IX. Part IV. Calcutta, 1916.
3. Tsoller K.P. Pakhári yazyki // Yazyki mira: Novye indoariyskie yazyki. M.: Academia, 2011 (in Russian).
4. Hendriksen H. Himachali Studies. III. Grammar. København, 1986.
5. Zograf G.A. Morfologicheskiy stroy novykh indoariyskikh yazykov. M.: Nauka, 1976 (in Russian).
6. Cardona, G. and D. Jain (eds.) The Indo-Aryan Languages. [Routledge Language Family Series]. London: Routledge, 2003.
7. Masica C.P. The Indo-Aryan Languages. Cambridge University Press, 1993.
8. Krylova A.S. Leksikostatistika novoindoariyskikh yazykov: vzglyad polevogo lingvisty // Voprosy yazykovogo rodstva. 2017. № 15. S. 290–299 (in Russian).
9. Renkovskaya E.A. Imperativ v kullui // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 6: Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki: Yazyki Yuzhnoy i Yugo-Vostochnoy Azii (Materialy nauchnoy konferentsii, IV RAN, 26 oktyabrya 2016 g.) / Otv. red. Z.M. Shalyapina; Sost., red. A.S. Panina, A.I. Kogan. M.: IV RAN, 2018. S. 168–173 (in Russian).
10. Mazurova Yu.V. Opyt polevogo issledovaniya khimachal'skikh dialektov pakhári (Severnaya Indiya) // Tam zhe. S. 196–202 (in Russian).
11. Administrative Atlas. Himachal Pradesh // Census of India 2011. New Delhi: Office of the Registrar General & Census Commissioner, 2012. URL: <http://censusindia.gov.in/2011census/maps/atlas/Himachal%20Pradesh.html> (data obrashcheniya: 19.09.2018).
12. Shuvannikova E.M. Indoariyskiy yazyk kullui: stepen' vital'nosti (Indiya, shtat Khimachal-Pradesh) // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 6: Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki: Yazyki Yuzhnoy i Yugo-Vostochnoy Azii (Materialy nauchnoy konferentsii, IV RAN, 26 oktyabrya 2016 g.). C. 174–180 (in Russian).
13. Pakhári: indoariyskie yazyki Severnoy Indii. URL: www.pahari-languages.ru (data obrashcheniya: 19.09.2018) (in Russian).

Д.В. ТРУБОЧКИН*

Театр «Сатирикон» и современный статус актёрского искусства: к постановке проблемы

В статье ставится вопрос и намечаются подходы к исследованию статуса актёрского искусства в системе современного театра. Актёр занимал бесспорное первенствующее положение в театре с глубокой древности и до рубежа XIX–XX вв., когда в традиции авангарда сформировался режиссёрский театр и наметилось противостояние старой и новой художественных систем («актёрского» и «режиссёрского» театра), по сей день определяющее динамику театрального процесса. Существенным для определения сути современного понимания актёрского искусства признаётся опыт театра «Сатирикон» и его руководителя К. Райкина, активно применяющих приём актерской трансформации в своих спектаклях. Этот опыт суммирован в виде нескольких тезисов, подтверждённых примерами из спектаклей «Сатирикона» 2000-х гг.

Ключевые слова: история театра, актёрское искусство, актёрская трансформация, современный театр, «Сатирикон», Константин Райкин

Первенство актёрского искусства в театре: исторический аспект

Каждая театральная эпоха находит способ громко заявить о своих поисках и проблемах, успехах и неудачах — через спектакли и общественный резонанс вокруг них, через высказывания людей театра и т.д. Именно «громкая» сторона театральной жизни в первую очередь становится материалом для анализа в науке и критике.

Какие же темы, провозглашённые нашей эпохой, позволят нам выявить суть

и направленность сегодняшних театральных поисков? — Политический театр как рупор беспокойной правды жизни? Нонконформизм как актуальный художественный принцип? Художественная неудача как эстетическая основа спектакля? Минимализм и безыскусность в противовес технической сложности коммерческого театра? Неизбежность иронии по отношению к театральной традиции?

Думается, любая из этих тем способна привести к основаниям современно-

* **Трубочкин Дмитрий Владимирович** — доктор искусствоведения, заведующий сектором классического искусства Запада Государственного института искусствознания, проректор Высшей школы сценических искусств, руководитель проекта «Поиски современного стиля в театре на рубеже XX и XXI веков. На примере Театра «Сатирикон» им. А.И. Райкина» (17-04-50041а).
E-mail: trubotchkin@gmail.com

го художественного процесса. Но в череде множащихся вопросов важно заметить и другое. «Фигуры умолчания» порой характеризуют эпоху точнее и глубже, чем самые громкие её заявления. О чём сегодня молчат критика и теория театра? Что недавно было на острие театральных дискуссий, а теперь забыто?

В научных работах о театре в наши дни отступило на второй план искусство актёра с огромным набором его профессиональных проблем. Этот факт, отмеченный исследователями неоднократно, является важным показателем складывающейся художественной системы и соответствующей научной парадигмы.

В актёре с глубокой древности видели не просто участника спектакля, но воплотителя самой идеи театральности. В конце XVII в., когда наилучшим для театра было признано крытое помещение со сценой итальянского типа, огромное значение приобрёл архитектор-сценограф. Архитектурными и живописными средствами, с помощью инженерной изобретательности он превращал сцену в прекрасный и таинственный мир, подверженный эффектным трансформациям. Театральным пространством могли любоваться и восхищаться уже без того, чтобы на сцене появились живые люди; достаточно было музыки и нескольких смен декораций, чтобы сыграть небольшой спектакль.

Однако в этой новой художественной системе актёр не был потеснён на вторые роли. Таинственной природе актёрского таланта публика безгранично верила и ждала от него чуда. Живое присутствие актёра было важнейшим элементом спектакля, ибо только актёр своей игрой мог вывести зрителя из пассивного, созерцательного состояния, побудить к активной работе мысли и эмоциональному участию в действии.

Противостояние актерского и режиссёрского театра

Репутация актёра как главной театральной профессии впервые была всерьёз

оспорена только в начале XX в.: конкуренцию актёру составил режиссёр. Восхождение режиссуры в театре было более чем стремительным. В середине XIX в. режиссуру в Европе только-только ввели в номенклатуру театральных должностей, и понимание её профессиональных задач ещё двоилось между организацией постановочного процесса и творчеством [1]. В начале XX в. в режиссёре увидели уже не просто помощника актёрскому гению, но самостоятельного художника — сочинителя новых произведений для театра. Недаром каждый спектакль В.С. Мейерхольда на афише и в программке был назван почтенным словом «opus» (в переводе с латинского — «сочинение»), даже если он и был поставлен на основе классической драматургии, в которой, казалось бы, уже всё давно «сочинено».

Режиссёр быстро доказал необходимость своего присутствия в любом театре и любом спектакле: в 1910–1920-х гг. он стал центральной фигурой театрального процесса. От режиссёра, а не драматурга теперь ожидали главных открытий в области композиции. Режиссёр, а не художник предлагал самые смелые пространственные и стилевые решения. Режиссёр совершил «вторжение» в области до тех пор неприступные: психологию и психофизику актёра — таинственное обиталище актёрского гения. Психология была истолкована как профессиональный инструмент, подвластный настройке и регулированию, в зависимости от художественных целей спектакля. Былое театральное божество — актёр — предстал перед профессиональным взором в образе марионетки самой совершенной конструкции. От марионетки в художественных поисках новой эпохи требовалось абсолютное владение телом и полное послушание воле режиссёра.

Разумеется, актёры старой школы, воспитанные в культуре зрительского доверия к актёрской природе с её могучей стихийностью, гипнотизирующей энергией и эмоциональной заразительностью

Фото 1. В. Комиссаржевская в роли Дездемоны (1900 г.)

воспротивились «технологичному» подходу к их искусству. Историки театра неоднократно исследовали это интереснейшее и драматичное противостояние «актёрского» и «режиссёрского» театра в начале XX в., в котором то и дело возникали слова «кукла», «марионетка».

Противостояние особенно ярко проявилось в творческих конфликтах В. Комиссаржевской (фото 1) и Вс. Мейерхольда, К. Станиславского и Г. Крэга. Комиссаржевская, объясняя, почему она не хочет больше видеть Мейерхольда режиссёром её театра, писала 9 ноября 1907 г.: «Путь, ведущий к театру кукол, это путь, к которому Вы шли всё время, не считая таких постановок, в которых Вы соединили принципы театра «старого» с принципами театра марионеток... путь этот Ваш, но не мой» [2]. Крэг в том же 1907 г. в своей знаменитой статье [3] определил сущ-

ность актёра термином «сверхмарионетка», начав своё рассуждение с полемичного тезиса: «Актёрская игра — не искусство. Поэтому неправомерно говорить об актёре как о художнике». Несогласие между Крэгом и Станиславским яснее всего проявилось на практике во время репетиций «Гамлета» в Московском художественном театре (1911), в котором работу режиссёра и сценографа выполнял сам Крэг, а с артистами занимался Станиславский.

В подобных спорах, затрагивавших самую суть театра, выразилось поворотное для новейшей истории противостояние театральных поколений. В 1900-х представители «актёрского» театра Комиссаржевская и Станиславский принадлежали к поколению 40-летних, а режиссёры Мейерхольд и Крэг — к поколению 30-летних. Между ними, как оказалась, пролегла глубочайшая граница между старым и новым театром; за ней открывался путь к наиболее радикальным в истории театра экспериментам, к которым жадно устремилась набиравшая силу культура авангарда.

Восстановление вопроса о статусе актёрского искусства в современности

Идея первенства режиссёра, оформившаяся в театре благодаря Г. Крэгу, М. Рейнхарду, Вс. Мейерхольду (фото 2) и другим, по сей день сохраняет всеобщее значение. Сегодня тот, кто всерьёз вздумал бы доказывать превосходство «актёрского» театра (в старом смысле этого слова) над «режиссёрским», вызвал бы недоумение у большинства критиков. В самом деле, история последних десятилетий знает много красноречивых примеров, как театр с первоклассной актёрской труппой выходил из творческого кризиса лишь тогда, когда обретал своего режиссёра и художественного руководителя.

При этом ни стремительное восхождение «режиссёрского театра» в начале XX в., ни переосмысление творческой природы актёра не убрали с повестки дня

Фото 2. Вс. Мейерхольд в роли Ландовского в пьесе «Акробаты» Ф. фон Шентана (1903 г.)

в России профессиональных вопросов актёрского искусства. Наоборот, в театре и театральной школе их стали обсуждать ещё активнее, чем раньше.

Не случайно Система Станиславского — ровесник «режиссёрского театра». Система — наиболее внушительное в истории театра философское оформление концепции «актёра-творца», «актёра-художника»; она неизменно оставалась идейным центром русской актёрской школы в XX в. В 1970–1980-е гг. в России, хоть и с досадным опозданием, стали исследовать и применять идеи, находящиеся за пределами классической Системы: возобновились занятия по мейерхольдовской биомеханике [4], появились первые публикации об актёрских тренингах М. Чехова, за которыми последовало и первое русское издание его литературного наследия [5]. Всё это придавало новые импульсы дискуссиям об актёрском искусстве. Поэтому анализ актёрской игры в рецензии на спектакль и более крупные театро-

ведческие жанры — такие как «актёрский портрет», научно-популярная монография об актёре — оставались существенными чертами отечественного театроведения на протяжении XX в. [6].

Актёрское искусство лишь сравнительно недавно «выпало» из числа первых тем в науке о театре — и вовсе не потому, что оно будто бы пришло в упадок. Напротив, в России (особенно в крупных городах) сейчас очень высока профессиональная конкуренция актёров разного возраста, технически готовых к тому, чтобы играть в спектакле или фильме почти любой эстетики. Утверждения о том, что русская актёрская школа непригодна для современности, звучат не так уж часто и не имеют системного характера [7], ибо в прокат выходит всё больше спектаклей, в которых молодые режиссёры с успехом работают с актёрами разных поколений; а зарубежные коллеги, приезжающие на фестивали, неизменно испытывают восторг, видя на сцене высочай-

Фото 3. К.А. Райкин

ший профессиональный уровень русских актёров.

Театроведение перестало говорить о современных актёрских работах не от недостатка материала, а, наоборот, от его избытка. Важная причина здесь, думается, в том, что методика анализа актёрской работы, основанная на Системе Станиславского с её центральной идеей целесобразного и осмысленного человеческого поступка, перестала быть общепризнанной. Поэтому и выявление личного творческого вклада актёра в создание образа стало гораздо более затруднительным.

Таков двойной эффект крэговской идеи актёра-«сверхмарионетки». С одной стороны, она оказала плодотворное влияние на эстетику нового европейского театра, заново открывшего в XX в. маску, небытовой жест, пантомиму, эстетику так называемого физического театра и т.д. С другой стороны, эта же концепция неизбежно отвлекла теоретическую мысль от осмысления работы актёра в спектакле как личного, самостоятельного творчества.

Одновременно мы замечаем, что «актёрский» театр с его привычными (если угодно, старомодными) признаками сце-

нического существования нередко вызывает недоверие, притом не только у молодого поколения театралов [7]. Сегодня найдётся достаточно зрителей и критиков, которые предпочтут небольшой перформанс актёров-любителей, остроумно организованный и самоотверженно (хоть и не «мастерски») исполненный, многоактному костюмному спектаклю с участием народных и заслуженных артистов.

Это означает, на мой взгляд, что вопрос о статусе актёрского творчества в современном искусстве снова открыт. Вместе с ним заново поднимаются вековые вопросы об образе героя, о разнице между чувствами «современными» и «устаревшими», о соотношении «правды жизни» и «правды сцены», о современном смысле «магии» театра, о культурном статусе человека, выходящего на сцену, о соотношении интерпретации и созидательного творчества и т.д.

Особого внимания заслуживают театры, в творческой жизни которых описанные выше противоречия являются не сдерживающим фактором, а стимулом и материалом для развития. Такие театры принадлежат к сущностной части художествен-

ного процесса, ибо умение гармонизировать противоречия с глубокой древности признавалось важнейшей чертой театра как вида искусства. Именно таков Театр «Сатирикон» под руководством Константина Райкина (фото 3).

Четыре тезиса К.А. Райкина об актёрском искусстве

Творческие принципы, которым следует Райкин как артист, режиссёр и педагог, были сформированы им через осмысление статуса актёрской профессии в современном театре. Четыре из них, прямо относящиеся к обозначенным выше проблемам, сформулируем в виде тезисов [9]:

- 1) Для актёра любой школы сутью профессии является «трансформация», или, в терминах Станиславского, «перевоплощение»: искусство стать другим.
- 2) Творческое начало актёра-«марионетки» — или иначе, актёра-«маски», актёра-«лицедея» и т.д. — может быть верно понято в терминах Системы Станиславского, несмотря на то, что Систему зачастую ошибочно трактуют как свод эстетических норм натуралистического театра.
- 3) Психологическое, или «внутреннее», прочтение роли актёром не противоречит внешнему её освоению через пластический рисунок. В этом смысле актёр-«марионетка» или актёр, играющий не человека, не должен умалять в себе полноту душевной жизни или, тем более, отказываться от неё. Наоборот, объект неживой или нечеловеческой природы действует на сцене наиболее убедительно лишь тогда, когда наполняется осмысленностью и целесообразностью, которую может ему придать жизнь души, сообщаемая человеком-актёром.
- 4) Современная режиссура, сколь угодно радикальная, достигает наибольшего успеха тогда, когда в спектакле появляются выдающиеся актёрские работы, так что при творческом первенстве режиссёра процесс создания спекта-

кля любой эстетики требует от актёра не только подчинения и послушания, но и сотворчества.

Актёрская трансформация в спектаклях Театра «Сатирикон»

В подтверждение первого тезиса приведу слова Михаила Чехова, чью систему актёрских тренингов часто противопоставляют педагогическим методам Станиславского: «Способность полного перевоплощения всегда была для меня признаком таланта, дара Божия в актёре. Она в высшей степени свойственна русскому актёру. Но придёт время, когда и западный актёр поймет, как бедно живёт он на подмостках сцены, всю свою жизнь изображая самого себя. Скажут: а Чарли Чаплин? А Грок? Да, если вы обладаете их гением, если вы можете создать такой же фантастический образ, способный передавать всё бесконечное разнообразие человеческих переживаний, какой создали Грок или Чаплин, — играйте всю свою жизнь одно и то же, тогда хвала вам и честь, тогда никто не осудит вас» [10]. И ещё: «каждый подлинный артист, а тем более талантливый актёр, несёт в себе глубокое и подчас не до конца осознанное стремление к перевоплощению» [11].

В Театре «Сатирикон» — единственном из московских театров — актёрская трансформация является не просто профессиональным инструментом актёра, но постановочным приёмом, на котором строятся целые спектакли. Таков был «Квартет» по комедиям Мольера (1999) в постановке К. Райкина, в котором четыре актёра «Сатирикона» сыграли два десятка ролей, моментально меняя костюмы за ширмой; каждая перемена костюма влекла за собою «внутреннее перевоплощение» и изменение внешней манеры поведения. В 2016 г. К. Райкин ещё раз обратился к любимому драматургу Мольеру и поставил «Лекаря поневоле», в котором десять ролей были исполнены тремя молодыми арти-

Фото 4. Сцена из спектакля «Лекарь поневоле». Постановка К. Райкина.
Российский государственный театр «Сатирикон» им. Аркадия Райкина; премьера 22.06.2016 г.

стами — выпускниками Высшей школы сценических искусств (фото 4).

В начале XX в. эту древнюю технику молниеносной трансформации за ширмой (с использованием специальных костюмов, масок и париков) применяли разве что цирковые и эстрадные артисты, среди них — знаменитый итальянец Николо Луппо. В русский эстрадный театр её ввёл в 1940-е гг. А.И.Райкин и долгое время оставался единственным русским артистом, регулярно ею пользовавшимся. Теперь эта техника стала приметой сатириконовского стиля, а К.А.Райкин — режиссёром, в совершенстве ею владеющим.

Второй из обозначенных тезисов К.А.Райкин неоднократно пояснял в своих публичных лекциях в Высшей школе сценических искусств и за рубежом, например, в Шанхае во время недели университетских театров в ноябре 2016 г. Цель Системы Станиславского — научить актёра осмысленному и целесообразному

действию на сцене, в том числе (по Райкину) в самых невероятных предлагаемых обстоятельствах. Если в привычных трактовках Системы начальный этап обучения артиста посвящён теме «я в предлагаемых обстоятельствах», то согласно райкинскому методу молодого актёра надо сразу максимально удалять от простого «я-самочувствия» через погружение в «невероятные обстоятельства» (сон, немое кино, фантастические сюжеты) и через игру в другого (животные, неживые предметы, анимационные персонажи и т.д.).

Цель таких упражнений, практикуемых в Театральной школе Константина Райкина, — научить актёра наполнять своей душевной энергией любой предмет и любого героя, которого ему предстоит играть. В этом смысле персонаж-животное или персонаж-кукла тоже имеют осмысленность и целесообразность, которые актёру предстоит раскрыть через

Фото 5. Сцена из спектакля «Ричард III»; в роли Ричарда К. Райкин. Постановка Ю. Бутусова. Российский государственный театр «Сатирикон» им. Аркадия Райкина; премьера 26.02.2004 г.

традиционные для Системы стадии: предлагаемые обстоятельства, состояние, внимание, оценка, реакция, действие и т.д.

Отсюда становится ясной суть и третьего тезиса. Райкин как актёр в работе над ролью умеет идти от внешнего рисунка к внутреннему содержанию, и наоборот. Как режиссёр он понимает, что есть актёры, ищущие для себя осмысленность через рациональную мотивацию (которую чаще всего видят в Системе Станиславского), а есть те, для которых по природе ближе «интуитивно-моторная» убедительность формы, никак не связанная с рациональным обоснованием. Но и в том, и в другом случае осмысленность формы для актёра может быть развита психологически через поиск соответствующего душевного состояния героя, его настроения, оценки, реакций и пр.

Характерно, что две знаменитые роли К.А.Райкина 2000-х — Тодеро («Сеньор Тодеро хозяин» по К.Гольдони, постанов-

ка Р.Стуруа, 2002) и Ричард («Ричард III» по Шекспиру, постановка Ю.Бутусова, 2004) (фото 5) — имеют самый сложный пластический рисунок, и обе предполагают глубокий психологический план. В виртуозной импровизации, придуманной К.Райкиным в «Ричарде III», в которой Ричард примеривает своё уродливое, горбатое тело к разным королевским тронам, хорошо видно, как герой, пришедший к власти и славе, страдает от своего уродства: Райкин легко, не произнося ни слова, переключает регистр зрительского внимания от фарсовой эксцентрики к трагедии.

Сеньор Тодеро — роль, решённая в стилистике гротеска. Мейерхольд точно определил для актёра гротеск как «соединение несоединимого». В Сеньоре Тодеро (фото 6) соединились бурная, яростная натура, побуждающая к непрерывной деятельности, со столетним, немощным телом, у которого левая рука

Фото 6. Сцена из спектакля «Сеньор Тодеро хозяин»; в роли Тодеро К. Райкин. Постановка Р. Стуруа. Российский государственный театр «Сатирикон» им. Аркадия Райкина; премьера 15.03.2002 г.

странным образом живёт самостоятельной жизнью и по собственным правилам, то и дело затрудняя самые простые бытовые действия героя. Райкин явил в Тодеро и другое гротескное соединение: с одной стороны, злобная, демоническая душа, заставляющая совершать мелкие и крупные злодеяния по отношению к домочадцам (это вызывает у зрителя негодование); с другой стороны – виртуозная телесная эксцентрика, позволяющая выбраться из нелепых физических положений, на которые обрекает его немощное тело (это вызывает у зрителя смех, восторг и симпатию). В столь ярком гротескном образе Райкин нашёл место психологической игре. Он выстроил душевную жизнь

Синьора Тодеро по правилам сквозного действия: от яростной конфликтности, заставляющей его жить мелкой, беспокойной, никчёмной жизнью и не любить себя, – к примирению с семьёй, умиротворённому приятию жизни и спокойной смерти в финале.

Теперь легко объясняется и четвёртый райкинский тезис: о том, что один из критериев успешной режиссуры – выдающиеся актёрские работы в спектакле. Сколь бы формальным, сколь бы парадоксальным ни было пластическое решение спектакля, актёр делает его живым через своё душевное участие. При этом технический инструмент актёра должен быть совершенным, чтобы он не сдерживал освоение образа «в глубину», и это освоение может быть бесконечным. По таким принципам построены спектакли режиссёра К. Райкина, в которых имеются яркие, порой парадоксальные постановочные приёмы: «Синее чудовище» по К. Гоцци, поставленное в жанре циркового шоу (2008); или «Тополя и ветер» по Ж. Сиблейрасу (2009), где роли трёх стариков отданы молодым

артистам; или спектакль «Все оттенки голубого» по В. Зайцеву (2014), в основе которого лежит полистилистика, потребовавшая от актёров умения моментально «переключать» жанры: от интервью и документального театра – к фарсу и сценам из снов, затем к остропсихологической драме с признаками трагедии.

Стремление гармонизировать противоположные, часто конфликтующие аспекты театрального процесса; умение отдавать первенство актёрскому искусству даже в спектаклях с избыточным режиссёрским решением; уникальный актёрский и педагогический материал, накопленный в самых разных театральных жанрах; обращение к древнейшим истокам актёр-

ской профессии для решения актуальных театральных задач — всё это превращает Театр «Сатирикон» в важнейший предмет научного изучения в связи с анализом художественной системы, складывающейся в современном театре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср.: Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М., 2015. С. 334–336.
2. Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской / Под ред. Е.П. Карпова. СПб., 1911. С. 241.
3. Крэг Э.Г. Актёр и сверхмарионетка // Крэг Э.Г. Воспоминания, статьи, письма. М., 1988.
4. Ср.: Трубочкин Д., Карпов Н. Биомеханика — историческое наследие или живая школа? // Вопросы театра. № 1–2. 2012. С. 222–228.
5. Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. М., 1986.
6. Примером могут послужить работы известнейшего театроведа В.А. Максимовой, сделавшей искусство актёра своей главной темой. См.: Максимова В. Театра радостные тени. Актёрские портреты. Биографии актёров. Эссе. Диалоги с актёрами. СПб., 2006; Максимова В. И это всё о нём. Юрий Соломин. М., 2013; Максимова В. Люблю. Юля. М., 2018.
7. См., напр.: Константин Богомолов: 10 мыслей о современном театре // <https://www.m24.ru/articles> (дата обращения: 15.06.2016).
8. Признаки старомодной игры легко узнаваемы, но говорить о них следует с осторожностью, ибо здесь речь идёт не о ясных критериях, а скорее о нюансах: это подчинённость различных линий поведения на сцене одной и той же схеме развития (завязка — кульминация — развязка); желание даже в маленькой роли найти эмоциональные кульминации через откровенное переживание сильных чувств; навязчивое стремление эмоционально «воодушевить» и «потрясти» зрителей; порою склонность использовать авторитет собственной актёрской славы, чтобы вызвать аплодисменты и т.д., и т.д. Они становились предметом критического анализа — то серьёзного, то насмешливого — у самых разных режиссёров и теоретиков театра, начиная со Станиславского. Парадокс заключается в том, что современные критики старомодной актёрской манеры любят вменять её в вину Станиславскому, который как раз выступал против неё.
9. Материалом для тезисов являются беседы и интервью, данные К.А. Райкиным автору этой статьи, его публичные лекции и выступления.
10. Чехов М.А. Жизнь и встречи // Чехов М.А. Литературное наследие. Т. 1. М., 1995. С. 233.
11. Чехов М.А. Характер и характерность // Чехов М.А. Литературное наследие. Т. 2. М., 1995. С. 301.

ENGLISH

Satirikon Theater and the Modern Status of Acting: Problem Definition

Dmitry Vladimirovich Trubochkin — Dr. Sc. of Art History, head of the sector of classical Western art, the State Institute for Art Studies, vice principal, the Higher School of Acting Arts, supervisor of the project “Search for a Modern Style in the Theater at the Turn of the 20th and the 21st Centuries. Exemplified by Satirikon Theater named after A.I. Raikin” (17-04-50041a).

E-mail: trubochkin@mail.ru

The paper defines the problem and outlines approaches to the study of the status of acting in the system of modern theater. Actors have occupied an indisputable preeminent position

in the theater since the antiquity until the turn of the 19th–20th centuries, when director's theater emerged in the avant-garde tradition and there was confrontation between the old and new artistic systems ("actor's" and "director's" theater), which today shapes the dynamics of the theatrical process. The experience of the Satirikon Theater and its director K. Raikin, which eagerly apply the actor's transformation in their performances, is considered essential for determining the essence of contemporary understanding of acting. This experience is summarized in several theses, confirmed by examples from the performances of Satirikon of the 2000s.

Keywords: stage history, acting art, acting transformation, modern theater, Satirikon, Konstantin Raikin

REFERENCES

1. Sr.: Fisher-Likhte E. Estetika performativnosti. M., 2015. S. 334–336 (in Russian).
2. Sbornik pamyati V.F. Komissarzhevskoy / Pod red. E.P. Karpova. SPb., 1911. S. 241 (in Russian).
3. Kreg E.G. Aktyor i sverkhmarionetka // Kreg E.G. Vospominaniya, stat'i, pis'ma. M., 1988 (in Russian).
4. Sr.: Trubochkin D., Karpov N. Biomekhanika – istoricheskoe nasledie ili zhivaya shkola? // Voprosy teatra. № 1–2. 2012. S. 222–228 (in Russian).
5. Chekhov M. Literaturnoe nasledie: V 2 t. M., 1986 (in Russian).
6. Primerom mogut posluzhit' raboty izvestneyshego teatroveda V.A. Maksimovoy, sdelavshey iskusstvo aktyora svoey glavnoy temoy. Sm.: Maksimova V. Teatra radostnye teni. Aktyorskie portrety. Biografii aktyorov. Esse. Dialogi s aktyorami. SPb., 2006; Maksimova V. I eto vsyo o nyom. Yuriy Solomin. M., 2013; Maksimova V. Lyublyu. Yulya. M., 2018 (in Russian).
7. Sm., napr.: Konstantin Bogomolov: 10 mysley o sovremennom teatre // <https://www.m24.ru/articles> (data obrashcheniya: 15.06.2016) (in Russian).
8. Priznaki staromodnoy igry legko uznavaemy, no govorit' o nikh sleduet s ostorozhnost'yu, ibo zdes' rech' idyot ne o yasnykh kriteriyakh, a skoree o nyuansakh: eto podchinyonnost' razlichnykh liniy povedeniya na stsene odnoy i toy zhe skheme razvitiya (zavyazka – kul'minatsiya – razvyazka); zhelanie dazhe v malen'koy roli nayti emotsional'nye kul'minatsii cherez otkrovennoe perezhivanie sil'nykh chuvstv; navyazchivoe stremlenie emotsional'no «voodu-shevit'» i «potryasti» zriteley; poroyu sklonnost' ispol'zovat' avtoritet sobstvennoy aktyorskoy slavy, chtoby vyzvat' aplodismenty i t.d., i t.d. Oni stanovilis' predmetom kriticheskogo analiza – to ser'yoznogo, to nasmeshlivogo – u samykh raznykh rezhissyorov i teoretikov teatra, nachinaya so Stanislavskogo. Paradoks zaklyuchaetsya v tom, chtto sovremennye kritiki staromodnoy aktyorskoy manery lyubyat vmenyat' eyo v vinu Stanislavskomu, kotoryy kak raz vystupal protiv neyo (in Russian).
9. Materialom dlya tezisov yavlyayutsya besedy i interv'yu, dannye K.A. Raykinym avtoru etoy stat'i, ego publichnye lektsii i vystupleniya (in Russian).
10. Chekhov M.A. Zhizn' i vstrechi // Chekhov M.A. Literaturnoe nasledie. T. 1. M., 1995. S. 233 (in Russian).
11. Chekhov M.A. Kharakter i kharakternost' // Chekhov M.A. Literaturnoe nasledie. T. 2. M., 1995. S. 301 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

**В.В. ГРИЦЕНКО, Ю.В. БРАЖНИК,
М.Н. ЕФРЕМЕНКОВА, А.П. КАТРОВСКИЙ,
Ю.В. КОВАЛЁВА, Н.В. МУРАЩЕНКОВА,
Т.Н. СМОТРОВА***

Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России

В статье представлены результаты эмпирического исследования мигрантов, получивших статус участника Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Установлены ценностно-мотивационные основания принятия решения соотечественниками и членами их семей о переселении в Россию. Выявлены универсальные и специфические закономерности социально-психологической адаптации данной категории мигрантов в принимающем социуме в зависимости от добровольности/вынужденности их переселения. Определена система факторов, способствующих успешности социально-психологической адаптации соотечественников в новой среде.

Среди этнокультурных и социально-психологических факторов — культурно-ценностная близость соотечественников и принимающего населения, позитивный образ России и страны исхода, позитивная социальная (этническая) идентичность, актуализа-

* **Гриценко Валентина Васильевна** — доктор психологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, руководитель проекта «Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России» (15-06-10188а).

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Бражник Юлия Владимировна — кандидат психологических наук, ведущий специалист отдела клиентского сервиса Смоленского филиала ПАО «Ростелеком», исполнитель того же проекта.

E-mail: yliabr@yandex.ru

Ефременкова Мария Николаевна — начальник лаборатории психофизиологического обеспечения НУЗ Отделенческая больница на ст. Смоленск ОАО РЖД, исполнитель того же проекта.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Катровский Александр Петрович — доктор географических наук, профессор Смоленского государственного университета (СмоГУ), исполнитель того же проекта.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Ковалёва Юлия Викторовна — кандидат психологических наук, доцент СмоГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: kovaleva_yv@mail.ru

Муращенко Надежда Викторовна — кандидат психологических наук, доцент СмоГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: muraschenkova.n@yandex.ru

Смотрова Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент СмоГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: tat-smotrova@yandex.ru

ция установок на взаимодействие с новым окружением. Среди общественно-географических факторов – удовлетворённость климатическими и экологическими условиями мест поселения, их территориальная близость к инфраструктуре районного, областного, столичного центров.

Доказано системно-определяющее влияние на успешность адаптации индивидуально-личностных факторов, таких как осознание личной ответственности за сделанный выбор, способность воспринимать свою жизнь как имеющую смысл и значение, открытый характер коммуникаций; значимость ценностей «Открытости изменениям» и «Самопреодоления», преимущественное использование конструктивных проблемно-разрешающих и эмоционально-ориентированных копинг-стратегий, ярко выраженное стремление к профессиональной и социальной самореализации.

Ключевые слова: миграция, репатриация, добровольные мигранты, вынужденные мигранты, соотечественники, социально-психологическая адаптация, факторы адаптации, предикторы, миграционные ожидания, ценности, осмысленность жизни, этническая идентичность, копинг-стратегии, стремление к самореализации, принимающее население

Проблемы, связанные с миграцией населения, всегда были актуальны для Российской Федерации. В последние годы активизировался интерес к изучению адаптации мигрантов, участвующих в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [1]. Заметим, что к соотечественникам, наряду с обладателями российского гражданства, относятся бывшие граждане СССР, в настоящий момент проживающие на территориях республик, входивших в его состав, и обладающие соответствующим гражданством или лишённые какого-либо подданства; российские эмигранты, являющиеся иностранными подданными; носители русского языка и блюстители соответствующей культуры, чьи прямые предки проживали на территории современной России, а также представители народностей или этнических групп, исторически проживавших в пределах современной территории Российской Федерации [2].

Согласно основному принципу Госпрограммы, «воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком, соотечественники в наи-

большей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества» [1]. Однако, как показывают наши предыдущие исследования, процесс адаптации мигрантов к новой, пусть даже близкородственной, среде протекает не всегда безболезненно и зависит от влияния целого ряда как универсальных, так и специфических факторов [3–5].

Исследование было нацелено на выявление закономерностей, взаимосвязей этнокультурных, общественно-географических, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов и системного их влияния на успешность социально-психологической адаптации мигрантов, получивших статус участника Госпрограммы «Соотечественники».

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование опиралось на интегративное сочетание трёх научных подходов:

- гуманистического подхода, рассматривающего миграцию как потенциальное условие для личностного и профессионального роста, самоактуализации и, тем самым, для развития определённых личностных харак-

теристик, способствующих адаптации вернувшихся на историческую родину соотечественников;

- когнитивно-мотивационного подхода, согласно которому травмирующие личность ситуации подвергаются сначала эмоциональной, а затем когнитивной оценке, выделяются сильные и слабые стороны ситуации, её смысл и значение;
- системного подхода, позволяющего раскрыть диалектику взаимосвязи различных структурных компонентов адаптации, выполнения ими ведущей или подчинённой роли в зависимости от стадии протекания процесса адаптации и обосновать координирующую роль ценностно-смысловых характеристик личности в достижении значимых для субъекта целей.

С позиций данных подходов, адаптация в широком смысле понимается как взаимодействие индивида и среды, при котором происходит согласование их структур, функций и поведения. В узком, социально-психологическом, значении адаптация – это процесс вхождения личности в малую группу, усвоение ею сложившихся ценностей, норм и правил, занятие определённого места в структуре межличностных отношений [7].

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования явились данные социально-психологического опроса. Для его проведения мы разработали авторскую анкету, вопросы которой были направлены на выяснение мотивов принятия соотечественниками решения о переезде, оценки общей жизненной ситуации, поведенческих реакций на возможные конфликтные ситуации, условий, препятствующих/способствующих вхождению их в новое сообщество [7].

Наряду с анкетой методический инструментарий включал батарею психодиагностических методик: модифицированный вариант методики Катца и Брели [8]

для изучения авто- и гетеростереотипов соотечественников; методику «Культурно-ценностный дифференциал Г.У.Солдатовой, И.М.Кузнецова и С.В.Рыжовой [9] для выяснения близости ценностных структур сознания соотечественников и населения принимающих территорий; методику диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И.Вассермана [10, 11]; опросник ценностей Ш.Шварца на индивидуально-реализуемом уровне [12]; тест смысложизненных ориентаций [13]; опросник копинг-стратегий Р.Лазаруса и С.Фолкмана [14].

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 228 человек (107 мужчин и 121 женщина в возрасте от 17 до 63 лет, разделённые на две группы). В первую группу вошли соотечественники из Донецкой и Луганской областей Украины (112 человек), вынужденно переселившиеся в Россию из-за военных действий на их территории. Вторая группа – это соотечественники из других стран (Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), включающая 116 человек, переезд которых носил более добровольный характер.

Основные эмпирические результаты

1. Миграционные ожидания полностью или скорее оправдались у 65,35%, частично – у 28,51% и не оправдались у 6,14% опрошенных репатриантов. Соотечественники в той или иной степени реалистично представляли и оценивали условия, преимущества и ограничения предстоящей миграции. В то же время выходцы из Украины, по сравнению с выходцами из других стран, склонны чаще ориентироваться и надеяться на получение помощи и поддержки извне, нежели на собственные силы и ресурсы. Они в большей степени, по сравнению с другими соотечественниками, нуждаются в информации и помощи в трудоустройстве

и приобретении жилья (45,54% против 32,76%, $\varphi^*_{эмп} = 1,97$, $p < 0,05$), считают необходимым добиваться компенсационных выплат от правительства покидаемой страны (соответственно 17,86 и 9,48%), более чётко представляют, какие виды помощи и поддержки от принимающего государства были бы им полезны в процессе адаптации в России. К таким формам помощи и мерам, способствующим их успешной адаптации, соотечественники из Украины отнесли упрощение процедуры получения гражданства, помощь в оформлении документов и уменьшение их стоимости, устранение коррупции, налаживание человеческого, а не бюрократического отношения к мигрантам, получение возможности учиться с последующим трудоустройством.

2. В ходе адаптации (табл. 1) большинство исследуемых соотечественников (81,1%) реализуют стратегию интеграции как наиболее успешную стратегию адаптации в новой социокультурной среде [15].

Чуть больше, чем каждый десятый соотечественник (11,4%) проявляет стратегию ассимиляции и активно стремится принять нормы и ценности российского общества, отвергая наличие у себя культурных заимствований от тех народов, в среде которых он длительное время проживал до переезда в Россию. У каждого 14-го репатрианта (7,1%) чётко проявилась установка на сепарацию,

т.е. на сохранение своего культурного своеобразия и изоляцию от местного населения. Наличие данной установки может выступать источником для поддержания позитивной групповой идентичности и на первых порах облегчать процесс адаптации, но в дальнейшем, в сочетании с отсутствием стремления к налаживанию широких взаимоотношений с коренным населением, неизбежно приведёт к дезадаптации данной группы репатриантов и, возможно, к возвратной миграции.

3. В представлениях соотечественников о самих себе (автостереотипы) отмечается явное доминирование позитивных черт и характеристик (83% от общего количества описаний) над негативными и нейтральными (соответственно 6% и 11%). Преобладание положительной ингрупповой самооценки — это яркое подтверждение того, что у исследуемых нами соотечественников развито чувство «мы» и выражено стремление к сохранению своей группы как целостного и самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия. В представлениях репатриантов о коренных жителях (гетеростереотипы) также преобладают, пусть и в меньшей степени, по сравнению с автостереотипами, позитивные черты и характеристики (74%). Данный факт свидетельствует об отсутствии активизации такого механизма психологической за-

Таблица 1

Выбор соотечественниками стратегии адаптации

Стратегия адаптации		Установка на сохранение заимствований от культуры тех народов, в среде которых жили до переезда в Россию			
		Да		Нет	
Установка на укрепление и расширение взаимоотношений с принимающим населением России	Да	185 чел.	81,1%	26 чел.	11,4%
		интеграция		ассимиляция	
	Нет	16 чел.	7,1%	1 чел.	0,4%
		сепарация		маргинализация	

щиты, как внешнегрупповая контрсуггестия, и о стремлении к сближению с принимающим населением.

4. При сравнении образа России и страны, в которой соотечественники жили до переезда в Россию, фиксируется, что репатрианты воспринимают Россию как историческую родину предков (37,3%); особую страну с очень ярким своеобразием (30,2%); страну, близкую сердцу (24,1%); сильное государство, способное защитить своих граждан в трудных жизненных ситуациях (22,8%). Страна предыдущего места проживания видится соотечественникам настоящей Родиной (46,0%); исторической родиной своих предков (29,8%); отчим домом, куда можно вернуться (15,3%); страной, близкой сердцу (14,9%). Другими словами, наличие положительного отношения как к России – принимающей стране, так и стране исхода, как было показано в наших предыдущих исследованиях, благоприятно влияет на адаптационные процессы репатриантов [15].
5. В культурно-ценностной структуре сознания соотечественников и коренных жителей обнаружена общая основа в четырёх сферах жизненной активности: «ориентация на группу/ориентация на себя», «ориентация на изменения/сопротивление изменениям», «ориентация друг на друга» и «ориентация на власть». Так, в представлениях соотечественников о себе и о коренных жителях выявлено сходство в ориентациях на группу. И соотечественники, и местные жители, по мнению самих соотечественников, ориентируются на внутригрупповую поддержку и помощь (67% и 57% соответственно, различия статистически не значимы).

В то же время соотечественники при решении своих проблем склонны чаще, по сравнению с коренными жителями, «рассчитывать на себя, чем на других» (72% против 49%, различия значимы по критерию Фишера $\varphi^* = 3,36$ при

$p \leq 0,01$), тем самым демонстрируя большую ориентацию на себя, чем на группу. Подобное стремление, на наш взгляд, свидетельствует о том, что эти люди не будут слепо подчиняться групповому поведению и следовать за большинством в ситуациях конфликтного взаимодействия. Этот факт является важной психологической основой для межгруппового баланса, особенно в районах с высокой плотностью проживания мигрантов.

Неопределённость положения переселенцев, особенно из Украины, обусловила неоднозначность их отношения к перемещению. С одной стороны, репатрианты отмечают у себя наличие большей открытости (74%) и более высокий уровень склонности к риску (71%), по сравнению с коренными жителями (соответственно 39% и 42%; $\varphi^* = 3,53$ и $\varphi^* = 3,47$ при $p \leq 0,01$), что, вероятно, является отражением специфики их личности. А с другой стороны, обнаруживают у себя высокую степень ориентации на осторожное поведение (73% против 51%; ($\varphi^* = 2,73$ при $p \leq 0,01$), что, скорее всего, обусловлено действием ситуативного, нежели индивидуально-личностного фактора.

Имеются также совпадения в представлениях соотечественников о себе и о коренных жителях в ситуациях взаимодействия. При этом соотечественники на уровне перцепции более настроены на взаимодействие (72% против 41%; $\varphi^* = 2,88$ при $p \leq 0,01$). Поскольку от самих репатриантов в значительной степени будет зависеть успешное развитие межгрупповых отношений, их более высокий настрой на взаимодействие является весьма положительным фактором.

Настораживает только один факт: переоценка соотечественниками своего вклада в налаживание доброжелательных отношений с коренным населением и недооценка ими подобных усилий со стороны коренных жителей. Подобное рассогласование в случае возникновения конфликтов и разногласий между

приезжим и местным населением чревато переключением со стороны соотечественников большей ответственности за происходящее на коренных жителей.

По измерению «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» соотечественники, по сравнению с оценкой ими коренных жителей, себя оценивают как более дисциплинированных (72% против 32% $\varphi^* = 3,48$ при $p \leq 0,01$) и законопослушных (81% против 61% $\varphi^* = 2,76$ при $p \leq 0,01$) граждан, что при взаимодействии с другими людьми может иметь положительный эффект. Иными словами, несмотря на имеющиеся в представлениях соотечественников различия в ценностных ориентациях между ними и коренными жителями на групповом уровне, можно смело утверждать, что наличие культурно-психологической близости двух контактирующих сообществ является основой для понимания и обоюдного согласия, для развития интеграционных тенденций между репатриантами и принимающим населением.

6. В ценностной структуре личности репатриантов на индивидуальном уровне выявлены как сходства, так и различия, в зависимости от степени вынужденности/добровольности их возвращения на историческую родину (табл. 2).

Сходство ценностных структур соотечественников из Украины, в большинстве своём вынужденно покинувших территорию прежнего места проживания, и соотечественников из других постсоветских

государств, переезд которых в Российскую Федерацию носил более добровольный характер, наблюдается в равной степени значимости для них ценностей «Сохранение» и Самопреодоление». Все соотечественники высоко оценили значимость для себя ценностей «Открытость изменениям» и «Самопреодоление», имеющих как личностную, так и социальную направленность. В совокупности обе группы ценностей выражают рост и развитие мигрантов и мотивируют их в ситуации, когда они не испытывают беспокойства (тревоги). Различия состоят в меньшей выраженности ценностей «Открытость изменениям» и «Самоутверждение» у соотечественников из Украины, по сравнению с соотечественниками из других постсоветских государств.

7. Анализ степени удовлетворённости соотечественников условиями географической среды места жительства до и после переезда в Россию выявил, что среди компонентов географической среды только экологические условия нового места жительства в Смоленской и Саратовской областях были оценены соотечественниками выше, чем в предыдущих местах жительства (табл. 3). Особенно значимыми оказались различия в оценке экологии нынешнего и прежнего места жительства для выходцев из Луганской и Донецкой областей Украины, что вполне объяснимо, учитывая меньший уровень индустриального развития Смоленской

Таблица 2

Среднегрупповые показатели метаценностей соотечественников из Украины и соотечественников из других стран

Метаценности	Мигранты из Украины	Мигранты из других стран
Сохранение	2,601	2,570
Самопреодоление	2,674	2,690
Открытость изменениям	2,543*	2,727*
Самоутверждение	2,049*	2,296*

* Звёздочкой отмечены показатели, в оценке которых между группами обнаружены статистически достоверные различия по U-критерию Манна-Уитни при $p < 0,05$.

Таблица 3

Удовлетворённость соотечественников условиями географической среды места жительства (среднегрупповые значения)

Удовлетворённость	Смоленская область		Саратовская область	
	До миграции	На момент исследования	До миграции	На момент исследования
климатом	1,9**	2,18**	1,33*	1,79*
экологическими условиями	2,20**	1,9**	2,08*	1,54*
территориальной доступностью к инфраструктуре столичного центра	1,85*	2,05*	1,58**	2,50**
территориальной доступностью к инфраструктуре областного центра	1,8***	2,16***	1,41***	2,54***
территориальной доступностью к инфраструктуре районного центра	1,68**	1,91**	1,16*	1,66*

Примечание: * — различия статистически значимы по t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$; ** — различия значимы при $p < 0,01$; *** — различия значимы при $p < 0,001$. Оценка производилась по четырёхбалльной шкале, максимальной удовлетворённости соответствовало значение 4, минимальной — 1.

и Саратовской областей по сравнению с Донбассом, а значит и меньшую степень вмешательства человека в нарушение равновесия экологических систем.

В то же время соотечественники — независимо от региона исхода, от степени вынужденности/добровольности переселения — более высоко оценили климатические условия, транспортную доступность инфраструктуры столичного, областного и регионального центров мест своего предыдущего местожительства. Более высокие оценки географической среды прежнего места жительства объясняются различиями в типе поселений регионов исхода и вселения. Участвующие в Программе соотечественники — это в большинстве своём бывшие городские жители со специфическим для города образовательным и профессиональным составом, а в соответствии с условиями Госпрограммы они вынуждены жить в сельской местности. Однако расселение мигрантов из высокоурбанизированных регионов в сельскую местность чревато возникновением различного рода трудностей их адаптации, и, как правило, бывает неэффективным. Кроме того, такие

характеристики географического положения Смоленской области, как транзитность и соседство (пристоличность, приграничность и др.), которые в условиях неудовлетворённости соотечественников географическими условиями места вселения, а значит отсутствия желания закрепиться в данной местности, могут выступить дополнительными факторами, толкающими соотечественников к повторной миграции, теперь уже в пределах Российской Федерации.

8. Для мигрантов в целом характерен пониженный и низкий уровень социальной неудовлетворённости (от 1,0 до 1,9 баллов). В то же время у значительной части соотечественников возникает состояние так называемой социальной фрустрированности, т.е. психического напряжения, обусловленного неудовлетворённостью личности своим положением в обществе и своими достижениями в определённых сферах жизнедеятельности. Наибольшую неудовлетворённость испытывают соотечественники в такой социально заданной иерархии, как «социальный статус» (2,12 балла из 4) и «социально-экономическое положение» (2,23), что

является показателем высокой субъективной значимости данных аспектов жизни в сегодняшних условиях их существования.

9. Исследуемые нами соотечественники считают, что они контролируют свою жизнь, свободно принимают решения и реализуют их. При этом репатрианты из Украины, переселившиеся в РФ из зоны военных действий, менее уверены в том, что они несут ответственность за происходящие в их жизни события (5,02 против 5,40 баллов у соотечественников из других стран, $p < 0,05$). Что вполне объяснимо, так как решение о переезде было принято ими не только в результате внутреннего индивидуального выбора, но и под давлением внешних сил и обстоятельств.

Свою жизнь соотечественники считают интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом (4,16 балла из 7). В то же время прожитые дни кажутся им похожими на все другие (3,26 балла). Наличие данного противоречия в оценке содержательной насыщенности собственной жизни объясняется тем, что исследуемые нами репатрианты, как правило, бывшие горожане, вынуждены размещаться в сёлах или посёлках городского типа, определяемых региональными Госпрограммами в качестве территорий приоритетного заселения для соотечественников.

Осознание ими социокультурных различий между городским и сельским образом жизни снижает восприятие насыщенности их жизни. Иными словами, соотечественники ориентированы на жизнь в России, готовы брать ответственность за свои поступки, что может выступать показателем благоприятного прогноза для успешности адаптации их в условиях возвращения на историческую родину. В то же время испытываемое репатриантами чувство неудовлетворённости настоящей жизнью свидетельствует о наличии определённых трудностей в их адаптации на новом месте. Не исключено,

что одним из способов преодоления этих трудностей может стать так называемая повторная миграция из села в город, уже в пределах Российской Федерации.

10. Основная масса соотечественников при решении проблем, возникающих на новом месте жительства, в первую очередь, надеется на собственные ресурсы, поддержку семьи и близких. Кроме того, каждый 8-ой репатриант (12,5%) из Украины и каждый 23-й (4,34%) – из других постсоветских государств надеется также на административные ресурсы принимающей стороны. Подобное положение дел, с одной стороны, может свидетельствовать о выраженности неких экстернальных тенденций в поведении части исследуемых соотечественников, в перекладывании ответственности за свою жизнь и свои проблемы на других. Но, с другой стороны, оно демонстрирует важность получения необходимой информации, соответствующей поддержки и сопровождения репатриантов по мере их вхождения в российский социум.
11. Совладающий репертуар личности, т.е. диапазон разнообразия копинг-стратегий, которые соотечественники используют для преодоления возникших трудностей, весьма широк как с точки зрения их модальности, т.е. психологической сферы, с которой соотносится стратегия (когнитивная, эмоциональная, поведенческая), так и с точки зрения их адаптивности (адаптивный, относительно адаптивный и неадаптивный копинг) (табл. 4). В разряд повышенного копинга для всей группы мигрантов вошли такие активные проблемно-разрешающие копинг-стратегии, как «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности» и «планирование решения проблемы».
12. Изучение психологических детерминант успешности адаптации подтвердило тот факт, что ценности, смысло-

Таблица 4

**Выраженность копинг-стратегий, реализуемых соотечественниками-переселенцами
в условиях возвращения на историческую родину**

№	Копинг-стратегии	Среднегрупповые значения, в %
1	Конфронтация	50,55
2	Дистанцирование	56,57
3	Самоконтроль	52,56
4	Поиск социальной поддержки	60,42*
5	Принятие ответственности	61,12*
6	Бегство, избегание	48,45
7	Планирование решения проблемы	61,41*
8	Положительная переоценка	53,84

* Звездочкой помечены среднегрупповые значения, отнесённые в разряд повышенного копинга.

жизненные ориентации, копинг-стратегии, удовлетворённость мигрантов различными сторонами жизни как на этапе принятия решения, так и на этапе встречи с новыми условиями способны влиять на успешность их адаптации. В то же время специфика и объективные условия миграции оказывают влияние на характер психологических детерминант успешности адаптации переселенцев. Так, объективная вынужденность, скоропалительность отъезда соотечественников из Украины в условиях военного конфликта, желание сохранить свою жизнь и жизнь своих близких во многом определили характер предикторов их адаптации. Значимыми среди них стали потребности в стабильности, определённости, безопасности ($\beta = 0,903$), удовлетворённость психоэмоциональным состоянием ($\beta = 0,693$), материальным ($\beta = 0,467$) и семейным ($\beta = 0,489$) положением ($F = 2,807$, $R^2_{adj} = 0,387$, $p = 0,009$) наряду с выраженными потребностями в лидерстве и аффилиации ($\beta = 0,290$), а также характерным способом преодоления трудностей, проявляющимся в положительном переосмыслении проблем и рассмотре-

нии их как стимула для личностного роста ($\beta = 0,320$) ($F = 3,280$, $R^2_{adj} = 0,059$, $p = 0,024$).

Детерминантами успешной адаптации мигрантов из других стран явились выраженные потребности в профессиональной самореализации ($\beta = 0,620$) ($F = 3,517$, $R^2_{adj} = 0,239$, $p = 0,033$) и самостоятельности действий ($\beta = 0,440$) ($F = 2,366$, $R^2_{adj} = 0,079$, $p = 0,028$), удовлетворённость собственным образованием ($\beta = 0,899$) и жилищно-бытовыми условиями ($\beta = 0,491$), позитивная оценка наполненности своей жизни ($\beta = 0,265$), конструктивный аналитический подход к решению проблемных ситуаций ($\beta = 0,310$) ($F = 4,672$, $R^2_{adj} = 0,062$, $p = 0,011$). Другими словами, если доминирующим фактором благополучия мигрантов из Украины является в первую очередь удовлетворённость уровнем собственной личной безопасности, то для соотечественников из других стран таковым фактором является, скорее, возможность изменения собственной жизни в профессиональной и коммуникативной сферах.

Заключение

Опираясь на результаты эмпирического исследования и учитывая выделенные социально-психологические проблемы сре-

ди определённой части соотечественников, мы разработали Комплексную программу «Психологическая поддержка соотечественников из стран ближнего зарубежья в России». Её основным содержанием является повышение уровня психологической осведомлённости и осознания имеющихся проблем, формирование позитивного отношения к себе и доверия к миру, развитие коммуникативной и социальной компетентности, осознание механизмов формирования собственного поведения и принятие ответственности за свою жизнь, коррекция психоэмоционального состояния соотечественников и овладение навыками конструктивного копинг-поведения.

Для органов государственной власти были предложены рекомендации по стратегическому управлению миграционными процессами и решению задач оптимизации миграционной политики. В них подчеркивается, что эффективность миграционной политики, на-

правленной на привлечение населения, определяется не числом прибывших, а их закреплением и приживаемостью, что требует пересмотра миграционной политики в сторону предоставления соотечественникам свободы выбора места для своего постоянного проживания. Второй не менее важной стратегической задачей в этом направлении является проведение политики, направленной на пространственное социальное выравнивание, снижение неравенств в социальном развитии регионов различного уровня.

Только при уважении прав и свобод личности (включая право на свободу передвижения и выбор места проживания), а также при одобрении социальной активности и поддержании статуса гражданской ответственности эти люди почувствуют себя востребованными и полезными вновь обретенной родине, а значит, станут «не чужими», а «своими» среди «своих», на родной земле, в своём Отечестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88 (дата обращения: 20.06.2018).
2. Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 20.06.2018).
3. Гриценко В.В. Стремление к самоактуализации как важнейшее условие адаптации вынужденных переселенцев // Психология на рубеже веков: наука, практика, преподавание: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 236–238.
4. Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Смотрова Т.Н. Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки. Смоленск: СГУ, 2014.
5. Гриценко В.В., Смотрова Т.Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество. Смоленск: Универсум, 2008.
6. Гриценко В.В., Смотрова Т.Н. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации соотечественников в России // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 15–19 октября 2015 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 22–26.

7. Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Бражник Ю.В. Изучение социально-психологической адаптации соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья в Россию: научно-методический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. Вып. 1 (17). С. 39–45.
8. Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.
9. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998.
10. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
11. Вассерман Л.И. Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обозрение Института психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
12. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
13. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006.
14. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
15. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An international review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.

ENGLISH

**Friends or Foes: Social and Psychological Adaptation
of Fellow Nationals in Russia**

Valentina Vasilyevna Gritsenko – Dr. Sc. of Psychology, professor, Moscow State University of Psychology and Education, supervisor of the project “Friends or Foes: Social and Psychological Adaptation of Fellow Nationals in Russia” (15-06-10188a).

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Yulia Vladimirovna Brazhnik – Cand. Sc. of Psychology, leading specialist of customer service, Smolensk branch of Rostelecom PJSC, researcher in the same project.

E-mail: yliabr@yandex.ru

Maria Nikolaevna Efremenkova – head of the psychophysiological lab, private healthcare institution Smolensk Hospital of the Russian Railways OJSC, researcher in the same project.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Alexander Petrovich Katrovsky – Dr. Sc. of Geography, professor of Smolensk State University, researcher in the same project.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Yulia Viktorovna Kovalyova – Cand. Sc. of Psychology, assistant professor of Smolensk State University, researcher in the same project.

E-mail: kovaleva_yv@mail.ru

Nadezhda Viktorovna Murashchenkova – Cand. Sc. of Psychology, assistant professor of Smolensk State University, researcher in the same project.

E-mail: muraschenkova.n@yandex.ru

Tatiana Nikolaevna Smotrova – Cand. Sc. of Psychology, assistant professor of Smolensk State University, researcher in the same project.

E-mail: tat-smotrova@yandex.ru

The paper describes the findings of an empirical study of migrants-members of the government program, which aims at assisting the voluntary resettlement of fellow nationals living abroad to the Russian Federation. It identifies the motivations of decision-making by fellow nationals and their families concerning the resettlement to Russia. The authors establish the common and specific laws of the socio-psychological adaptation of this category of migrants in the host society, depending on the voluntariness/forcedness of their resettlement, and determine the system of factors contributing to the success of the socio-psychological adaptation of fellow nationals in the new environment.

Among the ethno-cultural and socio-psychological factors, there are the cultural-value proximity of fellow nationals to the host population, a positive image of Russia and the country of origin, a positive social (ethnic) identity, the preparedness to interact with the new environment. Among the socio-geographic factors, there are satisfaction with the climate and environment of the places of settlement, their geographic proximity to the infrastructure of the district, regional and capital centers.

The research proves the system-determining influence on the success of adaptation of individual-personal factors, such as awareness of personal responsibility for the choices made, the ability to perceive one's life as meaningful and important, the open character of communications; the importance of the values of "openness to changes" and "self-identity", the predominant use of constructive problem-solving and emotionally-focused coping strategies, a strong desire for professional and social self-fulfillment.

Keywords: migration, repatriation, voluntary migrants, forced migrants, fellow nationals, socio and psychological adaptation, adaptation factors, predictors, migration expectations, values, meaningfulness of life, ethnic identity, coping strategies, the desire for self-fulfillment, host population

REFERENCES

1. Gosudarstvennaya programma po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v RF sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88 (data obrashcheniya: 20.06.2018) (in Russian).
2. Federal'nyy zakon ot 24.05.1999 № 99-FZ (red. ot 23.07.2013) «O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom» [Elektronnyy resurs] / KonsultantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (data obrashcheniya: 20.06.2018) (in Russian).
3. Gritsenko V.V. Stremlenie k samoaktualizatsii kak vazhneyshee uslovie adaptatsii vyzhdennykh pereselentsev // Psikhologiya na rubezhe vekov: nauka, praktika, prepodavanie: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tula, 2000. S. 236–238 (in Russian).
4. Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V., Smotrova T.N. Sem'i trudovykh migrantov: sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya k usloviyam vyzhdennoy razluki. Smolensk: SGU, 2014 (in Russian).
5. Gritsenko V.V., Smotrova T.N. Tsennostno-normativnye osnovy integratsii etnicheskikh migrantov v rossiyskoe obshchestvo. Smolensk: Universum, 2008 (in Russian).
6. Gritsenko V.V., Smotrova T.N. Teoreticheskie osnovy issledovaniya sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii sootchestvennikov v Rossii // Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Stavropol', 15–19 oktyabrya 2015 g.). Stavropol': Izd-vo SKFU, 2015. S. 22–26 (in Russian).

7. Gritsenko V.V., Murashchenkova N.V., Brazhnik Yu.V. Izuchenie sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii sootchestvennikov, pereselyayushchikhsya iz blizhnego zarubezh'ya v Rossiyu: nauchno-metodicheskiy aspekt // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2016. T. 5. Vyp. 1 (17). S. 39–45 (in Russian).
8. Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.
9. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhyonnosti. M.: Smysl, 1998 (in Russian).
10. Boyko V.V. Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh. M., 1996 (in Russian).
11. Vasserman L.I. Psikhodiagnosticheskaya shkala dlya otsenki urovnya sotsial'noy frustrirovannosti // Obozrenie Instituta psikhiiatrii i meditsinskoy psikhologii im. V.M. Bekhtereva. 1995. № 2. S. 73–79 (in Russian).
12. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primenenie v Rossii // Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2012. T. 9. № 1. S. 43–70 (in Russian).
13. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZHO). 2-e izd. M.: Smysl, 2006 (in Russian).
14. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. 2007. № 3. S. 93–112 (in Russian).
15. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An international review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.

О.А. ДЕМЧЕНКОВА*

Потенциал компетентностного подхода в образовательной парадигме

В статье даётся обзор существующих классификаций компетенций, связанных с преподаванием иностранных языков в системе высшего образования. Рассматриваются отдельные классификации компетенций, формирование которых способствует развитию специалиста, способного уверенно пользоваться иностранным языком для профессиональных целей. Делается обзор предлагаемых в различных исследованиях определений компетенций. Автор приходит к выводу о неоднозначности и неоднородности трактовок термина «компетенция» в научно-методической литературе. При этом признаётся, что во всех исследованиях прослеживается осознание того, что термин «компетенция» является сложным по структуре понятием. Компетенция представляет собой сумму знаний, умений и личностных качеств, позволяющих человеку совершать самостоятельные действия в разных профессиональных и научных областях и в зависимости от меняющихся прагматических условий общения. Ставится вопрос о том, является ли компетентностный подход ключевым фактором повышения образовательных результатов и компетентности специалиста в XXI в. Анализируется практическая применимость отдельных компетенций при обучении иностранному языку в неязыковых вузах с целью определения реального потенциала данного подхода для решения задач в парадигме высшего образования. Делается вывод о необходимости тщательного отбора компетенций, успешное формирование которых реально осуществимо в заданных условиях и в соответствии с целями современного образовательного процесса.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, межкультурная профессиональная прагматическая компетенция, обучение иностранному языку

Изучение иностранного языка традиционно являлось необходимой составляющей образовательного процесса в России, но цели,

которые формулировало, как правило, Министерство образования, и отношение к иностранным языкам постоянно менялись. Современные экономические

* **Демченкова Оксана Андреевна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель проекта «Компетентностный подход в современной образовательной парадигме обучения иностранному языку как инструменту профессионального и научного общения» (15-06-10864а).
E-mail: demks@bk.ru

и политические процессы предопределили новый социальный заказ в обществе. Особую актуальность приобрели компетенции, связанные с коммуникативной функцией иностранных языков.

Документ Совета Европы под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», направленный на развитие новых подходов к преподаванию иностранных языков, ставит очевидные политические и социальные задачи:

- способствовать развитию взаимопонимания, терпимости, уважения личности и культурного многообразия, поощряя международные контакты;
- содействовать удовлетворению потребностей в межкультурном общении европейцев, живущих в поликультурном и многоязычном мире, что требует длительной централизованной поддержки и финансирования со стороны соответствующих институтов на всех этапах образования;
- предотвратить возможные проблемы граждан, не владеющих умениями, необходимыми в интерактивном обществе [1].

Указанные задачи не могут быть решены без уверенного владения иностранным языком как средством коммуникации. Новые цели привели к возникновению образовательной парадигмы в отношении иностранных языков, ключевой идеей которой стало формирование и развитие целого ряда компетенций. Эти компетенции необходимы для решения задач в неодинаковых условиях, с учётом всевозможных ограничений, реализующихся в различных культурах, видах деятельности и процессах, направленных на порождение и восприятие текстов, в связи с определёнными темами и сферами общения и с применением соответствующих стратегий.

В данной статье даётся краткий обзор существующих классификаций компетенций, связанных с преподаванием иностранных языков. Рассматривается потенциал компетентного подхода, определяющего

образовательную парадигму XXI в. Изучение литературы показывает, что методический термин «компетенция» трактуется неоднозначно, хотя общим является понимание того, что это сложное понятие, представляющее собой сумму знаний, умений и личностных качеств, позволяющих человеку совершать самостоятельные действия в определённых, причём меняющихся сферах общения. Из множества определений выделяется трактовка понятия «компетенция», данная А.В.Хуторским, которую можно считать наиболее ясной и применимой в отношении обучения иностранным языкам. Он определяет компетенцию как «некоторое отчуждённое, наперёд заданное требование к образовательной подготовке ученика, зафиксированное, например, в программе дисциплины» [2].

Коммуникативная компетенция как ядро всех классификаций компетенций в языковом образовании

При рассмотрении задач, связанных с преподаванием иностранного языка, обсуждались различные компетенции, но приоритетной признавалась *коммуникативная*. К. Низгода и К. Ровер, анализируя данное понятие, указывают, что определения коммуникативной компетенции включают, среди прочих, два важных компонента [3]:

- кодовый компонент, который понимается как знание синтаксиса, морфологии, семантики, лексики и фонологии;
- компонент использования, под которым понимается способность человека адекватно использовать язык в соответствии с ситуацией общения.

М. Канале и М. Свайн в коммуникативной компетенции выделяли четыре «подкомпетенции» [4]:

- грамматическая компетенция, т.е. знание лингвистического кода (морфология, синтаксис, семантика, фонология);
- социолингвистическая компетенция, т.е. умение использовать язык в соответствии с ситуацией;

- дискурсивная компетенция, т.е. умение достигать связность в устной и письменной коммуникации;
- стратегическая компетенция, т.е. знание и умение использовать стратегии коммуникации, позволяющие корректировать возможные сбои в общении и добиваться желаемого коммуникативного эффекта.

Л.Бахман предложил, а затем дополнил другую модель коммуникативной компетенции [5]. Он рассматривает коммуникативную компетенцию как динамическую систему, в рамках которой мировые знания и языковая компетенция встраиваются в стратегическую компетенцию, отражающую степень эффективности реализации лингвистических намерений. По модели Л.Бахмана, грамматическая и прагматическая компетенции входят в состав языковой компетенции, которую он подразделяет на организационную и прагматическую. В организационной компетенции, определяемой автором как умение контролировать формальные аспекты языка, также отмечаются грамматическая (лексика, синтаксис, морфология, фонология) и текстуальная компетенция (связность, организация текста с точки зрения риторики). В рассмотрении коммуникативной компетенции используются разнообразные определения компетенций, входящих в её состав. Очевидно, что при многообразии названий чётко выделяются два аспекта: лингвистический, или языковой, который часто называют грамматической компетенцией, сужая объём понятия «языковой» (знание правил языка), и прагматический (умение адекватно использовать язык в зависимости от особенностей социального и речевого контекста).

Иноязычная коммуникативная компетенция как развитие коммуникативной компетенции

При стремительном вхождении стран в глобальное пространство возникла необходимость общения на иностранном

языке. *Коммуникативная* компетенция в этих условиях трансформируется в *иноязычную коммуникативную компетенцию*. В работах отечественных исследователей и нормативных документах Совета Европы развивается идея межкультурной коммуникации, под которой понимается ряд процессов взаимодействия людей с различными культурными особенностями и осознанием своих норм и ценностей при сопоставлении их с нормами других культур. Появились исследования, в которых делается попытка анализа межкультурного подхода при обучении иностранным языкам [6–11]. Авторы останавливаются на историческом ракурсе межкультурного подхода в рамках общих тенденций языкового образования. Проведённый ими анализ приводит к выводу о том, что межкультурный подход есть закономерное продолжение и развитие коммуникативного подхода к обучению иностранному языку. При этом подчёркивается, что коммуникативный подход ориентирован на иноязычную коммуникативную компетенцию, которая строится по аналогии с коммуникативной компетенцией носителя языка, а межкультурный – на формирование «вторичной языковой личности», или бикультурной языковой личности, способной к общению с носителями другой культуры [12]. В контексте обсуждений межкультурного подхода и диалога культур родилась новая компетенция – *межкультурная*, которая неразрывно связана с *иноязычной коммуникативной компетенцией*. Одна ориентирована на формирование умения воспринимать и передавать культурную специфику, а другая – успешно формулировать понятия и идеи, связанные с культурой стран, адекватно используя языковые средства.

Ключевые компетенции в практическом ракурсе преподавания

В контексте обучения иностранным языкам стал активно использоваться тер-

мин «*межкультурная компетенция*». В современной методической литературе он определяется по-разному, но общим в этих определениях является идея о развитии умений, необходимых для реализации коммуникативных задач, возникающих в рамках диалога культур. Межкультурная компетенция определяется как способность воспринимать, понимать, интерпретировать проявления иной культуры, умение сравнивать, находить различия и общность с собственным ценностным складом, критически осмысливать и встраивать в собственную картину мира. В таком определении прослеживаются черты, присущие коммуникативной компетенции, но не подчёркивается имплицитный иностранный язык как существенный инструмент наблюдений в иноязычной коммуникативной среде. Таким образом, межкультурную компетенцию можно рассматривать как логическое развитие иноязычной коммуникативной компетенции в теоретическом плане и органичной составляющей – в практическом ракурсе.

Методика преподавания иностранных языков развернулась в сторону теории и практики коммуникации. Возросшие межкультурные связи современных специалистов во всех сферах профессиональной деятельности подтолкнули исследователей и преподавателей к мысли о том, что для неязыковых вузов необходимо интегрировать межкультурный аспект обучения иностранным языкам в признанную концепцию профессиональной направленности обучения. М.Г.Евдокимова проанализировала основные факторы, определяющие формирование специалистов, готовых к эффективному общению на международной арене в интересах профессии, и выделила *профессиональную межкультурную компетенцию* как компетенцию особого рода [13]. Эта компетенция состоит в умении учитывать межкультурные различия в процессе иноязычного профессионального общения, и именно она

могла бы обсуждаться в качестве приоритетной задачи обучения иностранным языкам в неязыковых вузах. Межкультурная профессиональная компетенция подразумевает интеграцию множества других, более традиционных для процесса преподавания иностранного языка компетенций.

Изучение динамики развития классификаций и определений компетенций показывает очевидную размытость границ и повторяемость некоторых характеристик при определении разных компетенций, например, прагматической и социолингвистической компетенций, с одной стороны, и межкультурной и социолингвистической компетенций – с другой. К.Низгода и К.Ровер считают, что прагматическая компетенция включает социолингвистическую [3]. Они же признают, что грамматическая и прагматическая компетенции, будучи отдельными явлениями, входят в состав коммуникативной компетенции.

Профессиональная межкультурная коммуникация как основа успешного профессионального общения в условиях глобализации

Схожесть понятий при различных определениях позволяет использовать наиболее традиционные для методики преподавания иностранных языков формулировки, при этом указывающие на одинаковый набор умений и навыков. Используя выбранную терминологию, можно представить графически профессиональную межкультурную компетенцию, предлагаемую в качестве задачи обучения (рис.). Формирование профессиональной межкультурной компетенции соответствует современной образовательной парадигме. Как показывает проведённое исследование в студенческой среде Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), формирование этой компетенции также отражает образовательные и профессиональные потребности

Рис. Профессиональная межкультурная компетенция

сти студентов и является сильным мотивирующим стимулом к обучению [14].

Профессиональная межкультурная компетенция предполагает формирование компетенций, входящих в её структуру и логично вписывающихся в более широкую коммуникативную компетенцию. Очевидно, что формирование межкультурной профессиональной компетенции невозможно без формирования таких компетенций, как языковая (лексическая, грамматическая) и прагматическая. Формирование языковой компетенции в большей мере соответствует традиционному подходу к преподаванию иностранного языка, в рамках которого акцент делался на усвоение определённого набора лексических единиц и грамматических явлений, что в указанных классификациях получило разные названия — кодовый компо-

нент [3], грамматическая компетенция [4], языковая компетенция [5].

Гораздо сложнее складывается ситуация с формированием прагматической компетенции, предполагающей умение использовать язык с учётом социального контекста, т.е. ситуации общения, статуса отправителя и адресата речи. Известно, что именно правильность выбора необходимой лексической единицы и грамматической структуры для выражения своего речевого намерения отличает речь носителя языка от речи того, кто изучает этот язык как иностранный.

Среда как катализатор формирования важных компетенций

Зарубежные исследователи поставили вопрос о том, развиваются ли грамматическая и прагматическая компетенции

параллельно. Авторы книги «Pragmatics in Language Teaching» К.Р.Роуз и Г.Каспер приводят результаты эксперимента, направленного на сравнение процессов формирования компетенций в группе носителей языка и в группе интенсивно обучающимся иностранному языку в условиях погружения [15]. При сравнении обнаружены различия в формировании грамматической компетенции, и самые заметные – в прагматической компетенции. Последняя анализировалась с точки зрения формирования умений понимать и производить адекватные ответные речевые действия в соответствии с ситуацией. Признав, что грамматическая и прагматическая компетенции являются отдельными, не зависящими друг от друга компонентами коммуникативной компетенции, исследователи поставили вопрос о факторах, которые могли бы ускорить формирование одной или другой компетенции [16]. В качестве одного из таких факторов была рассмотрена среда, в которой происходит обучение, и её влияние на формирование прагматической и грамматической компетенции. Грамматическая компетенция определялась по классификации М. Канале и М. Свайна как широкий набор лексико-грамматических и фонетических средств [17]. В результате этого исследования был сделан вывод о том, что среда влияет на развитие грамматической и прагматической компетенций, но это влияние неодинаково. Среда, где язык изучается как иностранный без реального общения с носителями языка, способствует развитию грамматической компетенции в ущерб прагматической, в то время как реальная языковая среда стимулирует развитие прагматической компетенции в большей степени, чем грамматической.

Выводы

Проведённый обзор и анализ различных классификаций и определений компетенций позволяет сделать следующие выводы.

Рассмотренные классификации компетенций имеют скорее теоретический характер. Размытость и наблюдаемая повторяемость параметров при определении различных компетенций приводит к выводу о том, что при кажущемся многообразии компетенций речь идёт о необходимости вооружить выпускников неязыковых вузов двумя основными. Следует сформировать языковую компетенцию, т.е. лексико-грамматический тезаурус и фонетические навыки, и более сложную – прагматическую. Умение точно и адекватно использовать языковые средства в определённых целях в большей степени влияет на успешность коммуникации.

Целесообразной задачей преподавания иностранных языков в неязыковых вузах следовало бы признать формирование профессиональной межкультурной компетенции. Это позволяет учитывать специфику содержательного наполнения обучения, соответствующего специализации студентов, профессиональным и коммуникативным потребностям современного глобального общества. Грамотный отбор учебного материала позволяет обеспечить набор адекватных языковых средств, используемых для реализации речевых намерений, тем самым формируя языковую компетенцию. При отсутствии языковой среды, способствующей эффективному формированию прагматической компетенции, возможно моделирование соответствующей среды и ситуаций использования иностранного языка. Такое моделирование сфер профессионального общения предпринято в учебнике «Деловой английский язык. Introduction into Professional English», который успешно используется при обучении студентов факультета мировой экономики и международных отношений НИУ ВШЭ [18]. Использование учебника и новых технологических возможностей позволило компенсировать отсутствие языковой среды, обеспечить реальную коммуникацию и развитие профессиональной межкультурной компетенции.

Практика преподавания иностранного языка в неязыковых вузах, где язык преподаётся в условиях ограниченной сетки часов, показывает, что компетентностный подход имеет рациональную основу. Важную роль играет тщательный отбор наиболее значимых компетенций. С учётом расширения академической и научной мобильности выпускники неязыковых вузов должны овладеть иностранным языком в качестве эффективного инструмента профессионального и на-

учного общения, что предполагает сформированность профессиональной межкультурной компетенции. Таким образом, можно признать компетентностный подход положительным явлением, обладающим существенным методическим потенциалом. Не означая коренной перестройки в педагогических стратегиях при преподавании иностранных языков, он акцентирует внимание на формировании компетенций, необходимых в современном меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
2. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Эйдос, 2002. URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 23.04.2012).
3. Kimberly Niezgodna and Carsten Rover. Pragmatic and grammatical awareness in Pragmatics in Language Teaching / Kenneth R. Rose, Gabriele Kasper. Cambridge University Press, 2001. P. 63–79.
4. Canale M. & Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics, 1980. № 1. P. 1–47.
5. Bachman, L.F. (1990). Fundamental considerations in language testing. Oxford: Oxford University Press, 1990.
6. Тарева Е.Г. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики. М.: Логос, 2014.
7. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): Автореферат дис. ... докт. пед. наук: 13.00.02, 10.02.19. М., 1997.
8. Вербицкий А.А. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции / А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова. М.: Логос, 2010.
9. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.
10. Тарева Е.Г., Тарев Б.В. Роль и назначение компетентностного подхода к языковой/лингвистической подготовке современных специалистов // Вестник Бурятского государственного университета. 2006. № 11. С. 95–112.
11. Демченкова О.А. Компетенции в преподавании иностранных языков: классификация и реализация // Теория и практика перевода. 2012. № 1 (12). С. 42–50.
12. Халеева И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 444. С. 5–11.
13. Евдокимова М.Г. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам в неязыковом вузе как система. // Вестник МГЛУ. Педагогические науки. 2013. Вып. 12 (672). С. 49–59.
14. Демченкова О.А. Факторы обеспечения эффективности обучения английскому языку на первом этапе в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2015. № 4. С. 34–44.

15. Pragmatics in Language Teaching / Kenneth R. Rose, Gabriele Kasper. Cambridge University Press, 2001.
16. Long, M. The role of the linguistic environment in second language acquisition // W. Ritchie & T. Bhatia (eds.). Handbook of second language acquisition. New York: Academic Press. 1996. P. 413–468.
17. Canale M. From communicative competence to language pedagogy // J. Richards & R. Schmidt (eds.). Language and communication. London: Longman, 1983. P. 2–27.
18. Якушева И.В. Деловой английский язык. Introduction into Professional English: Учебник и практикум для академического бакалавриата / И.В. Якушева, О.А. Демченкова; 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017.

ENGLISH

Potential of Competence-Based Approach in the Educational Paradigm

Oksana Andreevna Demchenkova – Cand. Sc. of Sociology, assistant professor, Chair of Foreign Languages, the National Research University *Higher School of Economics*, researcher in the project “Competence-Based Approach in the Modern Educational Paradigm of Teaching a Foreign Language as a Tool of Professional and Academic Communication” (15-06-10864a).

E-mail: demks@bk.ru

The paper provides an overview of the existing classifications of competencies related to the teaching of foreign languages in the higher education system. The work identifies separate classifications of competencies shaping an expert able to use a foreign language confidently for professional purposes, reviews the definitions of competencies provided in various studies. The author concludes about the ambiguity and heterogeneity of interpretations of the term “competence” in the academic and methodological works. Still, it is recognized that in all studies, there is awareness that the term “competence” is a complex concept in its structure. Competence is a sum of knowledge, skills and personal qualities helping a person to act independently in various professional and scientific areas and in line with the changing pragmatic conditions of communication. The author raises a question whether the competence-based approach is a key factor in improving the academic outcome and competence of the 21st century workforce, analyzes the feasibility of applying individual competencies in teaching a foreign language in non-language universities in order to determine the real potential of this approach for solving problems in the paradigm of higher education. The key takeaway is about the need for careful selection of competencies, whose successful formation is feasible in the given conditions and in line with the goals of the modern educational process.

Keywords: competence, competence-based approach, intercultural professional competence, pragmatic competence, foreign language teaching.

REFERENCES

1. Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka. M.: Izd-vo MGLU, 2003 (in Russian).
2. Klyuchevye kompetentsii i obrazovatel'nye standarty // Eydos, 2002. URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (data obrashcheniya: 23.04.2012) (in Russian).

3. Kimberly Niezgodá and Carsten Rover. Pragmatic and grammatical awareness in Pragmatics in Language Teaching / Kenneth R. Rose, Gabriele Kasper. Cambridge University Press, 2001. P. 63–79.
4. Canale M. & Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics, 1980. № 1. R. 1–47.
5. Bachman, L.F. (1990). Fundamental considerations in language testing. Oxford: Oxford University Press, 1990.
6. Tareva E.G. Mezhekul'turnoe inoyazychnoe obrazovanie: lingvodidakticheskie strategii i taktiki. M.: Logos, 2014 (in Russian).
7. Astafurova T.N. Strategii kommunikativnogo povedeniya v professional'no-znachimyykh situatsiyakh mezhekul'turnogo obshcheniya (lingvisticheskiy i didakticheskiy aspekty): Avtoreferat dis. ... dokt. ped. nauk: 13.00.02, 10.02.19. M., 1997 (in Russian).
8. Verbitskiy A.A. Lichnostnyy i kompetentnostnyy podkhody v obrazovanii. Problemy integratsii / A.A. Verbitskiy, O.G. Larionova. M.: Logos, 2010 (in Russian).
9. Zimnyaya I.A. Kompetentsiya i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii // Inostrannyye yazyki v shkole. 2012. № 6. S. 2–10 (in Russian).
10. Tareva E.G., Tarev B.V. Rol' i naznachenie kompetentnostnogo podkhoda k yazykovoy/lingvisticheskoy podgotovke sovremennykh spetsialistov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 11. S. 95–112 (in Russian).
11. Demchenkova O.A. Kompetentsii v prepodavanii inostrannykh yazykov: klassifikatsiya i realizatsiya // Teoriya i praktika perevoda. 2012. № 1 (12). S. 42–50 (in Russian).
12. Khaleeva I.I. Interkul'tura – tret'e izmerenie mezhekul'turnogo vzaimodeystviya? (iz opyta podgotovki perevodchikov) // Aktual'nye problemy mezhekul'turnoy kommunikatsii. M.: MGLU, 1999. Vyp. 444. S. 5–11 (in Russian).
13. Evdokimova M.G. Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam v neyazykovom vuze kak sistema. // Vestnik MGLU. Pedagogicheskie nauki. 2013. Vyp. 12 (672). S. 49–59 (in Russian).
14. Demchenkova O.A. Faktory obespecheniya effektivnosti obucheniya angliyskomu yazyku na pervom etape v neyazykovom vuze // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2015. № 4. S. 34–44 (in Russian).
15. Pragmatics in Language Teaching / Kenneth R. Rose, Gabriele Kasper. Cambridge University Press, 2001.
16. Long, M. The role of the linguistic environment in second language acquisition // W. Ritchie & T. Bhatia (eds.). Handbook of second language acquisition. New York: Academic Press. 1996. P. 413–468.
17. Canale M. From communicative competence to language pedagogy // J. Richards & R. Schmidt (eds.). Language and communication. London: Longman, 1983. P. 2–27.
18. Yakusheva I.V. Delovoy angliyskiy yazyk. Introduction into Professional English: Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / I.V. Yakusheva, O.A. Demchenkova; 3-e izd., ispr. i dop. M.: Yurayt, 2017 (in Russian).

УДК 616.895.1,3,4 + 159.95 + 612.821.1,2,5 + 616.072.85

ГРНТИ 76.03.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-125-136

А.Ф. ИЗНАК, Е.В. ИЗНАК, И.В. ОЛЕЙЧИК, Т.И. МЕДВЕДЕВА*

Новые подходы к лечению депрессии: влияние магнитной стимуляции мозга

В результате комплексного клинико-психолого-нейрофизиологического исследования показано, что даже короткий курс высокочастотной транскраниальной магнитной стимуляции (ТМС) передних отделов левого полушария коры головного мозга (дорсолатеральной префронтальной коры – ДЛПФК) значительно усиливает и ускоряет эффекты антидепрессантов в отношении как уменьшения симптомов депрессии, так и улучшения функционального состояния головного мозга и нарушенных когнитивных функций принятия логических и интуитивных решений. При этом терапевтические эффекты ТМС опосредованы активацией не только самой ДЛПФК левого полушария, но и ряда связанных с ней подкорковых структур головного мозга.

Как показало проведенное исследование, высокочастотная ТМС ДЛПФК левого полушария в составе комбинированной терапии депрессивных расстройств является перспективным неинвазивным нелекарственным способом преодоления фармакорезистентности, улучшения клинического состояния, функционального состояния головного мозга и когнитивного функционирования больных депрессией.

Ключевые слова: депрессия, нейрокогнитивный дефицит, эмоциональное научение, принятие решений, комбинированная терапия, транскраниальная магнитная стимуляция, количественная ЭЭГ, психологическое тестирование

* **Изнак Андрей Фёдорович** — доктор биологических наук, заведующий лабораторией нейрофизиологии Научного центра психического здоровья (НЦПЗ), руководитель проекта «Новые подходы к повышению эффективности терапии социально-значимых психических заболеваний» (15-06-10541а).

E-mail: iznak@inbox.ru

Изнак Екатерина Вячеславовна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейрофизиологии НЦПЗ, исполнитель того же проекта.

E-mail: iznak@mail.ru

Олейчик Игорь Валентинович — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник отдела по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний НЦПЗ, исполнитель того же проекта.

E-mail: i.oleichik@mail.ru

Медведева Татьяна Игоревна — научный сотрудник отдела медицинской психологии НЦПЗ, исполнитель того же проекта.

E-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Проблема улучшения качества лечения больных, страдающих социально значимыми психическими заболеваниями, имеет высокую медико-социальную актуальность.

Распространённость одного из наиболее тяжёлых психических заболеваний — депрессии — постоянно растёт и в настоящее время достигает 17–20%. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, число больных депрессией во всём мире превышает 120 млн человек [1]. Депрессия имеет крайне неблагоприятные социально-психологические, экономические и демографические последствия. Так, до 60% больных депрессией проявляют не только снижение настроения, но и когнитивные расстройства разной степени тяжести в виде нарушений памяти, внимания, замедления мышления и сенсомоторных реакций, затруднений принятия решений [2–9]. Всё это ведёт к снижению качества жизни пациентов, ухудшению их учебной, социальной и семейной адаптации, а также утрате работоспособности. В качестве причины длительной потери работоспособности и инвалидности депрессия занимает первое место в мире среди психических расстройств [1]. Кроме того, у больных депрессией отмечаются высокий риск суицидальных попыток (до 8–30%) и высокая смертность (процент завершённых суицидов достигает 2–4%).

В России число больных депрессией достигает 3,5 млн человек, а связанные с этим прямые и косвенные экономические потери составляет около 2% валового внутреннего продукта страны [10].

Значительное число (до 30–60%) пациентов слабо реагируют на фармакотерапию, что проявляется в виде неполных ремиссий, неоднократных обострений и перехода заболевания в хроническую форму. Это требует разработки новых подходов к оптимизации терапии депрессий. Устойчивость к фармакотерапии (фармакорезистентность) и нарушения когнитивных функций при депрессии являют-

ся наиболее актуальными проблемами современной клинической и биологической психиатрии [11–16]. Одним из методов преодоления фармакорезистентности при лечении депрессии в комплексе с антидепрессантами является транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) [11, 14, 15].

Сущность метода ТМС состоит в том, что импульсы магнитного поля (в отличие от электрических импульсов) проникают сквозь кожу головы, кости черепа и оболочки мозга без ослабления интенсивности. Взаимодействуя с мембранами и отростками нервных клеток, они создают в мозге слабые электрические токи, которые и активируют нервную ткань. Непосредственным источником магнитного поля является катушка-индуктор специальной формы — в виде «восьмёрки» или бабочки. За счёт того, что «крылья» этой бабочки расположены под небольшим углом, создаётся возможность «сфокусировать» магнитное поле на определённых участках коры головного мозга и целенаправленно активировать их. Основной «мишенью» ТМС при лечении депрессий являются передние отделы коры левого полушария головного мозга — так называемая дорсолатеральная префронтальная кора (ДЛПФК). Как показано, активность этого отдела коры, ответственного, в том числе, за положительные эмоции, существенно снижается при депрессии.

Целью исследования была оценка активирующего влияния высокочастотной ритмической ТМС ДЛПФК левого полушария на клинические и нейрофизиологические параметры и показатели когнитивных функций у больных фармакорезистентной депрессией в процессе комбинированной терапии, включавшей курс ТМС.

Комплексное клинико-психолого-нейрофизиологическое исследование проводилось с соблюдением современных этических норм и правил биомедицинских исследований в соответствии с Хельсинкским соглашением Всемирной

медицинской ассоциации (в редакции 1964/1972/2000 гг.).

Пациенты

В исследование были включены 28 пациентов клиники ФГБНУ НЦПЗ (все женщины) 18–50 лет (средний возраст $36,3 \pm 13,9$ лет) с депрессивными расстройствами, отвечающими критериям рубрик F31.3, F33.0 и F33.1, по МКБ-10. Состояние больных характеризовалось комплексом симптомов депрессии в виде сниженного настроения, пессимистической оценки жизненных ситуаций, тревоги, раздражительности и эмоциональной лабильности, жалоб на замедление моторики и мышления, нарушения сна, снижение работоспособности.

Количественные оценки тяжести депрессии по общей сумме баллов шкалы Гамильтона для депрессии (HDRS-17) до начала курса терапии варьировали от 12 до 29 баллов (в среднем по группе пациентов $20,4 \pm 5,8$ баллов), что клинически соответствует лёгкой и умеренной тяжести депрессии. При предшествующих госпитализациях (в других лечебных учреждениях) уменьшение выраженности симптомов депрессии по шкале HDRS-17 после курса терапии у этих больных составляло менее 50%, что отвечает критериям устойчивости к лечению антидепрессантами – фармакорезистентности [11, 17–19].

В ходе настоящего исследования все больные получали комбинированную терапию, включавшую приём антидепрессантов и курс высокочастотной ритмической ТМС левой ДЛПФК.

В контрольную группу вошли 50 здоровых женщин 18–55 лет (средний возраст $33,1 \pm 10,9$ лет). По социальным и демографическим показателям группы пациентов и здоровых испытуемых статистически не различались.

Методы исследования

Для количественной оценки тяжести клинических симптомов депрессии ис-

пользовалась Шкала Гамильтона для депрессии (HDRS-17) [20].

Для количественной оценки когнитивных функций использовались следующие психометрические методики:

- ◆ Тест «10 слов» [21], позволяющий количественно оценить состояние процессов памяти: запоминания, сохранения и воспроизведения.
- ◆ Висконсинский тест сортировки карточек (WCST, компьютерная версия) [22], выявляющий состояние когнитивных функций, опосредованных лобными долями коры левого полушария головного мозга: произвольно-вольного внимания, регуляции деятельности, целенаправленной активности, принятия логических решений, по А.Р.Лурия [21, 23].
- ◆ Айовская Игровая задача (Iowa Gambling Task – IGT, компьютерная версия) [24–26] – вариант карточной игры с двумя «хорошими» (выигрышными) и двумя «плохими» (проигрышными) колодами карт, позволяющий количественно оценить роль эмоций в принятии «интуитивных» решений и измерить дефицит эмоционального научения (по А.Дамасио [25]).

Нейрофизиологическое исследование

До начала и после курса терапии у всех больных депрессией с помощью аппаратно-программного комплекса «Нейро-КМб BrainSys» (Россия) [27] проводилась регистрация биоэлектрической активности головного мозга – электроэнцефалограммы (ЭЭГ) в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми глазами от 16 точек на поверхности головы, расположенных над основными отделами головного мозга и обозначаемых по Международной системе 10–20 как F7, F3, F4, F8, T3, C3, Cz, C4, T4, T5, P3, Pz, P4, T6, O1 и O2.

Анализ ЭЭГ включал вычисление значений спектральной мощности узких частотных поддиапазонов ЭЭГ (дельта – 2–4 Гц, тета1 – 4–6 Гц, тета2 – 6–8 Гц, альфа1 – 8–9 Гц, альфа2 – 9–11 Гц, альфа3 –

11–13 Гц, бета1 – 13–20 Гц и бета2 – 20–30 Гц) в лобных (F3, F4), передневисочных (F7, F8), центральных (C3, C4), средневисочных (T3, T4), теменных (P3, P4) и затылочных (O1, O2) ЭЭГ-отведениях.

Больные депрессией выполнили все три психометрических теста, затем была проведена запись ЭЭГ. Контрольная группа здоровых испытуемых выполняла только тесты на принятие решений: WCST и IGT.

Методика проведения и параметры транскраниальной магнитной стимуляции

Сеансы ТМС проводились в рабочие дни в течение трёх недель (всего 15 сеансов) с помощью отечественного магнитного стимулятора «Нейро-МС/Д» («Нейрософт», г. Иваново, Россия). Во время сеанса пациенты сидели в удобном кресле, а источник магнитных импульсов (катушка-индуктор) подводилась к нужной области головы с помощью специального кронштейна. Каждый сеанс ТМС ДЛПФК включал 40 серий длительностью по 2 секунды с частотой 20 Гц (40 магнитных импульсов в каждой серии, всего 1600 импульсов) с интервалами между сериями по 14 секунд. Интенсивность импульсов, наносимых на левую лобную область головы, составляла 60–80% от предварительно определённого для каждого пациента моторного порога (интенсивности одиночного магнитного импульса, вызывающего вздрагивание большого пальца руки), чтобы во время сеанса ТМС исключить сокращения лицевой мускулатуры.

Этот использованный в нашей работе новый протокол ТМС, с одной стороны, обеспечивал больший комфорт для пациента за счёт исключения неприятных ощущений от процедуры ТМС. С другой стороны, он ограничивал область стимуляции только передними отделами лобной коры левого полушария – основной «мишенью» ТМС. Обычно применяемая большая интенсивность ТМС (до 100–140% от моторного порога) вызывает не толь-

ко неприятные для больного сокращения мышц на левой стороне лица, но и мощный поток нервных импульсов от этих мышц, поступающих в чувствительную зону коры правого полушария, ответственного за негативные эмоции, что теоретически может уменьшить положительный терапевтический эффект ТМС.

Статистический анализ полученных данных осуществлялся с помощью пакетов программ IBM SPSS Statistics v. 22 и STATISTICA для Windows v. 6.0. Достоверность различий средних значений клинических, нейрофизиологических и психологических параметров до и после курса терапии определялась с использованием *W*-теста Уилкоксона для зависимых выборок. Достоверность различий средних значений психологических параметров между группами пациентов и здоровых испытуемых определялась с использованием *W*-теста Уилкоксона для независимых выборок. Корреляционный анализ комплекса количественных клинических, нейрофизиологических и психологических показателей проводился методом ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Результаты выполнения когнитивных тестов

У группы больных депрессией до начала курса терапии, по сравнению с контрольной группой здоровых испытуемых, были значимо ($p < 0.01 \div 0.001$) снижены показатели когнитивных функций. В тесте WCST им требовалось больше ходов для сбора первой категории карточек и завершения теста, они собирали меньше категорий, у них также было больше персевераций (повторений одних и тех же ходов), больше прерываний сбора категорий, связанных с неудержанием текущего варианта решения, больше бессмысленных прерываний, связанных с импульсивностью.

Статистически значимые отличия группы больных депрессией от контрольной группы также были выявлены при выполнении теста IGT – средние значения пока-

зателя «разница между выборами из “хороших” и “плохих” колод карт на ходах 60–100» составили $10,00 \pm 14,30$ для контрольной группы и $4,73 \pm 9,82$ для группы больных депрессией ($p < 0,029$).

Кроме того, в группе больных депрессией была выявлена связь между выполнением тестов WCST и IGT. Значения показателя «число собранных категорий» в тесте WCST достоверно отрицательно коррелировали со значениями показателя «превышение “хороших” выборов над “плохими” на последних 40 ходах» в тесте IGT ($r = -0,464$, $p < 0,029$). Это означает, что те больные, которые лучше выполнили тест WCST, хуже выполняли IGT, т.е. демонстрировали более выраженный дефицит эмоционального научения. В контрольной группе здоровых испытуемых таких связей выявлено не было.

Связь результатов выполнения когнитивных тестов с показателями тяжести депрессии

Корреляционный анализ показателей шкалы HDRS-17 и результатов выполнения теста WCST показал, что тяжесть депрессивной симптоматики связана со сложностями в ориентировке в задании в виде положительной корреляции значений суммы баллов шкалы HDRS-17 с показателем «количество ходов на сбор первой категории». Аналогично большая тяжесть депрессии по шкале HDRS-17 была связана с худшим эмоциональным научением в тесте IGT в виде отрицательных корреляций параметров «общий счёт» и «минимум счёта» со значениями общей суммы баллов шкалы HDRS-17.

Связь результатов выполнения когнитивных тестов с параметрами ЭЭГ

Более высокие показатели выполнения теста WCST отмечались у тех больных депрессией, у которых выше значения спектральной мощности основного среднечастотного альфа2-поддиапазона ЭЭГ (9–11 Гц). При больших значениях спектральной мощности медленноволнового дельта-поддиапазона (2–4 Гц) отмечались трудности ориентировки в задании —

больным требовалось больше времени на выполнение теста.

В тесте «10 слов» наблюдалась аналогичная картина: чем выше были значения спектральной мощности альфа2-поддиапазона ЭЭГ, тем лучше было запоминание.

При выполнении теста IGT более высокие значения интегрального показателя IGT ассоциируются с большими значениями спектральной мощности тета2-поддиапазона (6–8 Гц) и альфа1-поддиапазона (8–9 Гц) ЭЭГ в большинстве отведений.

Влияние комбинированной терапии, включающей ТМС, на клинические показатели больных депрессией

У большинства пациентов, включённых в исследование, уже после трёх недель комбинированной антидепрессивной терапии отмечено выраженное улучшение состояния по клиническим оценкам и по показателям шкалы HDRS-17. Среднее по группе значение суммы баллов шкалы HDRS-17 достоверно ($p < 0,001$) уменьшилось с $20,4 \pm 5,8$ перед началом терапии до $7,6 \pm 6,7$ после 15 сеансов ТМС. При этом у 14 из 28 пациентов (50%) сумма баллов по шкале HDRS-17 после 15 сеансов ТМС составила 7 и менее баллов, что соответствует ремиссии — выходу из депрессивного состояния. У 11 из 28 пациентов (40%) она составила от 8 до 14 баллов, что соответствует лёгкой степени тяжести депрессии. Из них у 3 больных (11%) состояние депрессии лёгкой степени тяжести сохранилось — сумма баллов шкалы HDRS-17 уменьшилась менее, чем на 50% (на 32%, 33% и 35% соответственно). И только у двух из 28 пациентов (7%) сумма оценок по шкале HDRS-17 после курса ТМС составила 20 и 23 балла (при исходных значениях, равных 26 баллам), что соответствует сохранению состояния депрессии умеренной степени тяжести.

Таким образом, доля «респондеров» в группе больных депрессией (ранее оценивавшихся как фармакорезистентные) после трёхнедельного курса комбинированной антидепрессивной терапии с применением ТМС левой лобной области ко-

ры составила 79% (22 из 28 пациентов), причём 50% пациентов (14 из 28) вышли в ремиссию.

Динамика ЭЭГ в процессе комбинированной терапии

Изменения пространственно-частотной структуры ЭЭГ в процессе комбинированной терапии представлены на рис. 1.

Статистически достоверные (на уровне $p < 0.05$) изменения отмечены только для усреднённых по группе пациентов значений спектральной мощности альфа1 и альфа3 поддиапазонов ЭЭГ в теменно-затылочных отведениях. Значения спектральной мощности низкочастотного альфа1-поддиапазона ЭЭГ (8–11 Гц) достоверно уменьшились, а высокочастотного альфа3-поддиапазона ЭЭГ (11–13 Гц), напротив, достоверно возросли относительно исходного значения (до начала терапии) после 15 сеансов ТМС (рис. 2), что отражает улучшение функционального состояния задних отделов коры головного мозга.

Значения спектральной мощности среднечастотного альфа2-поддиапазона ЭЭГ (9–11 Гц) в процессе терапии остались практически постоянными. Статистически достоверных изменений средних значений спектральной мощности других узких частотных поддиапазонов

ЭЭГ во всех ЭЭГ-отведениях, включая область воздействия ТМС (отведения F7 и F3), в процессе терапии также не произошло.

Динамика когнитивных функций в процессе комбинированной терапии

Как показывают результаты теста WCST, по окончании курса ТМС значительно ($p < 0,05$) уменьшились средние по группе пациентов значения «процента ошибочных ответов», «процента персевераторных ошибок» и «количества персевераторных ответов на предыдущий ход». Это свидетельствует об улучшении функционирования как лобных и префронтальных отделов коры (основной «мишени» ТМС), ответственных за программирование и контроль (третьего функционального блока, по А.Р.Лурия [21]), так и лобно-лимбико-ретикулярных связей, связанных с энергетическим обеспечением работы мозга, его регуляцией и активацией (первого функционального блока, по А.Р.Лурия [21]).

Клинико-психологические корреляции

После проведённого курса терапии, включавшего ТМС, улучшение клинического состояния пациентов в виде снижения значений показателей шкалы HDRS-17 достоверно коррелировало

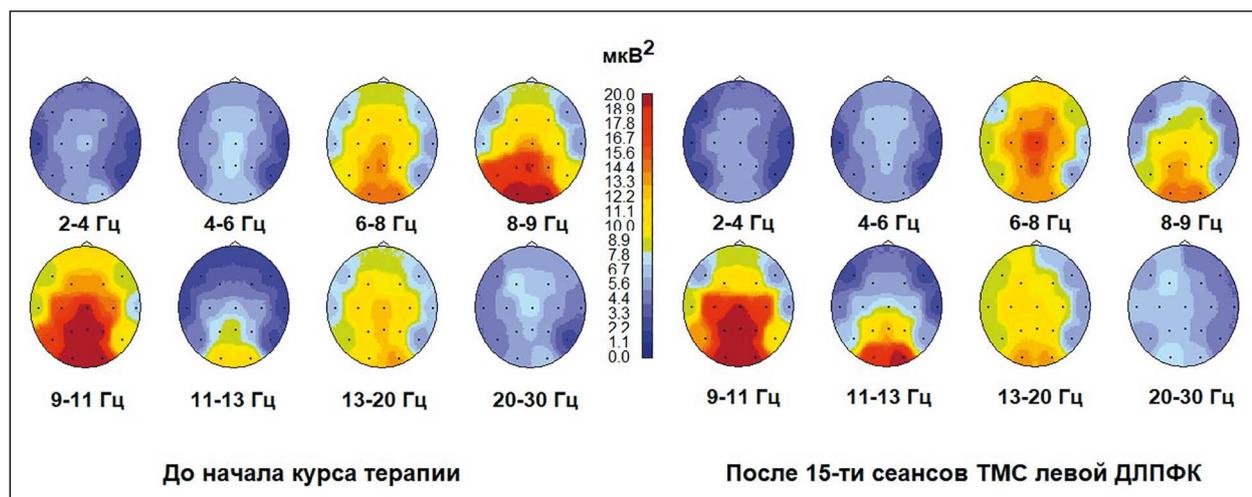

Рис. 1. Топографические карты значений спектральной мощности 8 узких частотных поддиапазонов ЭЭГ до начала комбинированной антидепрессивной терапии и после 15 сеансов ТМС дорсолатеральной префронтальной коры левого полушария. Границы частотных поддиапазонов ЭЭГ (в Гц) указаны под каждой картой, цветная шкала значений спектральной мощности (в мкВ²)

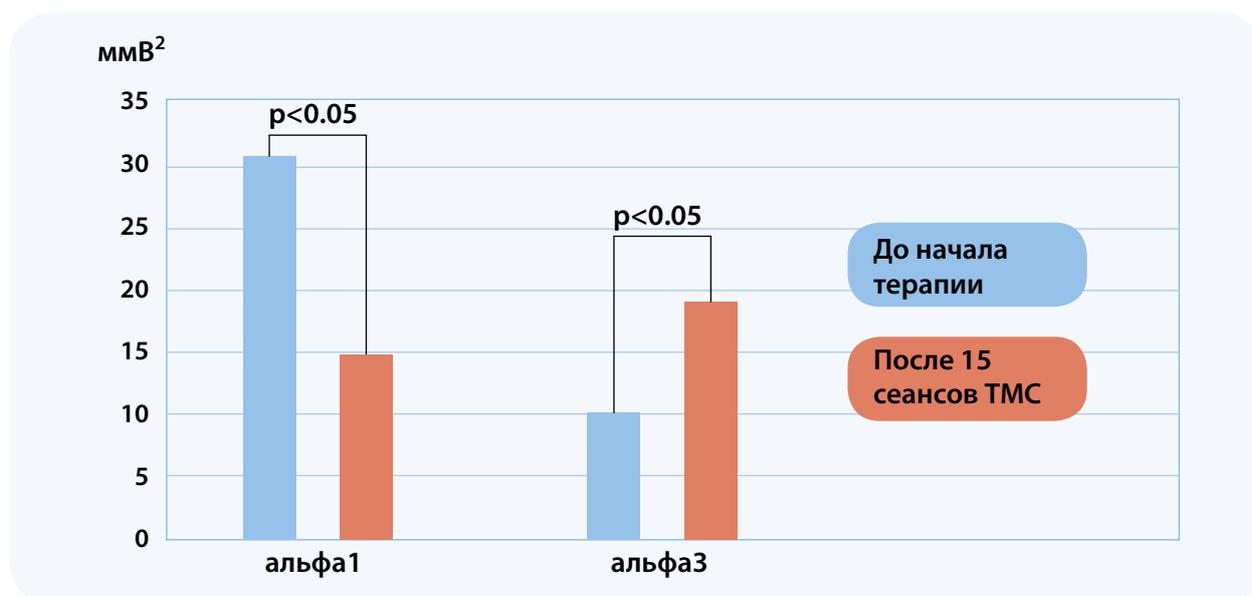

Рис. 2. Значения спектральной мощности альфа1 (8–9 Гц) и альфа3 (11–13 Гц) частотных поддиапазонов ЭЭГ в теменно-затылочных отведениях до начала комбинированной антидепрессивной терапии и после 15 сеансов ТМС дорсолатеральной префронтальной коры левого полушария. ДЛПФК — дорсолатеральная префронтальная кора

с улучшением выполнения теста WCST. Пациенты, у которых была больше разница сумм баллов шкалы HDRS-17 до начала терапии и после курса ТМС, обнаруживали меньший «процент персевераторных ошибок» ($r = -0,641$; $p < 0,05$).

Таким образом, в результате комбинированной антидепрессивной терапии с применением ТМС левой ДЛПФК у большинства пациентов параллельно с выраженным улучшением клинического и функционального состояния головного мозга происходит улучшение когнитивных функций.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показывают, что при депрессии отмечается дефицит способности принимать решения, основанные как на логике (в тесте WCST), так и на базе эмоционального научения (в тесте IGT), что неизбежно должно негативно сказываться на профессиональном и социальном функционировании пациентов [6, 28]. Выраженность этого нейрокогнитивного дефицита связана с большей тяжестью депрессии.

В нашей работе впервые выявлены корреляции между психометрическими показателями и исходными (до начала курса терапии) параметрами фоновой ЭЭГ у больных депрессией. При этом лучшие показатели выполнения тестов WCST и «10 слов», требующих логического мышления и памяти, отмечены у тех пациентов, у которых был хорошо выражен среднечастотный компонент альфа-ритма ЭЭГ — альфа2 (9–11 Гц), что указывает на лучшее функциональное состояние коры головного мозга. Напротив, трудности в освоении и выполнении теста WCST ассоциировались с ЭЭГ-признаками сниженного функционального состояния передних областей коры головного мозга, т.е. «гипофронтальности», что проявлялось в более высоких значениях спектральной мощности дельта-активности (2–4 Гц) в лобно-центрально-височных ЭЭГ-отведениях (F3, C4 и T3). Видимо, дефицит функций принятия решений (особенно основанных на логике) у больных депрессией, по крайней мере отчасти, обусловлен недостаточностью нейрофизиологических механизмов торможения

вследствие ослабления тормозного контроля со стороны лобных и префронтальных отделов коры головного мозга.

С другой стороны, те пациенты, у которых отмечались признаки «гипофронтальности», относительно лучше других выполняли тест IGT. У этих больных отмечались более высокие значения спектральной мощности тета2 (6–8 Гц) ЭЭГ-активности в лобно-височных и центральных отведениях. По-видимому, сниженное функциональное состояние передних (лобно-центрально-височных) областей коры головного мозга («гипофронтальность»), отражающееся в виде преобладания низкочастотных компонентов ЭЭГ, может приводить к растормаживанию подкорковых, в том числе лимбических гиппокампальных, структур, ответственных за эмоциональное поведение, что проявляется в виде больших значений спектральной мощности тета-ритма ЭЭГ. Возможно, именно с этим механизмом связано относительно лучшее выполнение теста IGT, требующего эмоционального научения, пациентами с ЭЭГ-признаками «гипофронтальности».

При этом те больные, которые хуже выполняли WCST, показали относительно лучшие результаты при выполнении IGT, т.е. демонстрировали менее выраженный дефицит эмоционального научения. Это позволяет говорить о наличии у больных депрессией «компенсаторного сдвига» от одного механизма принятия решений (логического) в сторону другого (интуитивного). Этот феномен, впервые обнаруженный в настоящей работе, по-видимому, является специфичным для больных депрессией, поскольку в группах здоровых испытуемых показатели качества выполнения тестов WCST и IGT не были связаны между собой [22, 29].

Положительные эффекты комбинированной терапии, включавшей приём антидепрессантов и ТМС, касались не только симптомов собственно депрессии, но и ЭЭГ-показателей функционального состояния головного мозга, а также улуч-

шения ряда когнитивных функций, и проявились уже после трёхнедельного курса лечения. При этом доля «респондеров» оказалась очень высока (почти 80%), а половина пациентов вышла в ремиссию. Учитывая, что при предшествующих госпитализациях клинический эффект антидепрессивной фармакотерапии у этих пациентов оказывался недостаточным, а эффект приёма антидепрессантов обычно только начинает проявляться после 3–4 недель лечения, можно утверждать, что высокочастотная ТМС передних отделов левого полушария (левой дорсолатеральной префронтальной коры) не только существенно усиливает, но и ускоряет действие антидепрессантов.

Заключение

Даже короткий курс высокочастотной ТМС дорсолатеральной префронтальной коры левого полушария существенно усиливает и ускоряет действие антидепрессантов у пациентов с ранее диагностированной фармакорезистентной депрессией. Положительный эффект ТМС касается как уменьшения выраженности симптомов депрессии, так и улучшения функционального состояния головного мозга и улучшения ряда нарушенных когнитивных функций. Терапевтический эффект ТМС, по-видимому, опосредован активацией не только самой префронтальной коры, но и тесно связанных с ней подкорковых структур головного мозга.

Высокочастотная ТМС дорсолатеральной префронтальной коры левого полушария в составе комбинированной терапии депрессивных расстройств является перспективным нелекарственным неинвазивным способом коррекции клинического состояния, функционального состояния головного мозга и когнитивного функционирования больных депрессией, а также методом преодоления фармакорезистентности, что позволит оптимизировать лечение такого тяжёлого социально-значимого заболевания, как депрессия.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Health Organization. Depression // WHO Statistics, 2011.
2. Austin M.P., Mitchell P., Goodwin G.M. Cognitive deficits in depression: possible implications for functional neuropathology // Br. J. Psychiatry. 2001. Vol. 178. P. 200–206.
3. Cohen R., Lohr I., Paul R., Boland R. Impairments of attention and effort among patients with major affective disorders // J. Neuropsychiatry Clin. Neurosci. 2001. Vol. 13. № 3. P. 385–395.
4. Ellwart T., Rinck M., Becker E.S. Selective memory and memory deficits in depressed inpatients // Depress. Anxiety. 2003. Vol. 17. № 4. P. 197–206.
5. Farrin L., Hull L., Unwin C., Wykes T., David A. Effects of depressed mood on objective and subjective measures of attention // J. Neuropsychiatry Clin. Neurosci. 2003. Vol. 15. № 1. P. 98–104.
6. Stordal K.I., Lundervold A.J., Egeland J., Mykletun A., Asbjornsen A., Landro N.I., Roness A., Rund B.R., Sundet K., Oedegaard K.J., Lund A. Impairment across executive functions in recurrent major depression // Nord. J. Psychiatry 2004. Vol. 58. № 1. P. 41–47.
7. Castaneda A.E., Tuulio-Henriksson A., Marttunen M., Suvisaari J., Lonnqvist J. A review on cognitive impairments in depressive and anxiety disorders with a focus on young adults // J. Affect. Disord. 2008. Vol. 106. № 1–2. P. 1–27.
8. Adida M., Jollant F., Clark L., Besnier N., Guillaume S., Kaladjian A., Mazzola-Pomietto P., Jeanningros R., Goodwin G.M., Azorin J.M., Courtet P. Trait-related decision-making impairment in the three phases of bipolar disorder // Biol. Psychiatry. 2011. Vol. 70. № 4. P. 357–365.
9. Iznak A.F., Medvedeva T.I., Iznak E.V., Oleichik I.V., Bologov P.V., Kobzova M.P. Disruption of Neurocognitive Decision-Making Mechanisms in Depression // Human Physiology. 2016. Vol. 42. № 6. P. 598–605.
10. Митихина И.А., Митихин В.Г., Ястребов В.С., Лиманкин О.В. Психическое здоровье населения Российской Федерации в период 1992–2010 гг.: эпидемиологический аспект // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 2013. Т. 113. № 9. С. 4–13.
11. Мосолов С.Н. Резистентность к психофармакотерапии и методы ее преодоления // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. № 4. С. 132–136.
12. Fagiolini A., Kupfer D.J. Is treatment-resistant depression a unique subtype of depression? // Biol. Psychiatry. 2003. Vol. 53. P. 640–648.
13. Fava M. Diagnosis and definition of treatment-resistant depression // Biological Psychiatry. 2003. Vol. 53. No. 8. P. 649–659.
14. Быков Ю.В., Беккер Р.А., Резников М.К. Депрессии и резистентность (практическое руководство). М.: ИНФРА-М, 2012.
15. Мазо Г.Э., Незнанов Н.Г. Терапевтически резистентные депрессии. СПб.: Береста, 2012.
16. Тиганов А.С., Копейко Г.И., Брусов О.С., Ключник Т.П. Новое в исследовании патогенеза и терапии эндогенной депрессии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2012. Т. 112. № 11. С. 65–72.
17. Padberg F., Zwanzger P., Thoma H., Kathmann N., Haag C., Greenberg B.D., Hampel H., Muller H.J. Repetitive transcranial magnetic stimulation (rTMS) in pharmacotherapy-refractory major depression: comparative study of fast, slow and sham rTMS // Psychiatry Research. 1999. Vol. 88. P. 163–171.
18. Gross M., Nakamura L., Pascual-Leone A., Fregni F. Has repetitive transcranial magnetic stimulation (rTMS) treatment for depression improved? A systematic review and meta-analysis comparing the recent vs. the earlier rTMS studies. // Acta Psychiatr. Scand. 2007. Vol. 116. № 3. P. 165–173.
19. Noda Y., Nakamura M., Saeki T., Inoue M., Iwanari H., Kasai K. Potentiation of quantitative electroencephalograms following prefrontal repetitive transcranial magnetic stimulation in patients with major depression // Neuroscience Research. 2013. Vol. 77. № 1–2. P. 70–77.

20. Hamilton M.Y. Psychopathology of depressions: quantitative aspects / Psychopathology of depression. Helsinki, 1980. P. 201–205.
21. Лурья А.Р. Основы нейропсихологии. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2004.
22. Heaton R.K. WCST: CV4 Wisconsin Card Sorting Test: Computer Version 4 (Research Ed.). Lutz: Psychological Assessment Resources, 2003.
23. Stuss D.T., Levine B., Alexander M.P., Hong J., Palumbo C., Hamer L., Murphy K.J., Izukawa D. Wisconsin Card Sorting Test performance in patients with focal frontal and posterior brain damage: effects of lesion location and test structure on separable cognitive processes // Neuropsychologia. 2000. Vol. 38. № 4. P. 388–402.
24. Bechara A., Damasio A.R., Damasio H., Anderson S.W. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // Cognition. 1994. Vol. 50. № 1–3. P. 7–15.
25. Медведева Т.И., Ениколопова Е.В., Ениколопов С.Н. Гипотеза соматических маркеров Дамасио и игровая задача (IGT): обзор // Психологические исследования. 2013. № 6. С. 12–21.
26. Must A., Horvath S., Nemeth V.L., Janka Z. The Iowa Gambling Task in depression – what have we learned about sub-optimal decision-making strategies? // Front. Psychol. 2013. Vol. 4. P. 732–741.
27. Митрофанов А.А. Компьютерная система анализа и топографического картирования электрической активности мозга с нейрометрическим банком ЭЭГ-данных (описание и применение). М., 2005.
28. Must A., Szabo Z., Bodi N., Szasz A., Janka Z., Keri S. Sensitivity to reward and punishment and the prefrontal cortex in major depression // J. Affect. Disord. 2006. Vol. 90. № 2–3. P. 209–215.
29. Медведева Т.И., Большакова С.П., Зинченко О.О., Ениколопова Е.В. Принятие основанных на эмоциях решений в ситуации неопределенности // Психологические исследования. 2015. № 8. С. 10–15.

ENGLISH

New Approaches to Treating Depression: Impact of Transcranial Magnetic Stimulation

Andrey Fyodorovich Iznak – Dr. Sc. of Biology, head of the neurophysiology lab, Mental Health Research Center, supervisor of the project “New Approaches to Boosting the Efficacy of Treating Socially Significant Mental Illnesses” (15-06-10541a).

E-mail: iznak@inbox.ru

Ekaterina Vyacheslavovna Iznak – Cand. Sc. of Biology, senior research fellow of the neurophysiology lab, Mental Health Research Center, researcher in the same project.

E-mail: ek_iznak@mail.ru

Igor Valentinovich Oleychik – Dr. Sc. of Medicine, chief research fellow, department for the research of endogenous mental illnesses and emotionally-affected states, Mental Health Research Center, researcher in the same project.

E-mail: i.oleichik@mail.ru

Tatiana Igorevna Medvedeva – research fellow of the medical psychology department, Mental Health Research Center, researcher in the same project.

E-mail: medvedeva.ti@gmail.com

A comprehensive clinical, psychological and neurophysiological study shows that even a short course of high-frequency transcranial magnetic stimulation (TMS) of the frontal left hemisphere of the cerebral cortex (dorsolateral prefrontal cortex (DLPFC)) largely enhances and accelerates the effects of antidepressants by relieving the symptoms of depression and improving the func-

tional condition of the brain and impaired cognitive functions used in the logical and intuitive decision-making. Here, the therapeutic effects of TMS rely on the activation of not only the left hemisphere DLPFC itself, but also of a number of related subcortical brain structures.

The study shows that high-frequency TMS of the left hemisphere DLPFC as part of a combination treatment of depression is a promising non-invasive non-medicated method for overcoming drug resistance, improving the clinical state, functional state of the brain and cognitive functioning of patients with depression.

Keywords: depression, neurocognitive deficit, decision-making, emotional learning, combination treatment, transcranial magnetic stimulation, quantitative EEG, psychological testing

REFERENCES

1. World Health Organization. Depression // WHO Statistics, 2011.
2. Austin M.P., Mitchell P., Goodwin G.M. Cognitive deficits in depression: possible implications for functional neuropathology // Br. J. Psychiatry. 2001. Vol. 178. P. 200–206.
3. Cohen R., Lohr I., Paul R., Boland R. Impairments of attention and effort among patients with major affective disorders // J. Neuropsychiatry Clin. Neurosci. 2001. Vol. 13. № 3. P. 385–395.
4. Ellwart T., Rinck M., Becker E.S. Selective memory and memory deficits in depressed inpatients // Depress. Anxiety. 2003. Vol. 17. № 4. P. 197–206.
5. Farrin L., Hull L., Unwin C., Wykes T., David A. Effects of depressed mood on objective and subjective measures of attention // J. Neuropsychiatry Clin. Neurosci. 2003. Vol. 15. № 1. P. 98–104.
6. Stordal K.I., Lundervold A.J., Egeland J., Mykletun A., Asbjornsen A., Landro N.I., Roness A., Rund B.R., Sundet K., Oedegaard K.J., Lund A. Impairment across executive functions in recurrent major depression // Nord. J. Psychiatry 2004. Vol. 58. № 1. P. 41–47.
7. Castaneda A.E., Tuulio-Henriksson A., Marttunen M., Suvisaari J., Lonnqvist J. A review on cognitive impairments in depressive and anxiety disorders with a focus on young adults // J. Affect. Disord. 2008. Vol. 106. № 1–2. P. 1–27.
8. Adida M., Jollant F., Clark L., Besnier N., Guillaume S., Kaladjian A., Mazzola-Pomietto P., Jeaningros R., Goodwin G.M., Azorin J.M., Courtet P. Trait-related decision-making impairment in the three phases of bipolar disorder // Biol. Psychiatry. 2011. Vol. 70. № 4. P. 357–365.
9. Iznak A.F., Medvedeva T.I., Iznak E.V., Oleichik I.V., Bologov P.V., Kobzova M.P. Disruption of Neurocognitive Decision-Making Mechanisms in Depression // Human Physiology. 2016. Vol. 42. № 6. P. 598–605.
10. Mitikhina I.A., Mitikhin V.G., Yastrebov V.S., Limankin O.V. Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya Rossiyskoy Federatsii v period 1992–2010 gg.: epidemiologicheskii aspekt // Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. C.C. Korsakova 2013. T. 113. № 9. S. 4–13 (in Russian).
11. Mosolov S.N. Rezistentnost' k psikhofarmakoterapii i metody ee preodoleniya // Psikhiiatriya i psikhofarmakoterapiya. 2002. № 4. S. 132–136 (in Russian).
12. Fagiolini A., Kupfer D.J. Is treatment-resistant depression a unique subtype of depression? // Biol. Psychiatry. 2003. Vol. 53. P. 640–648.
13. Fava M. Diagnosis and definition of treatment-resistant depression // Biological Psychiatry. 2003. Vol. 53. No. 8. P. 649–659.
14. Bykov Yu.V., Bekker R.A., Reznikov M.K. Depressii i rezistentnost' (prakticheskoe rukovodstvo). M.: INFRA-M, 2012 (in Russian).

15. Mazo G.E., Neznanov N.G. Terapevticheski rezistentnyye depressii. SPb.: Beresta, 2012 (in Russian).
16. Tiganov A.S., Kopeyko G.I., Brusov O.S., Klyushnik T.P. Novoe v issledovanii patogeneza i terapii endogennoy depressii // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. 2012. T. 112. № 11. С. 65–72 (in Russian).
17. Padberg F., Zwanzger P., Thoma H., Kathmann N., Haag C., Greenberg B.D., Hampel H., Muller H.J. Repetitive transcranial magnetic stimulation (rTMS) in pharmacotherapy-refractory major depression: comparative study of fast, slow and sham rTMS // Psychiatry Research. 1999. Vol. 88. P. 163–171.
18. Gross M., Nakamura L., Pascual-Leone A., Fregni F. Has repetitive transcranial magnetic stimulation (rTMS) treatment for depression improved? A systematic review and meta-analysis comparing the recent vs. the earlier rTMS studies. // Acta Psychiatr. Scand. 2007. Vol. 116. № 3. P. 165–173.
19. Noda Y., Nakamura M., Saeki T., Inoue M., Iwanari H., Kasai K. Potentiation of quantitative electroencephalograms following prefrontal repetitive transcranial magnetic stimulation in patients with major depression // Neuroscience Research. 2013. Vol. 77. № 1–2. P. 70–77.
20. Hamilton M.Y. Psychopathology of depressions: quantitative aspects / Psychopathology of depression. Helsinki, 1980. P. 201–205.
21. Luriya A.R. Osnovy neyropsikhologii. 3-e izd. M.: Izd-vo MGU, 2004 (in Russian).
22. Heaton R.K. WCST: CV4 Wisconsin Card Sorting Test: Computer Version 4 (Research Ed.). Lutz: Psychological Assessment Resources, 2003.
23. Stuss D.T., Levine B., Alexander M.P., Hong J., Palumbo C., Hamer L., Murphy K.J., Izukawa D. Wisconsin Card Sorting Test performance in patients with focal frontal and posterior brain damage: effects of lesion location and test structure on separable cognitive processes // Neuropsychologia. 2000. Vol. 38. № 4. P. 388–402.
24. Bechara A., Damasio A.R., Damasio H., Anderson S.W. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // Cognition. 1994. Vol. 50. № 1–3. P. 7–15.
25. Medvedeva T.I., Enikolopova E.V., Enikolopov S.N. Gipoteza somaticheskikh markerov Damasio i igrovaya zadacha (IGT): obzor // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 12–21 (in Russian).
26. Must A., Horvath S., Nemeth V.L., Janka Z. The Iowa Gambling Task in depression – what have we learned about sub-optimal decision-making strategies? // Front. Psychol. 2013. Vol. 4. P. 732–741.
27. Mitrofanov A.A. Komp'yuternaya sistema analiza i topograficheskogo kartirovaniya elektricheskoy aktivnosti mozga s neyrometricheskim bankom EEG-dannykh (opisanie i primeneniye). M., 2005 (in Russian).
28. Must A., Szabo Z., Bodi N., Szasz A., Janka Z., Keri S. Sensitivity to reward and punishment and the prefrontal cortex in major depression // J. Affect. Disord. 2006. Vol. 90. № 2–3. P. 209–215.
29. Medvedeva T.I., Bol'shakova S.P., Zinchenko O.O., Enikolopova E.V. Prinyatie osnovannykh na emotsiyakh resheniy v situatsii neopredelennosti // Psikhologicheskie issledovaniya 2015. № 8. S. 10–15 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-137-146

**А.Н. ВОРОШИЛОВ, В.С. БАТЧЕНКО,
Д.О. ДРЫГА, С.С. ГОРЛАНОВ***

Полевые исследования антропогенных ландшафтов периферии азиатского Боспора

В статье сообщается о возможностях реализации, пожалуй, одного из самых прогрессивных неструктивных методов – фотограмметрического исследования поселенческих структур и отдельных памятников археологии.

Ключевые слова: Боспорское государство, классическая археология, аэрофотогеодезия, фотограмметрия, геоинформационные системы

Боспорское государство появляется на политической карте Древнего мира в начале V в. до н.э. Его экономика изначально базировалась на производстве и вывозе хлеба, поэтому крупнейшими экспортёрами для Боспорского царства были сами правители и их приближённые. В связи с этим правящие династии – Археанактиды (по 438 г. до н.э.), затем Спартокиды – энергично расширяли пределы Боспора прежде всего в хлебопроизво-

дящих районах. Судя по данным письменных и археологических источников, в эллинистическую эпоху боспорские владения включают самые значительные пространства, причём наиболее обширные в азиатской части: в дельте рек Дон и Кубань, а также в предгорьях Северо-Западного Кавказа.

С природно-географической точки зрения на этой территории выделяются два хлебопроизводящих региона: расположенный в дельте реки Кубань Та-

* **Ворошилов Алексей Николаевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии (ИА) РАН, руководитель проекта «Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным геоинформационного картирования археологических памятников» (16-06-00564а).

E-mail: voroshilov-aleksej@yandex.ru

Батченко Виктория Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

Дрыга Данила Олегович — младший научный сотрудник Межотраслевого научно-инженерного центра «ИМПУЛЬС» Московского государственного университета геодезии и картографии, исполнитель того же проекта.

E-mail: hopkuh@gmail.com

Горланов Сергей Сергеевич — аспирант ИА РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: gsstraur@mail.ru

Рис. 1. Памятники периферийных районов азиатского Боспора: 1 — Фанагория; 2 — Горгиппия; 3 — Семибратнее городище (Лабрита); 4 — Семибратние курганы; 5 — Краснобатарейное городище; 6 — Раевское городище

манский полуостров, являвшийся в античное время островом или архипелагом (от двух до пяти островов) со столичным центром — Фанагорией, а также юго-восточная периферия Боспора (полуостров Абрау), расположенная на северокавказском побережье между античными Горгиппией и Батой. Менее очевидны пределы восточных владений азиатского Боспора. Это, прежде всего, пространства, связанные с южными притоками реки Кубань, население которых с V в. до н.э. находилось в зависимости от Боспора (рис. 1).

В основу проекта «Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным геоинформационного картирования археологических памятников» положены данные об элементах культурного ландшафта античного времени — системе бытовых и погребальных памятников археоло-

логии VI в. до н.э. — V в. н.э., выявленных в ходе многолетних исследований в указанных регионах. Эта система имеет иерархическую структуру, отражая особенности расселения в определённые исторические периоды. Сбор, хранение и анализ информации о поселенческих структурах в ходе выполнения проекта осуществлялись в специальном программном ресурсе (*ArcMap (9 версия)/Quantum GIS*). Фиксация уже известных и выявление неизвестных памятников в полевых условиях производились с помощью GPS-приёмников. Наиболее значительные системы расселения выявлены на хоре (хозяйственной периферии) античной Горгиппии (рис. 2).

Результативность одного из самых прогрессивных неинвазивных методов — фотограмметрического исследования поселенческих структур и отдельных памятников археологии для археологических исследований — проиллюстри-

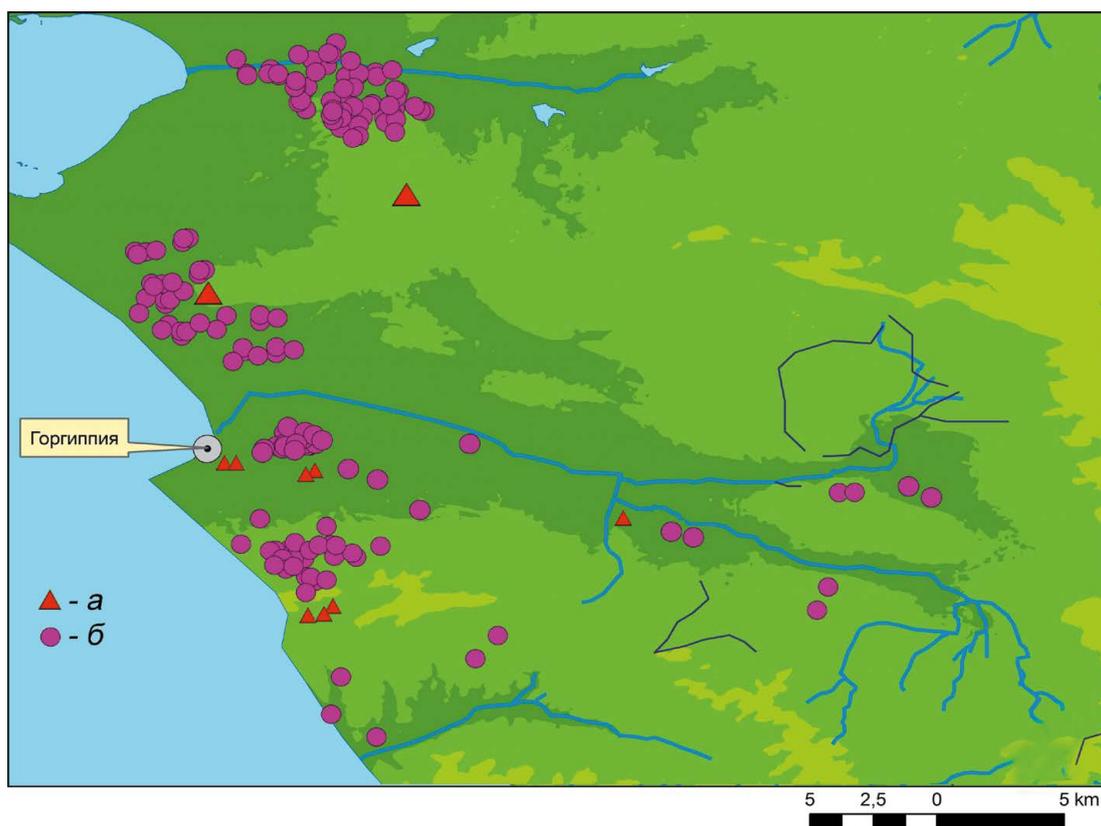

Рис. 2. Хора античной Горгиппии: а — подкурганые склеповые захоронения; б — поселения (вып. Г.В. Требелевой)

рована на примере наиболее значительных археологических комплексов, которые тысячелетиями венчают антропогенный ландшафт. Ныне они вписаны в современный ландшафт, но, как правило, хранят следы внимания исследователей прежних лет — следы археологических раскопок.

Речь идёт о создании нового источника данных по исследуемому объекту в виде цифровой модели, причём важным обстоятельством является высокая точность фотограмметрических данных, а также возможность использования их в различных программных продуктах. В частности, цифровая модель позволяет предложить обоснованную фотореалистичную версию облика исследуемых памятников античного периода. Трёхмерная модель, созданная в специализированных программах для фотограмметрической обработки, является одним из основных источников данных для построения виртуальной реконструк-

ции в программах 3D-моделирования и проектирования (SketchUp и ArchiCAD).

В ходе проведения комплексных полевых работ на исследуемых объектах были использованы технологии наземной тахеометрической, аэрофототопографической и короткобазисной (наземной фотограмметрической) съёмок. Методики и технологии выбирались в зависимости от свойств исследуемого объекта и требований к конечным материалам.

Исследуемые объекты расположены в различных регионах периферийной зоны азиатского Боспора. В восточной части находятся два известных ещё в конце XIX – начале XX в. археологических памятника Семибратнее и Краснобатареинное городища (см. рис. 1).

Семибратнее городище

На Семибратнем городище (Лабрита в письменных источниках [2, с. 34–47]) локализуется политический центр обширной

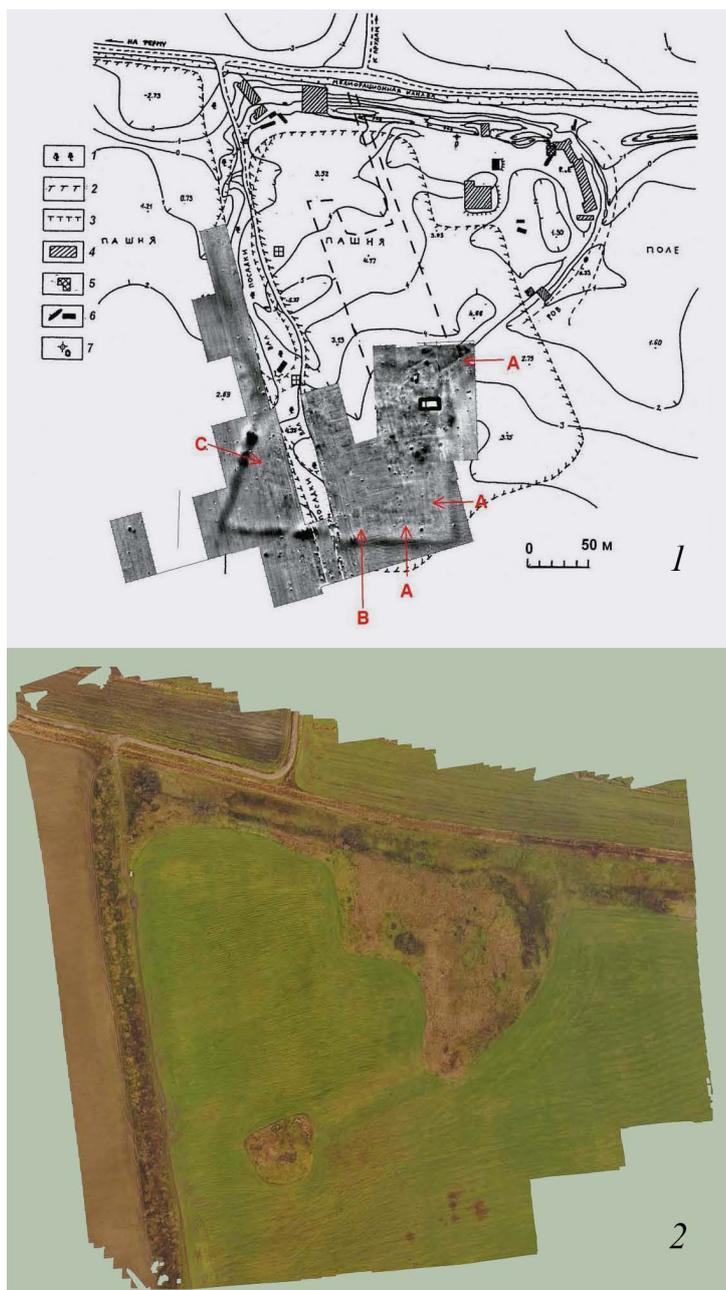

Рис. 3. Семибратнее городище: 1 — топоплан с нанесёнными результатами магниторазведки (по Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Елисеев А.Ю., 2010); 2 — фотограмметрия памятника

области или даже государственного образования, известного в письменных источниках под названием «Синдика». На Семибратнем городище, расположенном на левой надпойменной террасе реки Кубань, В.Г.Тизенгаузен начал археологические раскопки ещё в 1878 г. В результате археологических работ 1937–1953 гг. экспедиция Краснодарского краевого музея

под руководством Н.В.Анфимова раскопала участки крепостных стен, окружавшие городище, и фундамент каменного здания эпохи эллинизма. Наиболее масштабные работы развернулись в последние десятилетия: помимо археологических работ в центральной части памятника, были проведены анализ аэрофотосъёмки 1970-х гг. площади памятника и магниторазведка значительной площади городища [5, с. 58–62]. Это позволило получить более определённое представление о топографии данного античного центра (рис. 3, 1).

Фотограмметрические исследования выполнялись для выявления элементов антропогенного рельефа. Основная часть объекта находится на территории действующих сельскохозяйственных угодий с полосой лесонасаждений, в связи с чем работы на объекте проводились в зимнее время года, когда влияние растительности на рельеф минимизировано. На данном объекте площадью около 20 га выполнена площадная съёмка с малых высот, позволившая оперативно получить требуемую информацию о рельефе. Этот материал был представлен в формате цифровой матрицы высот и ортофотоплана — для удобства анализа и дальнейшей обработки, в частности для цифровой реконструкции фортификационной системы исследуемого объекта (рис. 3, 2; 4).

Исследования, связанные с городищем Семибратних курганов, проводились в XIX в. Они выявили следы значительных ограблений и позволили датировать погребальные комплексы V – началом IV в. до н.э. [4, с. 351–363; 3, с. 179 и сл.]. Несмотря на грандиозность объектов, полевые исследования со времён В.Г.Тизенгаузена (1875–1876) на этом памятнике не про-

водились, поэтому в историографии до сих пор существуют довольно смутные представления о топографии памятника.

При съёмке Семибратних курганов также производилась надирная площадная съёмка, она охватила гораздо большие площади — около 150 га, однако для построения детальных трёхмерных моделей дополнительно использовалась перспективная съёмка с малых высот группы основных курганов. Часть курганов находится в лесной полосе, что затрудняет получение точного рельефа по данным аэрофотосъёмки. Использование трёхмерных моделей позволяет визуализировать взаимное расположение курганов и получить необходимую информацию (рис. 5).

Проведённые исследования помогли актуализировать наши знания о топографии памятника в целом и о каждом кургане в отдельности. Точность данных при этом составила 5 см в плане и порядка 20 см по высоте. В наиболее обобщённом виде эти данные были представлены в 3D-модели, которая была дополнена реконструкцией системы захоронений под насыпью Седьмого кургана (см. рис. 5).

Краснобатарейное городище

На восточной оконечности рассматриваемой территории в непосредственной близости от судоходной до недавних пор реки Адагум располагается Краснобатарейное городище (см. рис. 1). Местоположение этого центра позволяло контролировать водное и сухопутное сообщение: ширина полосы развития террас в долине реки Адагум не более 2 км, южнее начинается предгорная область, абсолютные отметки которой составляют 60–100 м.

О пограничной функции памятника, по наблюдениям одних из первых иссле-

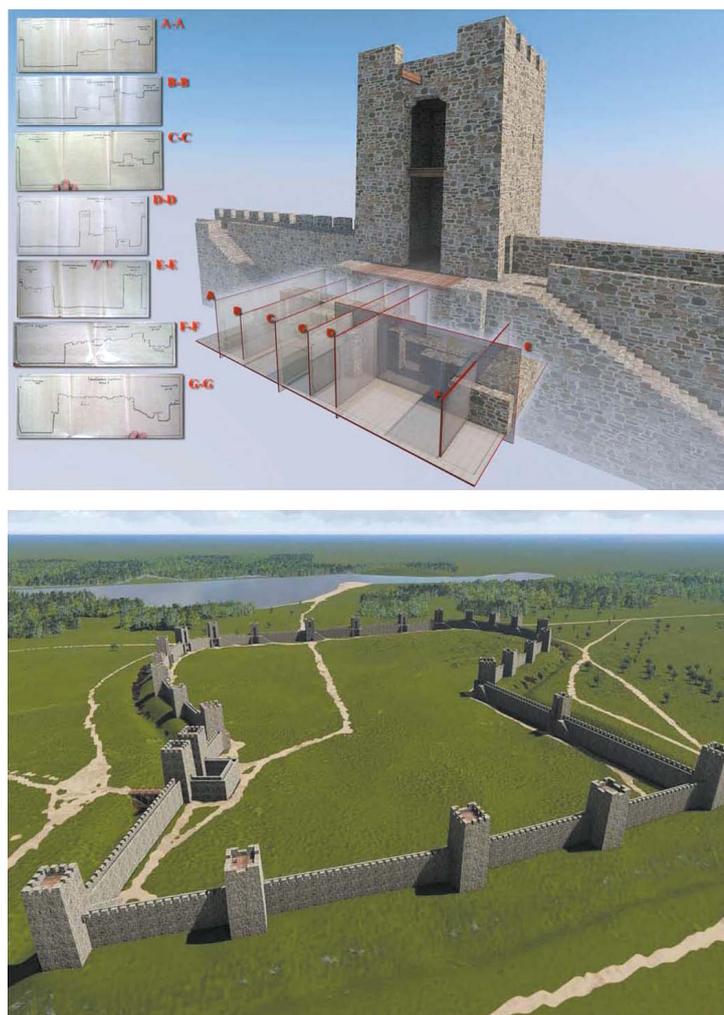

Рис. 4. Семибратнее городище: 3D-реконструкция фортификационных сооружений города (вып. В.В. Моор)

дователей этого комплекса Н.А. Захарова и Н.В. Анфимова, свидетельствуют протянувшийся с ССВ на ЮЮЗ вал (общим протяжением 1046 м³) и расположенные с ним по одной линии два холмообразных сооружения: холм «А» и курганообразная возвышенность. С восточной стороны вала на неравных промежутках были видны пять полукруглых выступов, которые Н.В. Анфимов считал остатками башен. Холм «А» — цитадель, окружённая кольцевым рвом, а также примыкающий к нему с севера участок «В» — возвышенная платформа — типичны для меотских городищ. Западнее расположено прямоугольное в плане крепостное сооружение (рис. 6).

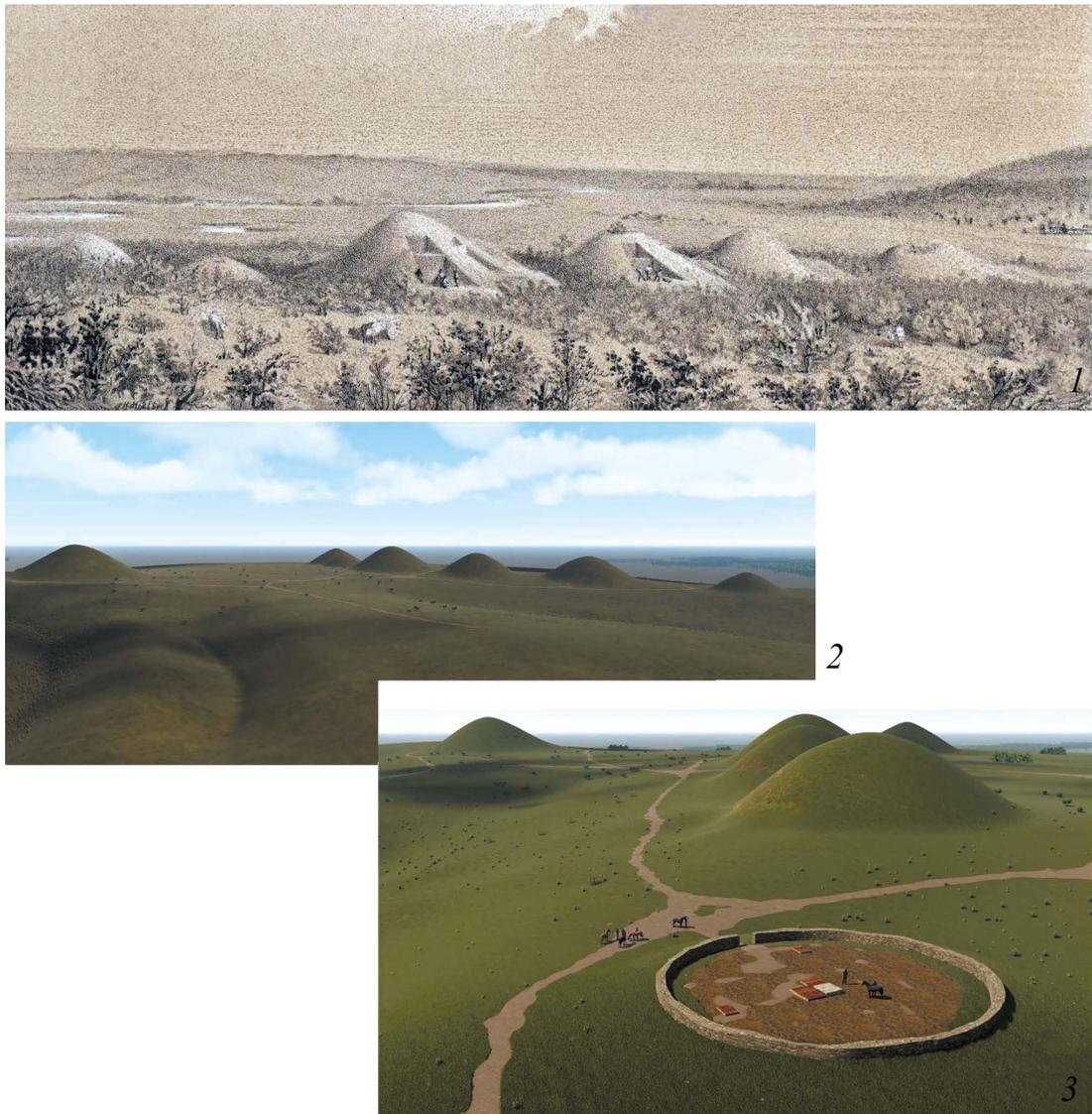

Рис. 5. Семибратние курганы: 1 — литография (ОАК за 1876 г. СПб., 1879); 2,3 — 3D-реконструкция могильника и погребальных сооружений 7-го Семибратнего кургана (вып. В.В. Моор)

Планирование аэросъёмочных работ на Краснобатареинном городище велось по данным архивных и актуальных данных. Так, на немецких снимках 1943 г. отчётливо читается вал (рис. 7, 1), простирающийся от восточной крепости на ЮЮЗ до курганообразной возвышенности, сохранившийся и до наших дней. Привязка архивной аэрофотосъёмки производилась по характерным контурам, подвергшимся минимальным изменениям. Площадная аэрофотосъёмка не позволила выявить характерный перепад высот на территории, где ранее располагался вал, однако зафиксированы заметные изменения в состоянии растительности. На территории пря-

моугольной в плане крепости осуществлялась перспективная съёмка с малых высот (15–50 м). По полученным с беспилотной аэрофотосъёмочной системы снимкам были созданы матрица высот на территорию вала и крепостей, а также трёхмерная модель основной крепости, по которой можно выполнить анализ объёмов используемого при сооружении грунта. Предложена и цифровая реконструкция фортификационных сооружений античного комплекса (рис. 7, 2).

Раевское городище

Как показали археологические исследования, помимо античной Горгиппии, наи-

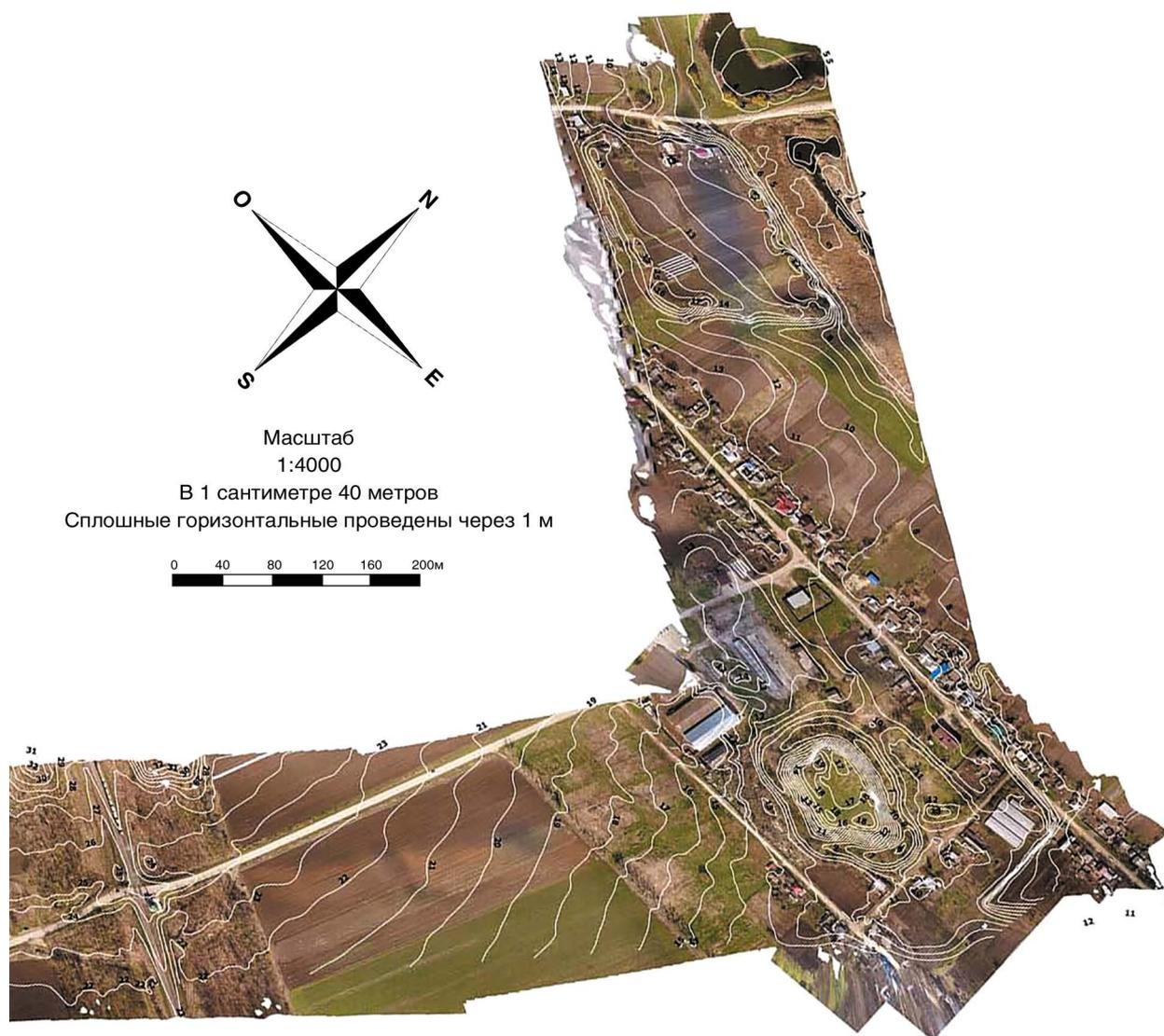

Рис. 6. Краснобатареиное городище: фотограмметрия памятника с полученными горизонталями

более значительным центром юго-восточной периферии азиатского Боспора являлось Раевское городище (см. рис. 1). Оно бытовало с эпохи энеолита до нового времени, но наиболее значительные изменения антропогенный ландшафт памятника претерпел в античную эпоху — в III–I вв. до н.э.

Целый комплекс естественных факторов облегчал защиту этого центра от вражеского нападения: городище располагалось на естественной скальной возвышенности, её северный склон к реке Маскага, высотой свыше 20 м, имел уклон более 30°. Пространство с юга представляло собой лощину, естественный сток

к Маскаге. Внешним оборонительным рубежом этого центра служила валобразная земляная насыпь по границе городища, которая очерчивает неправильный четырёхугольник, вытянутый с севера на юг. На насыпи, высота которой местами достигала пяти метров, в раннеримское время возвышалась оборонительная стена, усиленная девятью оборонительными башнями. В последние десятилетия изучались пять из девяти башенных сооружений и расположенная в северо-восточном углу цитадель Раевского городища [1, с. 138–145].

Раевское городище и его некрополь являются наиболее исследованными

Рис. 7. Краснобатареиное городище: 1 — аэрофото объекта 1943 г.;
2 — 3D-реконструкция (вып. В.В. Моор)

объектами (ориентировочная площадь комплекса — 20 га): наземная и аэрофототопографическая съёмки ведутся здесь на протяжении четырёх лет. Наличие на объекте действующих раскопов делает актуальным использование короткобазисной наземной фотограмметрии. Данный метод при наличии высокоточной планово-высотной опорной сети позволяет получать детальные трёхмерные модели объектов с точностью, достигающей первых миллиметров (рис. 8). Однако использование моделей высокой детальности зачастую затруднительно в связи с большими требованиями к вычислительным ресурсам и особенностями программного обеспечения. На сегодняшний момент подобные проблемы решаются автоматической или руч-

ной ретопологией модели, позволяющей уменьшить число данных с минимальными потерями точности. Эта проблема может быть решена путём разделения большой трёхмерной модели на отдельные участки («чанки» — *chunks* или «тайлы» — *tiles*), но пока данный способ используется редко из-за отсутствия стандартов формата хранения моделей. В итоге по каждому объекту создаются трёхмерные модели высокого разрешения (*high poly mesh*), а также сохраняются упрощённые копии этих моделей (*low poly mesh*) для различных конечных пользователей. Так, например, для визуализации трёхмерных моделей в *web* используются низкополигональные модели (200–500к полигонов) с текстурными картами с разрешением 4096 или 8192 пикселей (см. рис. 8).

Рис. 8. Раевское городище: 1 — план городища второй половины XIX в.;
2 — фотограмметрия памятника с полученными горизонталями

Помимо получения данных о рельефе и ситуации на местности, разновременная аэрофототопографическая и наземная съёмка с высокоточной (1–2 см) привязкой позволяют проводить количественный и качественный анализ изменения состояния раскопа и археологического объекта, а также реализовать 3D-реконструкцию изучаемого объекта, в частности расположенной практически посередине восточного вала башни. Под мощной насыпью раскопками обнаружены остатки кладок основания башни и прилегающих к ней оборонительных стен. Судя по остаткам оплывших кладок из сырцовых кирпичей, на каменном основании возвышались сырцовые стены.

Для масштабирования и точной привязки фотограмметрических моделей к единой системе координат была создана сеть опорных знаков. В качестве опознавательных знаков при съёмке использовались контрастные трёхцветные круги большого диаметра, которые подходят для съёмки с высот до 200 м. Опре-

деление координат плано-высотной опорной сети проводилось при помощи ГНСС приёмника геодезического класса, а в случае с густыми лесонасаждениями — тахеометром.

Полученные в результате экспедиционных работ материалы систематизированы в единой системе в программном продукте *Quantum GIS*. Задача создания ГИС-проекта состоит в том, чтобы объединить все имеющиеся материалы в единую базу данных, в единой системе координат, с возможностью дополнять, редактировать и анализировать археологические находки и подготавливать отчётный материал. На нынешнем этапе ГИС-проект включает более десяти археологических комплексов, наполненных растровыми (ортофотопланы, растровые карты, матрицы высот), векторными (цифровые топографические планы, треки и точки GPS) данными, а также трёхмерными моделями и сферическими панорамами. Ведутся разработки веб-сервера для предоставления удалённого доступа к геоинформационной системе конечному пользователю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батченко В.С., Горланов С.С., Клемешов А.С., Лысанов В.Л. Исследования на хоре античной Горгиппии // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1 (86). С. 138–145.
2. Блаватская Т.В. 1993. Посвящение Левкона I // РА, №2, С. 34–47.
3. Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // Советская археология. 1957. № 2. С. 174–188.
4. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Прг., 1925.
5. Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Елисеев А.Ю. Геомагнитная съёмка на территории Лабриса (Семибратнее городище) в 2006–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. 2010. М.; Киев: ИА РАН. С. 58–62.

ENGLISH

**Field Research of Man-Made Landscapes on the Periphery
of the Asian Bosporan Kingdom**

Alexey Nikolaevich Voroshilov – Cand. Sc. of History, research fellow, the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Reconstruction of the Man-Made Landscapes on the Periphery of the Asian Bosporan Kingdom by Natural Scientific Materials and Geographic Information Mapping of Archaeological Sites” (16-06-00564a).

E-mail: voroshilov-aleksej@yandex.ru

Victoria Sergeevna Batchenko – Cand. Sc. of History, junior research fellow, the Institute of the Russian History, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

Danila Olegovich Dryga – junior research fellow of the Interindustry Scientific-Engineering Center *Impuls*, Moscow State University of Geodesy and Cartography, researcher in the same project.

E-mail: hopkuh@gmail.com

Sergey Sergeevich Gorlanov – postgraduate of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: gsstraur@mail.ru

The paper reports on the possibilities of using, perhaps, one of the most cutting-edge non-destructive methods – photogrammetry of settlement structures and individual archaeological sites.

Keywords: Bosporan Kingdom, classical archeology, aerial photography and mapping, photogrammetry, geographic information system

REFERENCES

1. Batchenko V.S., Gorlanov S.S., Klemeshov A.S., Lysanov V.L. Issledovaniya na khore antichnoy Gorgippii // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki. 2017. № 1 (86). S. 138–145 (in Russian).
2. Blavatskaya T.V. 1993. Posvyashchenie Levkona I // RA, № 2, С. 34–47 (in Russian).
3. Korovina A.K. K voprosu ob izuchenii Semibratnikh kurganov // Sovetskaya arkheologiya. 1957. № 2. S. 174–188 (in Russian).
4. Rostovtsev M.I. Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh. Prg., 1925 (in Russian).
5. Smekalova T.N., Goroncharovskiy V.A., Eliseev A.Yu. Geomagnitnaya s'emka na territorii Labrisa (Semibratnee gorodishche) v 2006–2008 gg. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya. Vyp. 1. 2010. M.; Kiev: IA RAN. S. 58–62 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-147-150

Е.О. ГРАНЦЕВА*

Международная научная конференция «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов» (Москва, 12–14 сентября 2018 г.)**

В сентябре 2018 г. Институт всеобщей истории РАН при участии МГИМО МИД РФ, Ассоциации лётчиков-республиканцев (ADAR, Испания) и Ассоциации российских дипломатов, Совета ветеранов войны и труда МИД РФ организовал Международную научную конференцию «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов». Участники обсудили документальные свидетельства и важнейшие проблемные точки, связанные с исследованием данного периода, а также со сохранением исторической памяти о нём в России и Испании.

Ключевые слова: Советский союз, Испанская республика, гражданская война в Испании, история, XX век, международные отношения, историческая память, архивные документы, военная помощь, гуманитарное сотрудничество

События гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. — одна из магистральных тем российско-испанского научного и общественного диалога. В 2017 г. Центр испанских и португальских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), Ассоциация российских дипломатов, ADAR, Союз ветеранов войны и труда МИД РФ воплотили в жизнь идею объединения усилий российских и испанских исследователей по сохранению исторической памяти о граждан-

ской войне в Испании, изучению истории советско-испанских отношений и советской помощи Испанской республике.

В мае 2017 г. в Барселонском университете прошла первая научная конференция из трёх задуманных мероприятий, посвящённых советско-испанским отношениям в годы гражданской войны.

В продолжение сотрудничества российских и испанских исследователей в сентябре 2018 г. Институтом всеобщей истории РАН совместно с МГИМО МИД РФ, ADAR, Ассоциацией российских

* **Гранцева Екатерина Олеговна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра испанских и португальских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Программного комитета конференции.
E-mail: kgrantseva@yandex.ru

**Проект 18-09-20052г.

дипломатов, Советом ветеранов войны и труда МИД РФ, Институтом Сервантеса в Москве была организована Международная научная конференция «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов».

С приветственными словами на открытии форума выступили научный руководитель ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян, директор ИВИ РАН М.А. Липкин, директор Историко-архивного департамента МИД Н.М. Баринова, Чрезвычайный и Полномочный Посол Испании в Российской Федерации И. Ибаньес Рубио, президент Ассоциации лётчиков-республиканцев в Барселоне А. Мата Миер, президент Испанского Центра в Москве М.-Т. Касеро (Трубкина), директор Института Сервантеса в Москве А. Мурсия Сориано, руководитель Центра испанских и португальских исследований ИВИ РАН Е.О. Гранцева.

На пленарном заседании (фото) представители испанской стороны отметили особую значимость и недооценённость советского участия и помощи СССР Испанской республике, а также важность сохранения исторической памяти о событиях гражданской войны 1936–1939 гг. А. Мата Миер в своём выступлении отметил, что восприятие событий гражданской войны, несмотря на минувшие годы, остаётся очень болезненным для испанского общества.

Обсуждая проблему значимости испанского конфликта, собравшиеся участники особо отметили возможности квалификации гражданской войны в Испании как первой битвы Второй мировой войны. Это был прежде всего конфликт идеалов, когда защищать свою веру в эти идеалы на территорию Испании приехали люди со всего мира.

Одной из важнейших тем научной встречи стали документальные свидетель-

Фото. Пленарное заседание конференции

ства о гражданской войне 1936–1939 гг., представленные в российских архивах. Историко-документальный департамент МИД России подготовил выставку документов, отразивших ряд важных аспектов советско-испанских отношений второй половины 1930-х гг.

На пленарном заседании директор Российского государственного военного архива (РГВА) В.П. Тарасов представил обзор коллекции документов о гражданской войне в Испании, хранящейся в РГВА, а директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А.К. Сорокин рассказал о том, как события войны 1936–1939 гг. представлены в документах РГАСПИ, прежде всего в фонде Интернациональных бригад.

Пленарное заседание завершилось выступлением руководителя отдела культуры Института Сервантеса в Москве Т.И. Пигаревой, ознакомившей участников конференции с опытом междисциплинарного прочтения «Герники» П. Пикассо — одного из важнейших художественных произведений, связанных с событиями гражданской войны в Испании.

В ходе работы секции, посвящённой международным отношениям в период гражданской войны в Испании, были затронуты вопросы использования образа СССР в политическом и пропагандистском аспекте (Ж.Пучсек Фаррас), представлена современная историография о международных аспектах гражданской войны в Испании (Л.М.Бухармедова), рассмотрены проблемы взаимодействия СССР, Испанской республики и латиноамериканских стран (А.А.Щелчков и Я.А.Бурляй), отражения помощи Республике в британской прессе (Н.Н.Фомичёв) и специфики работы международного радиовещания (А.А.Глазов). А.В.Шубин проанализировал причины падения Испанской республики в контексте международной ситуации 1939 г.

В рамках секции «Гражданская война в Испании в российских архивах» прозвучали доклады, подготовленные на материалах Архива внешней политики Российской Федерации (А.П.Василевский, В.В.Малай), Государственного архива Российской Федерации (О.В.Лавинская), Российского государственного военного архива (Д.Б.Хазанов), Российского государственного архива социально-политической истории (В.В.Дамье, М.В.Земляков). В докладе Д.И.Рублёва русский бюллетень CNT-FAI был рассмотрен как источник по истории гражданской войны в Испании. Завершая заседание секции, О.В.Каримов представил обзор социального и национального состава советских добровольцев — участников гражданской войны в Испании.

На секции «Военная и военно-техническая помощь Испании в годы гражданской войны» были представлены доклады М.И.Мичавилы Санс и А.Вальдепереса об истории республиканского аэродрома в Сении, на котором в годы гражданской войны базировалась советская авиация, а также о работе по сохранению исторической памяти об этом месте. Исследователь ADAR Б.Пиза Каstellа рассмотрел роль советских пилотов в борьбе

с франкистской авиацией на территории Каталонии. Представитель Университета Аликанте Х.Б.Руис Нуньес подробно описал быт советских лётчиков, захваченных франкистскими войсками.

К.К.Семёнов продемонстрировал, как разными путями бывшие белые офицеры оказывались по одну сторону со своими бывшими противниками по Гражданской войне в России. Немногочисленным русским добровольцам, воевавшим на стороне франкистов, был посвящён доклад А.А.Жигалова. Рассматривались также особенности ведения танковых боёв (Е.Ю.Белаш) и значение продовольственных и технических поставок СССР в годы гражданской войны (Г.А.Филатов). А.Ю.Вовк рассказал о судьбах русских бойцов интернациональных бригад, оказавшихся в лагерях Франции.

Участники секции «Культурное и гуманитарное сотрудничество в период гражданской войны» рассмотрели основные направления гуманитарного сотрудничества (Е.О.Гранцева), затронули темы «испанских детей», оказавшихся в СССР (Е.И.Демидова, Е.А.Ефимова) и советских писателей, принимавших участие в испанских событиях (А.В.Володько, Ю.В.Фетисов). Н.А.Кузина рассказала об истории коллекции книг, подаренных Испанской республикой Советскому Союзу.

На секции «Историческая память о гражданской войне в Испании» различные аспекты этой проблематики были затронуты в докладах П.А.Гарсиа Бильбао, А.А.Орлова, С.М.Хенкина, Е.М.Астахова, М.В.Ларионовой, Н.Е.Аникеева, Е.В.Астаховой, Ю.В.Гунгера и Т.И.Кузьминой, А.И.Ландабасо Ангуло, Д.Гесали, Д.Иньигеса.

Важной частью завершающего дня конференции стал круглый стол, на который были приглашены и выступили родственники участников гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. и члены Ассоциации лётчиков-республиканцев.

Многие актуальные вопросы были обсуждены в рамках выездных заседаний конференции, прошедших в Централь-

ном музее Военно-воздушных сил в Мо-
нино и Музее Великой Отечественной вой-
ны на Поклонной горе.

Значимым символическим актом ста-
ло возложение цветов участниками кон-
ференции к Могиле Неизвестного солда-
та, в память об испанцах, героически сра-
жавшихся против фашистской агрессии
вместе с советскими солдатами на фрон-
тах Великой Отечественной войны.

В ходе конференции особое внима-
ние было уделено проблемам выявления
и изучения документальных свидетельств
о гражданской войне 1936–1939 гг., пред-
ставленных в российских и испанских ар-
хивах, а также обсуждению тем, связан-
ных с историей международных отноше-
ний, советской военной, военно-техниче-
ской и гуманитарной помощью Испан-
ской республике, с участием советских
добровольцев в испанском конфликте

и увековечиванием их памяти и памяти
об испанцах — участниках Великой Оте-
чественной войны. Мероприятие получило
значительный резонанс в научном сооб-
ществе и широкое освещение в средствах
массовой информации двух стран.

Подводя итоги конференции, органи-
заторы выразили уверенность, что встре-
ча российских и испанских исследова-
телей, дипломатов и потомков участни-
ков гражданской войны в Испании будет
содействовать формированию и сохра-
нению исторической памяти о событи-
ях тех лет, развитию дальнейших науч-
ных исследований как с испанской, так
и с российской стороны. Было приня-
то единодушное решение о проведении
в 2019 г. в Мадриде третьей Междуна-
родной конференции в рамках меропри-
ятий, посвящённых 80-летию окончания
гражданской войны 1936–1939 гг.

ENGLISH

International Academic Conference Soviet-Spanish Relations during the Spanish Civil War in 1936–1939 (Moscow, 12–14 September, 2018)

Ekaterina Olegovna Grantseva — Cand. Sc. of History, senior research fellow, head of the Center for Spanish and Portugal Studies, the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences, Chair of the Program Committee of the Conference.

E-mail: kgrantseva@yandex.ru

In September 2018, the Russian Academy of Sciences Institute of World History, together with MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, ADAR and the Association of Russian Diplomats, the Council of War and Labor Veterans, arranged the International Academic Conference Soviet-Spanish Relations during the Spanish Civil War of 1936–1939. The participants discussed documentary evidence and the most crucial issues related to the study of this period, as well as preservation of historical memory in Russia and Spain.

Keywords: Soviet Union, Spanish Republic, Spanish Civil War, history, the twentieth century, international relations, historical memory, archival documents, military aid, humanitarian cooperation

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-151-154

П.Л. ГРОХОВСКИЙ, Н.Н. МОСКАЛЁВА,
М.О. СМИРНОВА*

V Международный семинар молодых тибетологов (Санкт-Петербург, 3–7 сентября 2018 г.)**

V Международный семинар молодых тибетологов прошёл в Санкт-Петербургском государственном университете. Эта регулярная междисциплинарная конференция, объединяющая исследователей из разных стран, стала первым крупным международным тибетологическим научным мероприятием, проведённым в России. В статье охарактеризована научная тематика секций конференции, дана общая характеристика научных результатов и раскрыто их значение для отечественной науки.

Ключевые слова: международный семинар, международная конференция, тибетология, молодые учёные, Тибет, Гималаи, тибетский язык, тибетская литература, история Тибета, буддология, антропология, культура, манускриптология, тибетская медицина

Международный семинар молодых тибетологов (International Seminar of Young Tibetologists, сокращенно ISYT, тиб. *rgyal spyi'i gzhon nu'i bod rig pa'i gros tshogs*) — это регулярное междисциплинарное научное мероприятие, которое объединяет молодых тибетологов из разных стран для обмена результатами своей научной работы и установления новых контактов. В ходе конференции традиционно проводятся секции, посвящённые истории, культуре и искусству Тибета, тибетскому языку, литературе, религиозно-философской мысли, политической и социально-эконо-

мической жизни тибетоязычных народов, тибетской медицине и культурно-историческим связям Тибета и Монголии.

V Международный семинар молодых тибетологов стал первым крупным тибетологическим мероприятием международного уровня, которое состоялось на территории России. Семинар собрал около 100 участников из 23 стран мира (фото 1). Из 209 заявок Программный комитет конференции, в который вошли ведущие отечественные и зарубежные тибетологи, путём двойного анонимного рецензирования отобрал 120 докладов, в том числе 104 устных и 16 стендовых.

* **Гроховский Павел Леонович** — кандидат филологических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), председатель Программного комитета.
E-mail: p.grokhovskiy@spbu.ru

Москалёва Наталья Николаевна — магистр востоковедения, аспирант кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ, член Программного комитета.
E-mail: nn.mikhaylova@gmail.com

Смирнова Мария Олеговна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ, член Программного комитета.
E-mail: m.o.smirnova@spbu.ru

** Проект 18-09-20057г.

Фото 1. Участники V Международного семинара молодых тибетологов

На пленарном заседании д.и.н., профессор кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ В.Л.Успенский сделал доклад «Тибетологические исследования в Санкт-Петербурге: прошлое и настоящее» (фото 2).

Секции семинара охватывали не только традиционные для российской тибетологии темы, но и современные этнографические исследования. Антропологические доклады были представлены на пяти заседаниях: «Общие антропологические исследования» (2 заседания), «Этнографические очерки», «Гендерные исследования: женщины в Тибете» и «Монастырская жизнь и образование».

Наибольшее число заседаний было посвящено религиозным исследованиям (8 заседаний), в число которых также вошли более узко специализированные секции «Распространение тибетского буддизма» и «Буддийские связи». Вопросы истории Тибета обсуждались на секциях «Культурная и социальная история» (3 заседания), «Политическая история» (2 заседания), «Исследования древнего Тибета». На изучении традиционных тибетских наук сосредоточили внимание сек-

ции «Традиционная тибетская медицина», «Изобразительное искусство и музыка», а также филологические секции «Тибетская литература» и «Лингвистика».

Наряду с научными заседаниями в программу Семинара входили ежедневные культурные мероприятия. В рамках Семинара участники посетили Восточный факультет СПбГУ и кафедру монголоведения и тибетологии, Институт восточных рукописей РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамеру) и Государственный Эрмитаж, совершили ряд экскурсий.

В дополнение к основной программе заседаний состоялись презентация нового международного тибетологического проекта «Устная история тибетологических исследований: собирая воспоминания поколения основателей» и показ современного тибетского кинофильма «Классная доска» о развитии школьного образования в Тибетском автономном районе КНР.

На организационном собрании участников семинара были проведены выборы нового президента, ответственного секретаря и шести новых членов Управляюще-

Фото 2. Профессор кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ В.Л. Успенский

го совета Международного семинара молодых тибетологов. Пост президента перешёл от научного сотрудника Боннского университета Келсанг Норбу Гурунга

к выпускнице кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ Наталье Москалёвой (фото 3). Новым ответственным секретарём Международного семинара молодых тибетологов стала Наташа Майклз (Университет штата Техас). Также было объявлено о начале выпуска нового научного периодического издания на тибетском языке, где молодые тибетологи смогут публиковать доклады и статьи. Местом проведения следующего, VI Международного семинара молодых тибетологов в 2021 г. выбран Университет Вирджинии (США).

Международный семинар способствовал возвращению Санкт-Петербургу мировой известности как классическому научному центру тибетологии и СПбГУ — как одному из немногих российских вузов, где в настоящее время занимаются исследованиями Тибета.

Фото 3. Слева направо: Н.Н. Москалёва — новый Президент Международного семинара молодых тибетологов; П.Л. Гроховский — председатель Программного комитета V Международного семинара молодых тибетологов; Б.Л. Митруев — переводчик с тибетского языка V Международного семинара молодых тибетологов

Опубликован сборник тезисов докладов, прозвучавших на V Международном семинаре молодых тибетологов (Fifth International Seminar of Young Tibetologists, Saint-Petersburg State University, September 3–7, 2018: Book of Abstracts /

Ed. by N.N.Moskaleva and P.L.Grokhovskiy. St.-Petersburg: NP-PRINT, 2018).

Более подробную информацию о работе и итогах Международного семинара молодых тибетологов можно получить на сайте <http://isyt.org>.

ENGLISH

5th International Seminar of Young Tibetologists (St. Petersburg, 3–7 September, 2018)

Pavel Leonidovich Grokhovsky – Cand. Sc. of Philology, assistant professor, Chair of Mongolian Studies and Tibetology, St. Petersburg State University, Chair of the Program Committee.
E-mail: p.grokhovskiy@spbu.ru

Natalia Nikolaevna Moskalyova – Master of Oriental Studies, postgraduate, Chair of Mongolian Studies and Tibetology, St. Petersburg State University, member of the Program Committee.
E-mail: nn.mikhaylova@gmail.com

Maria Olegovna Smirnova – Cand. Sc. of Philology, assistant, Chair of Mongolian Studies and Tibetology, St. Petersburg State University, member of the Program Committee.
E-mail: m.o.smirnova@spbu.ru

St. Petersburg State University hosted the 5th International Seminar of Young Tibetologists. Bringing together researchers from different countries, this regular interdisciplinary conference was the first major international academic Tibetology event held in Russia. The paper describes the scientific topics of the conference sections, gives an overview of the scientific findings and reveals their importance for national science.

Keywords: international seminar, international conference, Tibetology, young scientists, Tibet, Himalayas, Tibetan language, Tibetan literature, history of Tibet, Buddhology, anthropology, culture, manuscriptology, Tibetan medicine

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-155-158

Е.В. ДЕМЧИК*

V Всероссийская научная конференция «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века» (Барнаул, 29–30 июня 2018 г.)**

На V Всероссийской научной конференции «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века» рассматривались ключевые проблемы экономического развития региона: акторы и модели аграрного производства; транспортные магистрали и промышленные объекты как составляющие модернизационных процессов; изменения взаимоотношений государства, предпринимателей и социума, мотивов трудовой деятельности в разные исторические периоды; экономика повседневности городского и сельского населения.

Ключевые слова: новейшая отечественная история, экономическая история, история предпринимательства

Конференция стала дискуссионной площадкой, объединившей учёных, занимающихся изучением различных аспектов и хронологических периодов экономической истории Сибири. В форуме приняли участие 87 исследователей из вузов и академических научных центров Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Омска, Тюмени, Сургута, Кемерово, Томска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Бийска, Барнаула, а также из Казахстана.

В поступивших в адрес участников конференции приветствиях директора Института российской истории РАН, председателя Российского общества исследователей экономической истории Ю.А.Петрова, руководителя Региональ-

ного центра научных исследований экономической истории России Байкальского государственного университета А.В.Шалака, в выступлении проректора по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета Е.С.Попова (фото) подчёркивалась значимость конференции в деле консолидации сообщества экономических историков Сибири и Европейской части России. Отмечалось, что на фоне стремительного роста виртуальных научных коммуникаций и заочных конференций проводимые Центром экономической истории АлтГУ конференции остаются одними из немногих в стране площадок для живого научного общения специалистов в междисциплинарной области экономической истории.

* Демчик Евгения Валентиновна — доктор исторических наук, декан исторического факультета, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: demtchikev@mail.ru

** Проект 18-09-20032.

Фото. Проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета Е.С. Попов

Неслучайно все пять научных конференций по экономической истории Сибири, проводившиеся на базе исторического факультета Алтайского госуниверситета, имели грантовую поддержку российских научных фондов – РГНФ и РФФИ.

На выставке, подготовленной научной библиотекой АлтГУ, наряду с другими изданиями по экономической истории были представлены сборники статей по итогам предыдущих четырёх конференций по экономической истории Сибири, первая из которых состоялась в 2006 г.

Главный акцент участники V Всероссийской научной конференции «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века» сделали на практикоориентированности и междисциплинарности её содержания. Помимо традиционно участвующих в такого рода конференциях историков были приглашены учёные-экономисты; вместо пленарных докладов была организована панельная дискуссия «Тренды экономического развития XX – начала XXI в.», а вместо трёх секций, традиционно работавших на предыдущих

конференциях и объединивших участников по хронологии изучаемой проблематики, были организованы пять дискуссионных площадок по ключевым, имеющим особое значение проблемам экономической истории Сибири XX – начала XXI в.

Панельные доклады ведущих учёных разных регионов России были посвящены трендам экономического развития Сибири, проявившимся в исследуемый период. На основе анализа динамики цен на хлеб в 1860–1914 гг. в крупных городах Сибири проф. В.П. Зиновьев (Томский госуниверситет) сделал выводы об особенностях формирования внутреннего рынка региона в указанные годы. Дистанционный интерактивный доклад д.и.н., проф. Р.А. Хазиева (Башкирский госуниверситет) содержал новые подходы к осмыслению подпольного «торгашества» как практики хозяйственного выживания периода «военного коммунизма».

Кустарно-ремесленной промышленности как недооценённому тренду в развитии промышленного потенциала Си-

бири 1920-х гг. посвятил своё выступление д.и.н., проф. А.А.Николаев (Институт истории СО РАН). Д.и.н., проф. И.В.Быстрова (Институт истории РАН) привела в докладе новые для историографии оценки иностранными союзниками СССР в годы Великой Отечественной войны советского военного производства, организованного на базе эвакуированных в Сибирь промышленных предприятий. В заключительном докладе д.э.н. С.И.Межова (Алтайский госуниверситет), построенном на анализе технологических циклов, подчёркивалась растущая важность осмысления исторического опыта хозяйственных преобразований для выработки современной экономической политики.

Учитывая ключевое место аграрного сектора в структуре экономики Сибири в течение всего XX в., первой дискуссионной площадкой стала секция «Аграрное производство: акторы и модели развития» (модераторы — д.и.н. В.А.Ильиных (Институт истории СО РАН), д.и.н. В.Н.Разгон, д-р социол. наук А.М.Сергиенко (АлтГУ)). Ведущие исследователи в области крестьяноведения рассмотрели процессы, механизмы и результаты трансформации аграрной экономики Сибири.

Участники секции «Промышленность и транспорт в экономике Сибири» (модераторы — д.и.н. В.В.Запарий (Уральский федеральный университет), д.э.н. Т.Г.Строителява (АлтГУ)) представили результаты научных исследований важных составляющих модернизационных процессов в Сибири — строительства и развития транспортных магистралей и промышленных объектов.

Различные аспекты экономической политики государства и её реализации через изменения взаимоотношений государства, предпринимателей и других социальных групп в разные исторические периоды стали предметами обсуждения на дискуссионной площадке «Государство, предприниматель, социум» (модераторы — д.и.н. Ю.А.Лысенко (АлтГУ),

д.и.н. А.В.Старцев (Барнаульский юридический институт МВД РФ)).

Участники дискуссионной площадки «Рынок труда и мотивация трудовой деятельности» (модератор — д.э.н. С.В.Лобова) представили результаты своих исследований по одной из важнейших проблем экономической истории — проблеме изменений мотивов трудовой деятельности на различных этапах советской эпохи и в начале XXI в.

В центре внимания секции «Экономика повседневности» (модераторы — д.и.н. В.А.Скубневский (АлтГУ), д.и.н. С.А.Баканов (Челябинский госуниверситет), д.и.н. О.Ю.Редькина (Волгоградский госуниверситет)) оказались различные структуры повседневной жизни городского и сельского населения Сибири и приграничных территорий Казахстана.

Материалы конференции свидетельствуют, что наряду с глобальным осмыслением опыта российской модернизации, в том числе советского периода, в рамках научного направления «Экономическая история» проводятся исследования экономических реформ, городской и сельской экономики, региональных рынков, экономики повседневности, налоговой и финансово-кредитной политики и практики, предпринимательской деятельности, истории кооперации и промыслов, истории аграрного сектора, отраслей промышленности и транспорта, нефтегазового комплекса, трудовых ресурсов, рынка труда и др. В то же время в ходе панельной дискуссии и работы секционных площадок обозначился дефицит методологических, источниковедческих и историографических исследований по экономической истории региона. К числу перспективных направлений будущих исследований по экономической истории Сибири, наряду с традиционной для этой отрасли знания научной проблематикой, могут быть отнесены также и внешнеэкономические связи Сибири в трансграничном пространстве. Остро нуждается в междисциплинарном изу-

чении проблема экологических последствий хозяйственной деятельности.

Со всей очевидностью проявилась назревшая потребность в обобщении накопленного исследовательского опыта путём подготовки и издания фундаментального труда по истории народного хозяйства Сибири. Подобное издание могло бы не только способствовать обобщению результатов научного анализа модернизации и трансформаций экономики Сибири, но и актуализировать исторический опыт хозяйственных преобразований в регионе для определения адекватной его роли в современных условиях мирового экономического кризиса и экономических санкций, применяемых в настоящее время к России. Сибирь могла бы играть более существенную роль не только на внутреннем рынке продовольствия, в добыче нефти и газа, но и в промыш-

ленном производстве и в области новых технологий.

Сочетание докладов известных учёных и молодых исследователей, многие из которых получили в ходе работы конференции первый опыт публичного представления результатов собственных исследований и ведения научной дискуссии, искренний интерес представителей разных областей знания — историков, экономистов, социологов — к обсуждаемым проблемам экономической истории, оригинальность, новизна и глубина анализа целого ряда представленных участниками форума сюжетов и выводов, безусловно, будут способствовать аккумуляции, осмыслению и обобщению исторического опыта экономических преобразований для использования этого опыта в деятельности органов власти и управления.

ENGLISH

5th Russian National Academic Conference The Economic History of Siberia in the 20th — Early 21st Century (Barnaul, 29–30 June, 2018)

Evgeniya Valentinovna Demchik — Dr. Sc. of History, Dean of the Department of History, HoD, Chair of National History, Altai State University, Chair of the Organizing Committee of the Conference.
E-mail: demtchikev@mail.ru

The 5th Russian National Academic Conference The Economic History of Siberia of the 20th — Early 21st Century reviewed the key issues of the region's economic development: actors and models of agrar manufacture; highways and industrial powerhouses as components of modernization processes; changes in the relationship of the government, business and society, motives of work in different historical periods; everyday economy of urban and rural populations.

Keywords: contemporary Russian history, economic history, business history

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-159-163

**Ж.Т. ТОЩЕНКО,
М.С. ЦАПКО***

XIX теоретико-методологическая конференция «Смыслы жизни российской интеллигенции» (Москва, 26 апреля 2018 г.)**

На конференции были обсуждены проблемы жизненного мира современной российской интеллигенции. Основой её анализа стали модусы времени: *прошедшее, настоящее и будущее*. Именно в этом ракурсе рассмотрены смыслы жизни различных социальных групп и общностей интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, смыслы жизни, социальные типы интеллигенции

XIX теоретико-методологическая конференция состоялась в Российском государственном гуманитарном университете. В её работе приняли участие более 100 специалистов академических институтов и университетов Москвы и регионов России, а также Беларуси, Казахстана и Украины. Основой для обсуждения стали присланные доклады и данные всероссийского исследования «Как живёшь, интеллигенция?» (N = 1350), проведённого в 14 регионах страны в сентябре 2016 г. социологами РГГУ (рук. Ж.Т. Тощенко) и Центром социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги).

В поиске ответа на поставленный вопрос Ж.Т.Тощенко в пленарном докладе остановился на анализе значения и ро-

ли жизненного мира, который, на его взгляд, можно всесторонне и обоснованно понять только с позиций осмысления органического единства всех этапов жизнедеятельности того слоя общества, который мы называем интеллигенцией. В этом случае теоретико-методологической основой анализа смыслов жизненного мира интеллигенции являются модусы времени – прошедшее, настоящее, будущее. Когда мы говорим о прошлом, мы имеем в виду значение, при котором огромную роль играет память. При анализе настоящего смыслы жизни отражают ценности, ценностные ориентации, когда люди оперируют суждениями. При рассмотрении будущего важно увидеть цели (общественные

* **Тощенко Жан Терентьевич** — член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, председатель Оргкомитета конференции.

E-mail: zhantosch@mail.ru

Цапко Мирослава Сергеевна — кандидат культурологии, доцент, руководитель учебно-научного центра социологических исследований РГГУ, член Оргкомитета конференции.

E-mail: ucprresearch@gmail.com

**Проект 18-011-20017г.

и личные), которыми руководствуется интеллигенция, прибегая к такому инструменту прогнозного мышления, как воображение.

Исходя из этого, докладчик представил типологию групп интеллигенции на основании их смысло-жизненных ориентаций через призму модусов времени.

Первую группу составляют *реалисты-рационалисты*. Они отдают должное прошлому, трезво воспринимают настоящее и в то же время нацелены на созидательную работу для достижения конструктивных решений как в общественных, так и личных интересах. Особенно их тревожит гигантское социальное неравенство, замораживание социальных лифтов, ущербные преобразования в сфере образования, здравоохранения и культуры. Что касается будущего, только треть из них (36,5%) ориентируется на «возвращение России статуса великой державы» (при 47,2% населения), понимая и более трезво оценивая современное её положение в мире. В этой группе интеллигенции преобладает ориентация на то, чтобы в государстве соблюдалась справедливость, «равные права для всех» (61,5%), «на обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (48,8%). Иначе говоря, эта группа интеллигенции в большей мере сосредоточена на решении внутренних проблем страны, и прежде всего, социальных.

Не менее значительна вторая группа — *(нео)либералы*, как правило, не признающая позитивный опыт и достижения прошлого и как следствие — неадекватно оценивающая настоящее. Эта группа составляет относительное меньшинство среди всей интеллигенции (18–20%). Но она является активной, амбициозной, представляя собой несколько разных подгрупп — от беспартийных сторонников «свободного» рынка до ориентирующихся на компромисс с государством. Но все они олицетворяют мобильные, наступательные и нередко агрессивные общности, настойчиво пропагандирующие

своё понимание происходящего и стремящиеся навязать и реализовать свои убеждения в практику работы различных органов управления. Что касается будущего, то либералы видят в нём только себя, свои идеи и своё видение положения и развития страны.

Противоречивыми смыслами обладает жизнь *традиционалистов* и *националистов*, нацеленных исключительно на прошлое. Эта группа видит направленность своих действий в максимальной опоре на достигнутые и апробированные методы в прошлом, на исторический опыт, причём именно в России. Эта группа в свою очередь состоит из нескольких подгрупп, серьёзно различающихся друг от друга. Одна из них включает монархистов, которые глубоко убеждены, что объединить россиян может только царствующее лицо, которому «свыше» дано видение творить историю. Их численность невелика (их доля не превышает 1%), но они мобильны, упрямы в своем стремлении доказать правомочность их убеждений. Другая из этих подгрупп — в известной степени наследники славнофильства, они сосредоточены на доказательстве превосходства, уникальности и особенности российского развития. Под этим флагом выступают различные группы националистов, от оголтелых сторонников признания «Россия для русских» (по социологическим данным их численность не превышает 3–5%) до различного рода последователей превосходства русской нации над другими народами. Третья подгруппа представлена бескомпромиссными сторонниками коммунистической идеи, которая, доведённая до абсурда, выступает скорее инструментом её дискредитации, чем пропаганды и убеждения в её гуманистической ценности.

На наш взгляд, особый интерес представляет такая группа интеллигенции, членов которой условно можно назвать конъюнктурщиками и фарисеями, видящими смысл жизни в постоянном переписи

сывании партитуры своей жизни во имя достижения личных и/или групповых эгоистических целей. По нашему мнению, именно эта группа сыграла немалую роль в развале Советского Союза и переключении России на путь капиталистического развития.

Заметное влияние на общественную, политическую и культурную жизнь оказывают группы ксенофобов в этническом и конфессиональном обличье. Они занимают крайне реакционные позиции, ибо направлены не только на игнорирование, но и на унижение, преследование людей, относящихся к другим нациям и народностям, к другим формам и видам вероисповедания.

Идеи о жизненном мире и смысле жизни интеллигенции в России были обсуждены, дополнены, развиты и представлены в других ракурсах. Так, проф. Н.Е. Покровский (Москва) обозначил своё понимание интеллигенции как группы, которая: а) выражает себя, прежде всего, через нравственные принципы и культурные устремления (рефлексия и самосознание, мораль, жертвенность, гуманизм); б) не всегда совпадает с профессиональной деятельностью; в) находится в состоянии дисперсии. На примере кейса места жительства творческой интеллигенции — Переделкино — он рассмотрел особенности процесса огосударствления интеллигенции, а также социальные связи и типы коммуникации, характерные для данной группы.

Актуальные для интеллигенции смысло-жизненные противоречия охарактеризовал проф. А.В. Яковенко (Луганск). Среди них он назвал выбор между избранностью, элитностью и эгалитарностью; национальным и универсальным; комфортной материальной жизнью и поиском справедливости; созданием мифов и демифологизаторством.

Проф. И.И. Осинский (Улан-Удэ) рассказал о результатах эмпирических исследований жизненных ориентаций интеллигенции Сибири, для которой наи-

более актуализированы ценности семьи и материального достатка.

Анализу смыслов жизни российской интеллигенции в дискурсе темпоральности посвятили свой доклад проф. В.Н. Ярская-Смирнова (Саратов) и проф. Е.Р. Ярская-Смирнова (Москва). По их мнению, восприятие времени интеллигенцией менее оптимистично, чем населением в целом. Она острее реагирует на проблемы социального неравенства, эксклюзии и депривации, которые проявляются в новых формах.

Выступление проф. А.А. Возьмителя (ИС ФНИСЦ РАН) было посвящено сравнению смыслов жизни советской и российской интеллигенции, разным источникам рекрутирования её состава, постепенной модификации качества её жизни, изменению жизненных ориентиров, а также требований, предъявляемых государством к её деятельности. Это сравнение было продолжено в выступлении доцента Н.Г. Севостьяновой (Минск) об уникальном опыте исследования проблемы смысла жизни в контексте духовного опыта личности. Особое внимание докладчик уделила исследованию творчества С.Л. Франка, узловым концептам интерпретации смысла жизни в религиозной философии.

Проф. В.Т. Кудрявцев (Москва) посвятил свой доклад анализу кризиса взрослости и его оборотной стороне — кризису детства. Он отметил, что ещё недавно во взрослости для ребёнка скрывалась тайна, а во взрослении — интрига. Но сегодня взрослые во многом похожи на детей: они импульсивны, капризны, не всегда чувствительны к зыбкой границе игры и реальности. В этой ситуации ребёнку трудно конструировать образ взрослого, отсюда и кризис детства, т.е. его глобальный перелом, изменение.

Так как конференция проходила под эгидой социологов, один из докладов был посвящён именно этой профессиональной группе. Проф. Н.Р. Маликова (Москва) отметила, что социология в 1960-е гг. ста-

Таблица

Оценка социальной значимости интеллигенции в современной России
(в % к числу опрошенных)

<i>Как Вы оцениваете роль интеллигенции в современной России?</i>	Население (2014 г.)	Интеллигенция (самооценка) (2016 г.)
Роль интеллигенции значительна	9,7	15,1
Она имеет среднее влияние на жизнь общества	21,9	25,2
Она играет незначительную роль	23,7	26,7
Практически она не играет никакой роли	19,7	16,1
Затрудняюсь оценить	25,0	16,9

Источник: Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: Колл. монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2018.

ла своеобразной «отдушиной» для некоторых групп интеллигенции: в ней искали смысл жизни, надеясь, что именно эта профессия даст возможность принести пользу обществу в соответствии с идеалами гуманизма.

Особую озабоченность у участников конференции вызвал тот факт, что интеллигенция по многим показателям утратила гражданскую и культурно-нравственную роль, которые были ведущими с момента её возникновения как в XIX в., так и в процессе дальнейшего развития в XX в. Её реакция, оценки, отношение к происходящим в стране и мире событиям и процессам мало или совсем не отличаются от аналогичных показателей, которые отражают позицию всего населения. Эту тревожную и неоднозначную ситуацию отражают приведённые в табл. данные исследования, упомянутого в начале статьи.

В рамках секции «Смыслы профессиональной деятельности российской интеллигенции» участники рассмотрели актуальные проблемы трудовой деятельности научной и технической интеллигенции, других профессиональных групп (И.П. Попова, В.А. Шилова); обсудили вопросы удовлетворённости трудом (Р.И. Анисимов), преданности избранному трудовому пути (И.В. Задорин), профессионального призвания (Е.И. Иванова, М.Н. Яковлева).

Сообщения на секции «Социальные и политические составляющие жизненных смыслов интеллигенции» были посвящены изучению смыслов жизни в различных контекстах: пространственной идентичности (А.В. Стрельникова), политических ориентаций (Н.Ю. Фёдоров), семейной жизни (И.О. Шевченко), туристских практик (Л.С. Именнова), миграции (Н.О. Гордеева, Харьков) и др.

Научно-практическая часть конференции завершилась дискуссией на круглом столе «Цифровая социология и Интернет в жизненном мире интеллигенции». Основной темой обсуждения стали возможности применения сетевого анализа для изучения мировоззренческих принципов интеллигенции (Д.В. Мальцева, В.С. Богданов), её поведения в Сети и смыслового содержания отношений внутри профессиональных сообществ (Г.В. Градосельская, И.А. Карпов). Был представлен опыт изучения дискурсивного пространства социальных сетей (Т.Е. Щеглова, Л.Ф. Лучихина), сетей взаимодействий учёных на основе данных биографических интервью, информационных волн, интеллигенции в сетевом и ментальном пространствах (С.П. Моисеев, Г.К. Уразалиева).

Обсуждение этой теоретической и прикладной проблемы — смыслов жизни интеллигенции — позволило более чётко по-

нять, что представляет собой российская интеллигенция, выявить её *основные мировоззренческие ориентации* и стремление понять, кем ей быть в современном мире.

Материалы конференции опубликованы в сборнике «Смыслы жизни российской интеллигенции» (М.: РГГУ, 2018. – 396 с.).

ENGLISH

19th Theoretical and Methodological Conference Life Purposes of the Russian Intelligentsia (Moscow, 26 April, 2018)

Zhan Terentyevich Toshchenko – correspondent member of the Russian Academy of Sciences, HoD, Chair of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, senior research fellow of the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, the Russian Academy of Sciences, Chair of the Organizing Committee of the Conference.

E-mail: zhantosch@mail.ru

Miroslava Sergeevna Tsapko – Cand. Sc. of Cultural Studies, assistant professor, head of the scientific training center of sociology studies, Russian State University for the Humanities, member of the Organizing Committee of the Conference.

E-mail: ucpresearch@gmail.com

The conference discussed the issues of the background knowledge of the modern Russian intelligentsia. The basis of its analysis was the modes of time: past, present and future. It is from this perspective that the life purposes of various social groups and communities of the intelligentsia were considered.

Keywords: intelligentsia, life purposes, social types of intelligentsia

**Н.А. ДМИТРИЕВА,
С.В. ЛУГОВОЙ***

Международный научный семинар «Философия Канта и актуальные проблемы современной науки и политики» (Калининград, 4–5 мая 2018 г.)**

Международный научный семинар, прошедший в БФУ им. И. Канта при участии представителей разных философских дисциплин, тематизировал актуальность инспирированных европейским Просвещением концепций и в особенности философии Канта для поиска ответов на глобальные вызовы современности. В докладах и в ходе дискуссии участники семинара проанализировали возможности и границы применимости кантовской трансцендентальной философии к решению современных проблем науки и прикладной этики, права и политики, а также значение модифицированной просветительской рациональности для современного образования, развития критического мышления и восстановления социально ответственной коммуникации между наукой и обществом в условиях современных глобальных вызовов. Одной из центральных тем стала кантовская концепция человека и её эвристические возможности в эпоху стремительного развития робототехники, геномной и биомедицинской инженерии и в условиях постоянно усугубляющейся дегуманизации человека.

Ключевые слова: Кант, философия Просвещения, глобальные проблемы современности, научная рациональность, политическая рациональность, этика науки, прикладная этика, современный гуманизм

Международный научный семинар был организован Академией Кантиана Балтийского федерального университета им. И. Канта. В его работе приняли участие исследова-

тели из России, Австрии, Германии, Испании, Ирландии и Канады. На семинаре действовали четыре секции, где были заслушаны доклады и прошли оживлённые дискуссии.

* **Дмитриева Нина Анатольевна** — доктор философских наук, научный директор Academia Kantiana Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. И. Канта, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, председатель Оргкомитета семинара.

E-mail: na.dmitrieva@mpgu.edu; NDmitrieva@kantiana.ru

Луговой Сергей Валентинович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, член Оргкомитета семинара.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

** Проект 18-011-20018г.

Программу и тезисы докладов см.: http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2018/05/Workshop-on-Kant_Mai-2018_Program_Abstracts.pdf. Видеоматериалы семинара см. на канале Academia Kantiana в YouTube: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLd0R4QMdRX5039fsuQWtUxGYXPApOHQk3>.

Мероприятие было также поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

На открытии семинара выступили проректор по научной работе и международным связям БФУ им. И. Канта Э.К. Зильбер, директор Института гуманитарных наук Т.В. Цвигун и научный директор Академии Кантиана Н.А. Дмитриева. Выступающие отметили, что современная наука вынуждена давать ответы на глобальные вызовы: обусловленное человеческой деятельностью изменение климата и разрушение окружающей среды, политические и социальные проблемы, связанные с масштабными миграционными потоками и др. Н.А. Дмитриева подчеркнула, что формат семинара позволяет на основе философии Канта и традиции европейского Просвещения в целом осмыслить эту проблематику с позиций междисциплинарного исследовательского подхода.

Работа первой секции «Кантианские перспективы в современных прикладных исследованиях» началась с выступления Л.А. Калинникова (БФУ им. И. Канта), старейшего калининградского кантоведа. В своём докладе он указал на непреходящее значение идей Канта для понимания природы и сущности морали, а также на их потенциал в преодолении этического релятивизма. В.А. Бажанов (УлГУ) в своём докладе отметил, что новейшие открытия в нейронауке позволяют рассматривать её развитие как реализацию кантианской исследовательской программы. Свой подход к изучению этой проблематики докладчик обозначил как нейроэпистемологический. В дискуссии с Т. Штурмом (Автономный университет Барселоны) и Д. Бэкхёрстом (Университет Куинс в Кингстоне) В.А. Бажанов подчеркнул, что в нейронауке происходит критическое переосмысление результатов исследования. Как следствие, саморефлексивные процедуры касаются и субъекта познания, причём трансцендентальный субъект теряет свою универсальность, поскольку мыслится как предопределённый конкретной культурой.

Вопросу продуктивности кантианского подхода к этике климата посвятил свой

доклад К. Реманн-Зуттер (Любекский университет). Докладчик указал на серьёзные недостатки Парижского соглашения по климату, на его противоречие духу практической философии Канта, требующей равенства всех субъектов подобного соглашения, и предложил модифицировать это соглашение, дополнив его идеями из кантовской философии права. Работу секции завершил доклад В.В. Балановского (БФУ им. И. Канта) о возможности применения принципов кантовской этики в популярной околонушной полемике о клонировании вымерших видов флоры и фауны. Докладчик пришел к выводу, что Кант занял бы позицию противника клонирования.

На второй секции семинара, «Кантианская антропология в контексте современного гуманизма», Я. Ло (урожд. Зомбецки) (Венский университет) обстоятельно проанализировала понятия «трансгуманизм», «постгуманизм» и «эмансипация», рассмотрела современные тенденции в понимании будущего человечества, наметившиеся трансформации в обществе и изменения в самоидентификации современного человека, а также продемонстрировала применимость идей Канта в этом контексте. М. Штикер (Тринити-колледж Дублина) попытался с кантианских позиций разрешить вопрос, в каких масштабах мы должны помогать нуждающимся. По Канту, чрезмерная помощь или экзальтированный альтруизм, без остатка обращающий одного человека в средство для помощи другому, являются аморальными. Чтобы определить меру содействия благополучию ближнего, мы должны использовать понятие долга в контексте достижения моральных и неморальных целей.

В ходе дискуссии Ю. Штольценберг (Университет им. М. Лютера Галле-Виттенберга) усомнился в возможности определить с помощью высшей моральной цели, как она представлена у Канта, конкретные цели эмпирических поступков. М. Штикер подчеркнул, что для реше-

ния конкретной задачи он абстрагируется от кантовского понятия высшего блага и старается показать, как кантовское учение работает на уровне конкретных моральных обязательств, выполнение которых, согласно Канту, делает человека заслуживающим счастья.

Ответить на вопрос, каким образом наследие Канта может быть полезно для разрешения межрелигиозных конфликтов, попытался С.В. Луговой (БФУ им. И. Канта). Опираясь на кантовское учение о религии, докладчик предположил, что сосредоточение на нравственной сути любой фундаментальной обществу религии способно прекратить межрелигиозные конфликты, и уточнил, что Кант писал не только о месте религии в личной жизни человека, но и давал блестящие рекомендации обществу, как перестроить социальную жизнь так, чтобы не провоцировать межрелигиозные конфликты.

Ф. Трэмблей (БФУ им. И. Канта / Софийский университет им. Св. Климента Охридского) обратился к неокантианской концепции первой философии как этики и «одолжествлению» в ней культуры и научной объективности. Завершивший работу второй секции доклад П. Ринне (БФУ им. И. Канта) показал, что такие глобальные проблемы, как изменение климата и социально-экономическое расслоение, не могут быть решены только политическими методами. Практическая философия Канта позволяет концептуализировать понятие политически эффективной любви как «универсальной любви к людям», в основе которой лежит рационально осмысленная благожелательность в отношении других.

Заседание третьей секции семинара, «Кантианские подходы к современным политическим и правовым проблемам», открыл доклад В.А. Чалого (БФУ им. И. Канта), посвященный вопросу о том, как кантовское понимание политики способствует поискам более гармоничной, реалистичной и универсальной модели *homo politicus*, которая подходила бы для про-

екта «Нового Просвещения», предложенного в юбилейном отчете Римского клуба. А.Н. Круглов (РГГУ) поставил вопрос о значении философии Канта для конституционного права Российской Федерации, в частности, идеи Канта о достоинстве человека. Докладчик полемически рассмотрел тезис некоторых российских правоведов (например, П.Д. Баренбойма) о Канте как об «отце конституции России» и показал, что в дискуссиях вокруг этого тезиса почти полностью стирается кантовская граница между правом и этикой.

Кантовские философско-правовые идеи обсуждались и в выступлении А.С. Зильбера (БФУ им. И. Канта). Он попытался установить границы права всемирного гражданства, показав значение кантовского принципа космополитизма и ограничения его применимости, которые существуют в реальной политике, во внутрисоциальном и миграционном законодательстве большинства стран мира.

Фундаментальный доклад Д. Бэкхёрста (Университет Кингстон, Канада) по проблеме образования и формирования разума показал на теоретическом уровне связь кантовских идей о педагогике и образовании с проблемой воспитания и формирования критического мышления, необходимого для адаптации человека в современном обществе.

Участники заседания четвертой секции семинара обсудили значение идей Канта для просвещения разума в XXI в. Т. Штурм посвятил своё выступление кантовскому понятию разума, современным теориям рациональности и их влиянию на политику, подчеркнув, что сегодня рациональность — важнейшее понятие не только для философии, но и в целом для многих современных наук. Т. Штурм выдвинул ряд тезисов, которые позволяют говорить не только о чисто историческом значении кантовской концепции рациональности, но и ввиду её систематичности и глубины — о её применимости для решения современных научных проблем.

И.Н. Грифцова (МПГУ) и Г.В. Сорина (МГУ им. М.В. Ломоносова) в совместном докладе обсудили идеи философии образования Канта и современную аналитику текста, акцентировав внимание на разработанной ими авторской методике анализа философских текстов. А.Г. Пушкарский (БФУ им. И. Канта) попытался выявить значение кантовских положений для оснований математики, проанализировав дискуссии между сторонниками логицизма и интуитивизма. Завершил работу семинара доклад Л.Ю. Корнилова (БФУ им. И. Канта) об ак-

туальности научных методов и принципов Просвещения в условиях появления новых наук и научных областей, о применимости и жизнеспособности научных принципов Просвещения в современной науке.

Международный научный семинар, собравший представителей разных философских дисциплин, оказался весьма продуктивной площадкой для обсуждения инспирированных европейским Просвещением и в особенности И. Кантом идей, актуальных для поиска решений современных глобальных проблем.

ENGLISH

International Academic Workshop Kant's Philosophy and Relevant Issues of the Modern Science and Politics (Kaliningrad, 4–5 May, 2018)

Nina Anatolyevna Dmitrieva – Dr. Sc. of Philosophy, scientific director, Academia Kantiana, the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, professor, Chair of Philosophy, Moscow Pedagogical State University, Chair of the Organizing Committee of the workshop.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru; na.dmitrieva@mpgu.edu

Sergey Valentinovich Lugovoy – Cand. Sc. of Philosophy, senior research fellow, Academia Kantiana, the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, member of the Organizing Committee of the workshop.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

The international academic workshop held in the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, with representatives of different philosophical areas, debated over the relevance of concepts inspired by the European Enlightenment, and especially Kant's philosophy, in the search for answers to the global challenges of our time. In their reports and discussion, the participants reviewed the possibilities and restrictions of applying Kant's transcendental philosophy to solving the modern issues of science and applied ethics, law and politics, as well as the importance of modified educational rationality for modern education, the development of critical thinking and the restoration of socially responsible communication between science and society amidst today's global challenges. One of the focuses was the Kant's concept of man and its heuristic capabilities in the era of the booming robotics, genetic and biomedical engineering, and in the conditions of the ever-growing human dehumanization.

Keywords: Kant, philosophy of Enlightenment, global problems of Modern Age, scientific rationality, political rationality, ethics of science, applied ethics, modern humanism

**П.Д. ТИЩЕНКО,
Е.Г. ГРЕБЕНЩИКОВА***

Научная конференция памяти Б.Г. Юдина «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы» (Москва, 30–31 мая 2018 г.)**

Плодотворное развитие нейронауки невозможно без своевременной диагностики, оценки и разработки технологий менеджмента социогуманитарных рисков нейронаучных открытий и изобретений. Состоявшаяся первая отечественная конференция по проблемам нейроэтики послужит стимулом для её оформления в нашей стране в качестве самостоятельного исследовательского направления, будет способствовать формированию благоприятной социальной среды инновационного развития междисциплинарных исследований мозга человека.

Ключевые слова: философия, философская антропология, власть, сила, биоэтика, биополитика, междисциплинарные исследования, трансдисциплинарные исследования

Нейронаука сформировалась в начале 1960-х гг. как мульти- и междисциплинарное научное направление, включившее помимо неврологии и нейрофизиологии большую группу новых дисциплин: нейробиологию, нейрогенетику, нейролингвистику, нейроинформатику, нейропсихологию, нейросоциологию, нейроэкономику, нейropolитику и нейрофилософию. На границе нейронауки и биоэтики возникла нейроэтика, нацеленная на диагностику, оценку и менеджмент социогуманитарных рисков развития нейротехнологий.

Нейроэтика играет ключевую роль в создании гарантий от возможных злоупотреблений научными открытиями и инженерными изобретениями, формировании благоприятной социальной среды инновационного развития, связи нейронауки с бизнесом, государством и образованием. В нашей стране первая конференция по нейроэтике «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы» состоялась 30–31 мая 2018 г. в Институте философии РАН. Она была посвящена памяти профессора, члена-корреспондента РАН

* **Тищенко Павел Дмитриевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Гребенщикова Елена Георгиевна — доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН, заместитель председателя Оргкомитета конференции.
E-mail: aika45@yandex.ru

** Проект 18-011-20031г.

Бориса Григорьевича Юдина (1843–2017), внёсшего существенный вклад в развитие философии и методологии науки, формирование биоэтики и, в частности, в разработку концепции социогуманитарного обеспечения технотехники (фото).

Значение идей Б.Г.Юдина для развития нейроэтики в РФ стало одной из ключевых тем конференции. Как подчеркнули в своих выступлениях И.И.Ашмарин, М.С.Киселёва, С.М.Малков, М.А.Пронин, Г.Б.Степанова и П.Д.Тищенко, в Институте человека РАН (просуществовавшем до 2006 г.) была отработана междисциплинарная, комплексная методология исследования здоровья человека, человеческого потенциала, генома человека и других «человекомерных» (В.С.Стёпин) проблем. В настоящее время этот задел играет важную роль в исследовании социогуманитарных аспектов развития современной науки, включая проблемы нейронауки. Е.Г.Гребенщикова в своём докладе обратилась к концепции гуманитарной экспертизы, разработанной Б.Г.Юдиным. Основываясь на его концепции, возможно утверждать, что нейроэтика формирует новые режимы нормативности, выступает способом «социализации» технологических инноваций нейронауки. Анализ истории и методологии гуманитарной экспертизы были посвящены доклады А.А.Воронина и С.В.Пирожковой.

Второе тематическое направление конференции затрагивало философско-методологические основания нейроэтики. Профессор Монреальского университета Э.Расин – ведущий канадский теоретик нейроэтики, в докладе «Что такое нейроэтика и каковы её основания?» продемонстрировал эвристические ресурсы прагматического подхода к решению нейроэтических проблем, основанного на совместном экспертном и общественном обсуждении (делиберативных процедурах) и поиске решений возникающих проблем.

Одной из важнейших философских проблем нейроэтики является критиче-

Фото. Борис Григорьевич Юдин

ская оценка открытий в области нейронауки для понимания природы человеческой морали. Как подчеркнул Р.Г.Апресян, эти открытия позволяют по-новому взглянуть на антропологические условия морали, или, точнее, на тот ряд феноменов, разновидностью которого является мораль.

В ином контексте представил проблему соотношения нейронауки и этики А.В.Разин, выдвинувший ряд аргументов против биологизации морали. Он обратил внимание на то, что культурная обусловленность деятельности человека строится нередко вопреки его природным склонностям.

Т.А.Сидорова отметила, что развитие нейронауки порождает новую «нейронаучную этику», поскольку на основе экспериментальных данных постоянно происходит переосмысление специфики морали. Она выделила три аспекта в исследо-

вании морали: создание на основе данных когнитивных наук эволюционной этики, объяснение моральных феноменов деятельностью нейронных связей и пересмотр проблемы свободы воли.

Одностороннюю экспансию результатов и языка нейронауки в область социальных и гуманитарных исследований подверг жёсткой критике философ и историк науки из США С.Роджер. На позитивную роль расширения традиционных социальных и гуманитарных наук в сторону нейронаук обратила внимание Л.П.Киященко. Роль подобного расширения междисциплинарных связей может быть содержательно оценена на основе концепции «зон обмена» П.Галисона, позволяющей учесть информационные взаимодействия между удалёнными научными областями.

В совместном выступлении профессор нейрохирургии Л.Б.Лихтерман и историк медицины Б.Л.Лихтерман уделили внимание таким проблемам нейрохирургии, как фетишизация визуальных данных при игнорировании клиники и личности пациента; столкновение профессионального долга врача с коммерческими соблазнами, увеличение дистанции между врачом и пациентом и др. Разрешение указанных противоречий возможно при условии, что профессиональное становление и деятельность нейрохирурга сочетаются с этическими и гуманистическими ценностями.

Этико-антропологические проблемы оценки состояний человека на грани жизни и смерти (смерти мозга, вегетативного состояния и состояния минимального сознания) обсудили А.Я.Иванюшкин, О.В.Попова (совместно с О.Н.Резником) и П.Д.Тищенко. Эти состояния конструируются нейротехнологиями и невозможны без постоянной технологической поддержки. Границы между ними (от установления которых зависит продолжение жизнеподдерживающих процедур) неопределённые, требуют выполнения сложных медицинских и этико-правовых ре-

гламентов. В США решение этой задачи нередко становится компетенцией судов.

Интересная дискуссия состоялась по проблемам нейрополитологии. В.А.Бажанов с позиции биокультурного конструктивизма предложил ряд ответов на актуальные вопросы взаимодействия генов и культуры, онтогенетических оснований консерватизма и либерализма. Г.Б.Юдин, оппонировав докладчику, отметил, что попытки связать политическое поведение с врождёнными предпосылками, в том числе связанными с функционированием мозга, должны быть предметом тщательной интерпретации. Особенно непродуктивно использовать семантически неопределённые квалификации типа «консервативный» или «либеральный», которые в разных контекстах могут иметь несовпадающие значения.

В заключительной части в формате телеконференции выступили с докладами С.Миллер, профессор университета Техаса (США) и Дж.Харрис, профессор Манчестерского университета (Великобритания). Доклад С.Миллера был основан на совместных с Б.Г.Юдиным исследованиях моральных проблем проведения экспериментов на человеке и животных, поднятых М.Булгаковым в повести «Собачье сердце». Она отметила совпадение вопросов, стоявших перед наукой в 20-е гг. XX в. с современными проблемами нейронауки и нейроэтики, выявила основные узлы нейроэтических норм.

Актуальным этическим и антропологическим проблемам, связанным с появлением на дорогах автомобилей, управляемых устройствами на основе искусственного интеллекта, был посвящён доклад Дж.Харриса. Он обратил внимание на то, что результаты исследований в области разработки «моральных машин», решающих сложные моральные дилеммы, могут применяться и в других областях, в том числе и медицинской робототехнике.

Состоявшаяся конференция послужит стимулом для формирования ней-

роэтики как самостоятельного исследовательского направления в нашей стране. С материалами конференции, программой и записью видеотрансляции можно ознакомиться по ссылке <https://iphras.ru/page/19220308.htm>.

ENGLISH

Academic Conference Dedicated to B.G. Yudin Man in the World of Neurotechnologies: Social & Ethical Issues (Moscow, 30–31 May, 2018)

Pavel Dmitrievich Tishchenko – Dr. Sc. of Philosophy, senior research fellow, the Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences, Chair of the Organizing Committee of the conference.
E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Elena Georgievna Grebenshchikova – Dr. Sc. of Philosophy, head of the Center for Scientific Information Research on Science, Education and Technology INION, the Russian Academy of Sciences, Deputy Chair of the Organizing Committee of the conference.
E-mail: aika45@yandex.ru

The fruitful development of neuroscience is not feasible without prompt diagnosis, assessment and development of technologies for the management of social and humanitarian risks of neuroscience discoveries and inventions. The first national conference on neuroethics will serve as a stimulus for its development in our country as a stand-alone research area, will contribute to favorable social environment for the innovative development of interdisciplinary studies of the human brain.

Keywords: philosophy, philosophical anthropology, power, strength, bioethics, biopolitics, interdisciplinary research, transdisciplinary research

М.К. ПОПОВА*

Международная научная конференция «Книга в современном мире: проблемы рецепции» (Воронеж, 27 февраля – 1 марта 2018 г.)**

В статье по итогам работы конференции рассмотрены различные аспекты бытования книги в современном мире (книга и знание, малотиражность, текст и иллюстрация, книга и кино) и её формы (книга художника, аудиокнига, электронная книга).

Ключевые слова: знание и информация, книга, авторская книга, книга и кино, аудиокнига, функционально-семиотическая модель книги

Международная научная конференция «Книга в современном мире: проблемы рецепции» стала шестой, ежегодно организуемой кафедрой издательского дела филологического факультета Воронежского государственного университета (ВГУ). Как и в предшествующие годы, форум был посвящён проблеме бытования и трансформации в современной среде такого фундаментального для культуры феномена, как книга.

Вынесенная в название конференции проблема многоаспектна и многогранна, имеет как теоретическое, так и прикладное значение, что и определило тематику заседаний и нашло отражение во многих выступлениях. Неотделимую от книги проблему знания и его рецепции в цифровую эпоху поставила в своём докладе проф. Е.Н.Ищенко (Воронеж). Показав различие между знанием и информацией и охарактеризовав общество, в котором мы живём, как «об-

щество знания», Е.Н.Ищенко выявила роль современных информационных технологий, которые открывают каждому человеку доступ к разнообразным сведениям и тем самым формируют новую парадигму рецепции.

Интереснейшую конкретную функционально-семиотическую модель книги предложил проф. Г.В.Векшин (Москва), подчеркнув при этом значимость книги как интермедиатора материальной и нематериальной культуры, узлового явления культуры в целом. Проф. И.Антанасиевич (Белград, Сербия) посвятила свой доклад казалась бы частному случаю в книгоиздании – авторским книгам Николая Дронникова, выставку которых наша гостя привезла на конференцию (фото 1). Однако на основе конкретного материала была выявлена тенденция, весьма характерная для современной ситуации на книжном рынке: переход от многотиражности к авторской книге, книге художника, которая

* **Попова Мария Константиновна** — доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела Воронежского государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: mkp2007@yandex.ru

**Проект 18-012-20003.

Фото 1. Выставка книг Н. Дронникова

издаётся чрезвычайно ограниченным тиражом или выпускается в единственном экземпляре. В таких книгах визуальная составляющая неотделима от вербальной, каждая деталь работает на раскрытие авторского замысла.

Чрезвычайно интересный поворот темы конференции предложила доц. Ж.В.Грачёва (Воронеж). Она проследила, как имя «Пушкин», которое давно уже превратилось в когнитивную оперативную единицу ментального лексикона русских людей, бытует в современной культуре.

Большой интерес участников вызвали доклады, в которых предпринималась попытка определить место книги в обществе XXI в., причём речь шла и о книге редкой, антикварной, и об изданиях, увидевших свет совсем недавно. Нередко выступление участников оказывалось шире заявленной темы. Так, известный российский библиофил О.Г.Ласунский (Воронеж) в докладе «Книжные памятники в системе современных исторических знаний» не только охарактеризовал систему существования книжных памятников, действующую в нашей стране, но и раскрыл

универсальный характер книги как орудия умственного труда, представил книгу как комплексное явление, отражающее все аспекты человеческого бытия, выявил её адекватность реальной жизни.

Тему места редкой книги в сегодняшнем мире и особенностей её восприятия современным читателем затронули и научные сотрудники Отдела редких книг Зональной научной библиотеки ВГУ И.В.Подкопаева («Современное восприятие редких изданий И.С.Тургенева») и Ж.А.Леденёва («Особенности иллюстративной рецепции в изданиях 1920-х годов»).

Одна из рассмотренных на конференции проблем — рецепция книги как целостной структуры в единстве текстового, оформительского и конструктивного решения. Эта тема привлекла внимание как опытных исследователей, так и начинающих учёных. Большой интерес вызвал доклад доц. А.В.Фроловой (Воронеж) «Провокация как стратегия в оформлении книги С.Жатина «Ромео и Джульетта: Воронежские страдания»», в котором была проанализирована книжная облож-

Фото 2. Выступает академик А.А. Лукашанец

ка, отразившая специфику современного ремейка шекспировской трагедии. Любопытные соображения о соотносённости вербальной и визуальной образности высказала к.ф.н. А.Ю.Грязнова (Воронеж) в докладе «Детские рассказы А.Платонова глазами художников-иллюстраторов».

На традиционно организуемой в рамках конференции молодёжной секции А.Капцураж (Воронеж) охарактеризовала дизайнерский аспект рецепции набокковской «Лолиты», воплощённый в обложках разных изданий книги. Трансформацию энциклопедического издания под влиянием информационных технологий проследила И.Степанова (Томск).

Несколько выступлений были посвящены осмыслению книги как медиа, её месту в современном медийном пространстве, специфике её исторических форм. Уникальный материал представил действительный член Национальной академии наук Беларуси А.А.Лукашанец в докладе «Белорусская печатная книга в восточнославянском культурном пространстве (к 500-летию белорусского книгопечатания)» (фото 2).

Взаимосвязь и взаимовлияние книги и кинематографа убедительно проследила д.ис. Н.Л.Панина (Новосибирск). Этому же вопросу было посвящено выступление доц. В.Л.Гусакова (Воронеж) «Кино, превзошедшее книгу (об одном телефильме 1980-х годов)», в котором был представлен сопоставительный анализ телефильма «Гостья из будущего» и его первоосновы — повести К.Буллычёва «Сто лет тому впереди».

Проблему «Книга и кино» в диахроническом аспекте рассмотрела Е.В.Хомякова (Москва), выявив, в частности, сходство между рисунками в древнеегипетских папирусах и современных комиксах. О кино как факторе, который может привлечь внимание к книге, а может и оттолкнуть от неё,

рассуждала доцент из Санкт-Петербурга Е.Н.Шатова. Новый поворот теме медийности придал доклад Н.А.Масленковой (Самара) «Поэтика аудиокниги: между театром и литературой», который подтвердил и ярко продемонстрировал настоятельную необходимость изучения новых форматов, в которых сегодня бытует книга. Отрадно, что к этой проблеме охотно обращаются молодые исследователи. Интересные идеи по этому поводу прозвучали, например, в докладе Н.В.Токаревой (Воронеж) «Печатная, электронная и аудиокнига: особенности восприятия и выбор читателя», в выступлении аспирантки из Новосибирска М.А.Звир «Произведения Алана Гарнера в медиапространстве» и сообщении воронежского магистранта М.В.Норенко «Интерактивная детская книга: разновидности, функции, воздействие на детей».

Одной из центральных на конференции стала тема «Книга в художественном дискурсе», которую докладчики рассматривали под разными углами зрения. Близкими по исследовательским подходам оказались доклады доц. А.А.Жите-

нёва (Воронеж) «Открытка и поэтический текст: особенности взаимодействия и параметры рецепции» и к.ф.н. А.А. Голубковой (Москва) «Книга как экспериментальный объект в современной поэзии: Сафонов, Сулова, Андрукович», в которых была проанализирована специфика восприятия книжной и листовой продукции современными творческими личностями, продемонстрировано, как современные поэты вводят их в новые произведения.

Иной поворот обсуждаемому вопросу придала арт-директор театра кукол «Шут» С.В. Дремачёва (Воронеж), которая рассказала о том, как театр выступает посредником между поэтическими текстами А.А. Ахматовой «Поэма без героя» и «Реквием» и зрителями / реципиентами.

Разговор о рецепции книги привёл участников конференции к проблемам детской книги и молодёжного чтения. Эти проблемы проанализировали доц.

Т.А. Тернова, к.ф.н. К.В. Овсянникова, доц. О.В. Тихонова. Близкую тему затронула В. Маккейб (университет Риджес, Денвер, США), которая раскрыла особенности восприятия американскими студентами произведений русской литературы XX в.

В течение ряда лет в рамках конференции «Книга в современном мире» проходят заседания, посвящённые православной книге, которая в силу известных социополитических обстоятельств долгое время оставалась на задворках отечественной культуры. На форуме в обсуждении вопроса о восприятии современным человеком православной книги и культуры в целом приняли участие протоиерей Андрей Изакар (Воронеж), магистр богословия священник Константин Рева (Воронеж), доц. ВГУ Т.Н. Куркина.

По материалам конференции был подготовлен и выпущен сборник «Книга в современном мире: проблемы рецепции» (Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 2018).

ENGLISH

International Academic Conference A Book in the Modern World: Reception Issues (Voronezh, 27 February — 1 March, 2018)

Maria Konstantinovna Popova — Dr. Sc. of Philology, professor, Chair of Publishing, Voronezh State University, Chair of the Organizing Committee of the conference.
E-mail: mkp2007@yandex.ru

The paper describes the key takeaways of the conference and researches various aspects of book existence in the today's world (book and knowledge, small circulation, text and illustration, book and movie) and its formats (artist's book, audiobook, electronic book).

Keywords: knowledge and information, book, author's book, audiobook, functional-semiotic book model, book and movie

**В.В. ПОЛОНСКИЙ, Д.С. МОСКОВСКАЯ,
М.А. АРИАС-ВИХИЛЬ***

Гуманизм Максима Горького — писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея (Париж, 2 октября; Неаполь, 25–26 октября; Сорренто, 27 октября 2018 г.)**

В нынешнем году исполнилось 150 лет со дня рождения А.М. Горького. Общественная деятельность Горького и его уникальный талант писателя сохранились в культурной памяти не только России, но и многих зарубежных стран. Три крупных международных мероприятия при поддержке РФФИ были организованы Институтом мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН): Круглый стол «Гуманизм Максима Горького — писателя и общественного деятеля» в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже 2 октября 2018 г. (Франция), Международная конференция «Идеологические контексты творчества М. Горького» 25–26 октября 2018 г. в Неаполе (Италия) и открытие памятника М. Горькому 27 октября в городе Сорренто (Италия).

Ключевые слова: М. Горький, юбилей, штаб-квартира ЮНЕСКО, российско-французское научное сотрудничество, открытие памятника М. Горькому в Италии, российско-итальянское научное сотрудничество

Активное участие в организации праздничных мероприятий в честь 150-летия великого писателя приняли Российская академия наук и Институт мировой литературы, носящий имя А.М. Горького. В шехтелевском особняке на Малой Никитской, д. 6, теперь Музее-квартире Горького, структурном подразделении института, писатель прожил последние годы своей жизни. В ИМЛИ РАН находится личный архив писателя, превышающий 100 тыс.

единиц хранения, и ведётся подготовка Полного академического собрания его сочинений.

Подготовка к юбилейному горьковскому году началась в 2015 г., когда был обнародован Указ Президента РФ о проведении праздничных мероприятий во всероссийском масштабе. После решения ЮНЕСКО включить имя Максима Горького (фото 1) в Календарь памятных дат 2018 г. празднование приобрело всемирный статус. ИМЛИ РАН отметил это собы-

* **Полонский Вадим Владимирович** — доктор филологических наук, директор Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, председатель Международных оргкомитетов конференций.
E-mail: v.polonski@mail.ru

Московская Дарья Сергеевна — доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей ИМЛИ РАН.
E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН.
E-mail: marina.arias@mail.ru

**Проекты 16-04-00394а, 18-012-00436а, 18-52-15031а.

тие рядом международных проектов. В октябре 2018 г. на площадке штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже и в главном научном центре Франции – СНРС/Сорбонне прошли круглые столы, главной темой которых стал гуманизм творчества и общественной деятельности М.Горького. К участию в круглом столе в ЮНЕСКО были приглашены ведущие учёные, писатели и общественные деятели России, Франции, Италии, Кореи и других стран.

С приветственным словом к участникам обратились представитель Генерального директора ЮНЕСКО О.Азуле, Посол РФ при ЮНЕСКО А.И.Кузнецов, руководитель Россотрудничества в Париже К.М.Волков. Работу круглого стола открыл В.В.Полонский докладом «Гуманизм Горького в ситуации ценностного кризиса рубежа XIX–XX вв.». Докладчик представил Горького как «большого художника трагической эпохи крушения классической картины мира». Эту тему продолжил писатель П.Басинский. Этические ценности М.Горького он определил как «яростный бунт против всего, что искажает “идею” Человека, стесняя её в узких бытовых, национальных, социальных и природных границах».

Писатель З.Прилепин говорил о воле Горького к творческому преображению мира, к лучшей доле для всего человечества. Опыт перевода книг Горького на национальные языки поделился Серж Роле, автор книг о Горьком, рассказавший о подготовке нового перевода пьесы «На дне» на французский язык. Корейский писатель и литературовед, переводчик романа «Жизнь Клима Самгина» на корейский язык Каньин Ли представил доклад «История переводов произведений М.Горького в Корею и их роль в формировании корейского гуманитарного менталитета».

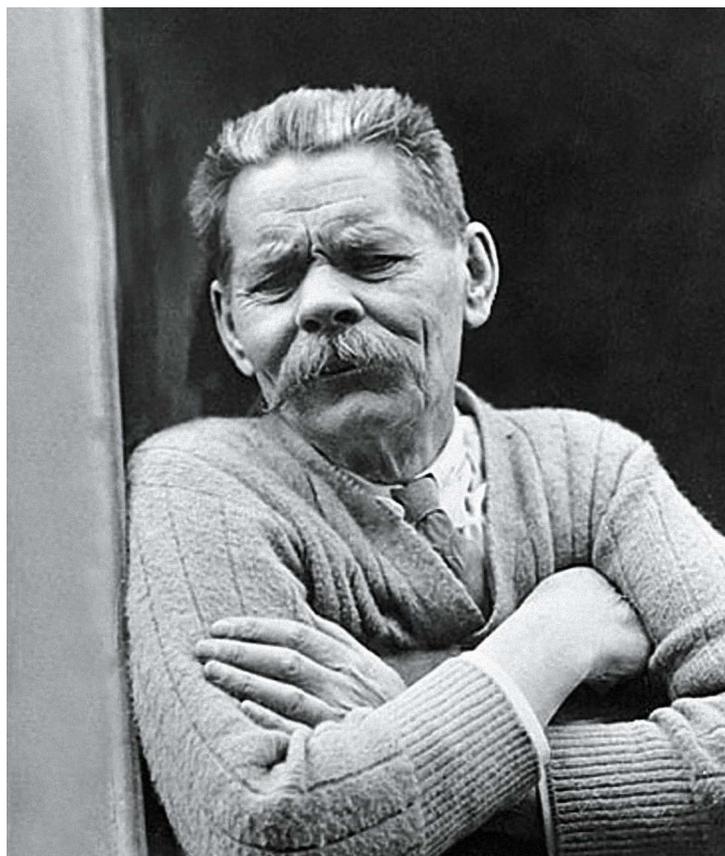

Фото 1. Максим Горький в середине 1920-х гг.
Музей А.М. Горького ИМЛИ РАН

Французский исследователь творчества Горького, М.Нике, представил писателя наследником великой гуманистической традиции европейского Просвещения. Паола Чони, исследователь творчества Горького, директор Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге, продолжила в докладе «Горький как европейский интеллигент» начатую М.Нике тему.

Выступление заместителя директора ИМЛИ РАН, заведующей отделом рукописей Д.С.Московской «О природе таланта М.Горького и его популярности у современников» представило историю институализации Горького как пророка, торпящего приход новой, преображённой просвещённым человечеством эры.

Доклад «Правозащитное движение в Европе и М.Горький» сотрудника Архива А.М.Горького ИМЛИ М.А.Ариас-Вихиль осветил неизвестные архивные страницы дела Виктора Сержа (Виктора Львови-

Фото 2. Памятник М. Горькому в Сорренто (Италия)

ча Кибальчича), судьба которого вызвала международный резонанс. Окончание «дела» Сержа связано с именем Горького. Заведующая Музеем А.М.Горького ИМЛИ РАН С.М.Дёмкина представила обзор архивных материалов из фондов Музея.

Работу круглого стола сопровождала выставка книг, изданных при поддержке РФФИ, посвящённых творчеству Горького и его эпохе. Презентацию выставки, вызвавшей большой интерес присутствующих, провёл В.П.Гребенюк, начальник Управления гуманитарных наук РФФИ.

Продолжением научной дискуссии, начатой в штаб-квартире ЮНЕСКО, стал семинар учёных-литературоведов, состоявшийся 5 октября в Институте славянских исследований (CNRS-Paris/Sorbonne). Докладчики отметили, что именно А.М.Горький заложил основные идеологические и экономические принципы функцио-

нирования институтов культуры в послереволюционные десятилетия. В семинаре приняли участие сотрудники ИМЛИ РАН и французские исследователи творчества А.М.Горького.

Блистательным завершением горьковского юбилейного года в мире стала состоявшаяся 25–26 октября в Итальянском институте философских исследований в Неаполе при участии ИМЛИ РАН и Неаполитанского университета «Л'Ориентале» Международная научная конференция «Идеологические контексты творчества М.Горького». Конференцию открыли Генеральный секретарь Итальянского Института философских исследований Ф.Ли Виньи, директор ИМЛИ РАН В.В.Полонский, ректор Неаполитанского университета «Л'Ориентале» Э.Морликкио и профессор русской литературы, руководитель Центра «Русский мир» в Неаполе М.Бёмиг. С докладами выступили ведущие историки русской литературы XX в. институтов Италии — университе-

тов Неаполя, Турина, Рима, Милана, а также учёные и горьковеды ИМЛИ РАН.

Завершилась конференция ярким культурным событием — Фестивалем «Возвращение в Сорренто: К 150-летию М.Горького», в рамках которого 27 октября в итальянском городе Сорренто, где писатель прожил почти 10 лет, состоялась торжественная церемония открытия памятника Максиму Горькому (фото 2). Идея установки памятника принадлежит ИМЛИ РАН. Памятник работы народного художника РФ, члена Российской академии художеств Александра Рукавишников был торжественно открыт на площади Виттория, на берегу Неаполитанского залива с видом на остров Капри, столь много значивший в жизни Горького.

В церемонии открытия памятника приняли участие посол Италии в России П.Терраччано, мэр Сорренто Д.Куо-

мо, председатель Попечительского совета фонда «Дом национальных литератур» Т.Каримов, директор ИМЛИ РАН В.В.Полонский, автор памятника А.Рукавишников, а также деятели культуры и искусства обеих стран.

Все эти яркие начинания, инициированные ИМЛИ РАН при поддержке и участии РФФИ, призваны в юбилейный для памя-

ти Горького год дать возможность мировой общественности по-новому осознать чрезвычайно важную роль этого выдающегося писателя и общественного деятеля в становлении структурообразующих социальных, научных и культурных институций современного мира, в формировании ценностных ориентиров человечества в XXI в.

ENGLISH

Humanism of Maxim Gorky — a Writer and Public Figure at 150 (Paris, 2 October; Naples, 25–26 October; Sorrento, 27 October, 2018)

Vadim Vladimorovich Polonsky — Dr. Sc. of Philology, director of A.M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences, Chair of International conference organizing committees.

E-mail: v.polonski@mail.ru

Daria Sergeevna Moskovskaya — Dr. Sc. of Philology, Chair of Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences.

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Marina Albinovna Arias-Vikhil — Cand. Sc. of Philology, senior research fellow, Archive of A.M. Gorky, A.M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences.

E-mail: marina.arias@mail.ru

This year is the 150th anniversary of A.M. Gorky's birthday. His social initiatives and his unique talent as a writer are preserved in the cultural memory of not only Russia, but also of many other countries. A.M. Gorky Institute of World Literature (under the auspices of the Russian Academy of Sciences) arranged three major international events with the support of the RFBR: a round table "Humanism of Maxim Gorky — a Writer and Public Figure" at UNESCO's headquarters in Paris on October 2, 2018 (France), International conference "Ideological Contexts of M. Gorky's Creativity" on October 25–26, 2018, in Naples (Italy) and the unveiling of M. Gorky's monument on October 27 in Sorrento (Italy).

Keywords: M. Gorky, anniversary, UNESCO's headquarters, Russian-French scientific cooperation, unveiling of M. Gorky's monument in Italy, Russian-Italian scientific cooperation

А.Э. ВОРОТНИКОВА*

Международная научная конференция «Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI веков» (Воронеж, 19–21 апреля 2018 г.)**

На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с особенностями конструирования и бытования образов «русскости» в различных типах дискурса в западной культуре (публицистическом, политическом, художественном, научном, повседневном). Особое внимание было уделено механизмам стереотипизации, а также выявлению зависимости сложившихся представлений о России и русских от ряда факторов: специфики дискурса, времени и источника его возникновения, конкретно-го объекта дискурсивной репрезентации, целевой аудитории.

Ключевые слова: дискурс, образ, «русскость», национальная идентичность, стереотипизация, культура, общество

Тематика Международной научной конференции, состоявшейся в Воронежском государственном педагогическом университете (ВорГПУ), привлекла широкий круг учёных-гуманитариев (около 100 докладчиков) из России и зарубежных стран: Белоруссии, Германии, Франции, Австрии, Польши, США, Республики Маврикий.

Дискуссию на первом пленарном заседании открыла д.филол.н., профессор ВорГУ Л.И. Гришаева. Она рассказала об активизации в германских медиатекстах конформных, т.е. совпадающих с доминирующими в конкретной картине мира, представлений для данной культурной среды. Возможность дополнения и усиления ригидного «чужого»

имиджа не влечёт кардинальных изменений, поскольку медиатекст апеллирует к сведениям, находящимся в ядерной, а следовательно, самой устойчивой и консервативной, части коллективной идентичности.

С интересом был воспринят аудиторией пленарный доклад д.филол.н., профессора ВорГПУ Н.А. Сребрянской «Англоязычные неологизмы, называющие русские реалии» (фото). Новые слова и словосочетания, характеризующиеся повышенными эмоциональностью и экспрессией, образностью, в частности гиперболизацией (крайние проявления — неологизмы-дисфемизмы, основанные на использовании обценной, сниженной, ненормативной лексики),

* **Воротникова Анна Эдуардовна** — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета, член Оргкомитета конференции.
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

** Проект 18-012-20006г.

Фото . Выступление профессора ВорГПУ Н.А. Сребрянской на пленарном заседании

призваны воздействовать на сознание граждан западных стран, формируя крайне негативный образ русских как глупых, порочных, лживых, склонных к жестокости и извращениям людей. Создание фонда политических неологизмов, имеющих негативные аксиологические смысловые характеристики, рассматривается исследователем как составная часть западных политтехнологий и как средство ведения информационной войны.

Если два предыдущих доклада были посвящены структурированию образов «русскости» коллективным субъектом, то выступление д.филол.н., проф. А.С.Бакалова (Самара) «Захватчик, военнопленный, турист: память о России» обращено к единичному субъекту – видному немецкому учёному, автору диалогии о нашей стране – К.Э.Лааге. В позитивном ключе была оценена и К.Лааге, и А.С.Бакаловым (переводчиком диалогии о России) сама возможность общения двух народов и их взаимного обогащения опытом, не вмещающимся в прокрустово ложе идеологизированных и политизированных концепций национальной идентичности.

В фокусе исследования проф. Х.Рудлоффа, (Педагогический институт, Фрайбург, Германия) оказался сопоставительный анализ произведений русского и немецкого лауреатов Нобелевской премии И.Бунина и Т.Т.Манна. Проблема цивилизационного развития, остро стоящая в обоих произведениях, не может быть до конца осмыслена, как показал Х.Рудлофф, без учёта национальной специфики её решения.

К одной из наиболее популярных и востребованных на конференции тем – русской эмиграции – было обращено выступление «Русские в ранних рассказах Владимира Набокова» доктора искусств А.Пис (Скенектади, Нью-Йорк, США). Доклад интересен отношением к Набокову как к американскому писателю, не утратившему «русскости». Билингвизм этого художника, осознававшего себя носителем двух культур, – явление, безусловно, любопытное.

Профессор ВорГУ д.филол.н. В.В.Хорольский попытался выявить закономерности в рецепции образа России в публицистике США на разных этапах развития в прошлом столетии. Он отметил «маят-

никообразное» колебание общественного мнения в Штатах по отношению к России — от любви к ненависти и обратно. Докладчик выделил три волны позитивной рецепции образа нашей страны: 1) период политических реформ, возглавляемых В.И. Лениным, Н.С. Хрущёвым, М.С. Горбачёвым; 2) моменты наиболее интенсивного развития науки, принёсшего с собой ряд завоеваний, особенно в освоении космоса (даже во время холодной войны); 3) совместная борьба против фашизма. На примере прозы и публицистики, посвящённой молодой Стране Советов, В.В. Хорольский продемонстрировал плюрализм взглядов и широту оценочного диапазона — особенность, в той или иной степени проявляющаяся и сейчас.

Автор пленарного доклада «Образы и смыслы России и русских — основы философии отечественного образования» — проф. Е.П. Белозерцев (ВГПУ) — задал новое идейно-тематическое направление дискуссии — «русскость» с позиций философии образования. Начав свои размышления с обоснования методологических посылок, Е.П. Белозерцев обратился к изложению и сравнительному анализу концепций «русскости», представленных в трудах выдающихся отечественных и западных философов, писателей, педагогов. Докладчик выразил озабоченность бездуховным состоянием современного человека и высказал уверенность в жизнеспособности «корневой системы» русского человека.

Выступления на первой секции «Языковые средства конструирования образов России и русских в публицистическом дискурсе в Западной Европе и США» были обращены к важнейшему в современном мире агенту социализации — СМИ. Внимание докладчиков привлекли разнообразные в типологическом отношении средства информации: традиционные печатные издания, веб-сайты, блоги, телевидение и радиовещание Великобритании, Австрии, Германии, Франции и США. Столь же разнообразной была и темати-

ка анализируемых медиатекстов: начиная с бытовых зарисовок иностранных туристов и заканчивая освещением крупномасштабных внутри- и внешнеполитических событий.

Холистический подход, применявшийся практически всеми докладчиками, предполагает взгляд на медиатекст как на интенциональную, содержательно-тематическую, функциональную и формально-языковую целостность, членимую на отдельные аспекты для их углублённого исследования с последующим обобщением полученных результатов.

Как следует из представленных докладов (С.Ю. Капковой, Н.В. Бугаковой, О.И. Палагиной, Т.И. Литвиновой, И.Н. Шустовой, Е.А. Проценко, М.Ю. Свинкиной), наиболее важными средствами формирования имиджа современной России в публицистическом дискурсе служат разнообразные тропы и фигуры речи (метафоры, метонимия, эпитеты, перифразы, каламбуры, антитезы, ирония и сатира, риторические вопросы и т.п.). Во всех исследованиях прослеживалась мысль о мощном подспудном воздействии образа на сознание реципиента.

В ходе работы второй секции «Образы “русскости” в отечественных и зарубежных дискурсивных практиках: черты сходства и отличия» предметом изучения стали самые разные феномены: начиная от фонетических маркеров эмоциональных состояний, носящих социокультурную обусловленность (Т.Ю. Шурупова), и заканчивая способами концептуализации и категоризации окружающей действительности в сознании носителей конкретных языков (М.И. Пивоварова, Т.А. Чубур, И.П. Конопелько). Следует отметить научный интерес выступающих как к вербальной, так и невербальной формам коммуникации, а также обращение к языковым феноменам разных уровней и разнообразным типам дискурса, на материале которых осуществлялось исследование образов России и её народа: дискурс повседневно-бытового обще-

ния, рекламный, художественный, медиа-дискурс.

Значимое место в работе конференции было отведено третьей – наиболее многочисленной – секции «Механизмы формирования образов России и русской культуры в образовании, науке и искусстве Западной Европы и США», объединившей педагогов, методистов, философов, искусствоведов, историков и социологов.

Внимание слушателей привлекли такие аспекты, как национальная картина мира русских мигрантов за рубежом в разные периоды истории XX в.; религиозная составляющая русской идеи и попытки её постижения представителями западной культуры (Е.Е.Седова, Н.П.Харьковский, А.В.Калагастова, Е.В.Щербинина, Г.Е.Кислинская, М.Ю.Пономарёва); «женская тема» в России во время перестройки и последующий период сквозь призму англо-американской историографии (Е.В.Якушкина). Примечательна неоднократно озвученная в докладах на секции мысль о положительном восприятии стереотипов в сфере искусства. Исследователи отмечали восторженное отношение к русскому классическому танцу в Европе и США, высокую оценку роли русского авангарда в западных архитектурных проектах, а также креативное использование элементов русского народного творчества и советской атрибутики в современном дизайне и индустрии моды (Т.Ю.Жегульская, И.Н.Преображенская, С.В.Щедрина).

Особое место в работе этой секции заняла патриотическая проблематика, а именно вопрос о концептуальном наполнении понятия патриотизма, о его индивидуализированном, социально и исторически обусловленном толковании (выступления М.В.Дюжаковой, В.Ф.Гревцевой, Н.А.Игнатенко, Е.Е.Роговой, Т.Н.Поздняковой, М.А.Шевцовой). Участники конференции пришли к выводу о необходимости отказа от идеализации и политизации универсального общечеловеческого чувства

любви к Отечеству и о приоритете нравственных основ патриотизма в философской и педагогической мысли.

В докладах четвертой и пятой секций «Русское присутствие в дискурсивном пространстве западноевропейской и американской художественной литературы XX–XXI вв.» и «Историческая динамика образов России и русских в западном художественном сознании XX–XXI вв.» западная литература представлена как хронограф, фиксирующий национальные представления о меняющейся реальности, и как чуткий камертон, улавливающий не всегда очевидную динамику в устоявшихся образах чужого народа. Как было показано во многих выступлениях (Г.В.Кучумовой, В.Х.Гильманова, Ю.Л.Цветкова, А.Э.Воротниковой, О.А.Дроновой, М.С.Потёмной, Д.О.Курилова), эти образы подвергаются концептуальному «расшатыванию» и наполняются новыми смыслами во времена исторических потрясений.

Наиболее часто докладчики (А.А.Гугнин, Т.В.Кудрявцева, Е.Е.Приказчикова, О.В.Кузнецова, Л.А.Мельникова) оставались на центральном переломном событии не только отечественной, но и всеобщей истории минувшего столетия – Второй мировой войне, которая нашла отражение в художественной литературе, будучи пропущенной сквозь призму национальной проблематики. Заслуживающей внимания участникам конференции показалась мысль о том, что даже такое событие-водораздел между довоенными и послевоенными отношениями России и Германии оставило неизменными многие стереотипы в отношении русских и, более того, способствовало их дальнейшему закреплению в западном сознании.

Лейтмотивом большинства докладов, представленных на четвертой и пятой секциях, прозвучала мысль о русской литературе как автономной самодостаточной дискурсивной системе, неизменно вызывающей почтительный интерес пи-

сателей и читателей в других странах, даже тогда, когда эти страны находятся в состоянии конфронтации с Россией (выступления Т.В.Кудрявцевой и А.А.Гугнина, Л.А.Мальцева и К.Граевского, Г.В.Кучумовой, Т.Н.Андреюшкиной и автора этой статьи).

Проблема стереотипизации определила содержание докладов в рамках шестой секции «Конструкция и деконструкция стереотипных образов России и русских в западном дискурсе». В результате культурного трансфера, под влиянием целого ряда тесно переплетённых факторов как языковой, так и внеязыковой природы национальные образы подвергаются концептуальному модифицированию, иногда утрачивая при этом ряд исконно заложенных в них смыслов и обретая совершенно новые. К изучению подобных концептуально-семантических сдвигов, закрепившихся в языке — важнейшем проводнике в мир «чужих» смыслов, и были обращены выступления на этой секции.

В докладе М.Ю.Дорофеевой (ВорГПУ) (гражданки Австрии российского про-

исхождения) на немецком языке, посвящённом представлениям о России в немецкоязычном политическом и медийном дискурсе, было ощутимо стремление непредвзято и объективно взглянуть на сегодняшние отношения нашей страны с Европейским Союзом, получающие не всегда однозначную оценку и на Западе.

На конференции была обоснована и всесторонне раскрыта зависимость формирования образов «русскости» от целого ряда факторов (дискурса, конкретного объекта дискурсивного представления, источника его порождения, времени бытования, целевой аудитории), а также установлена специфика проявления обнаруженной зависимости в отдельных типах дискурса. Научная расшифровка чужого дискурсивного кода, скрывающего иное видение феномена «русскости», позволяет дополнить и расширить собственные представления о себе, внести коррективы в процесс национальной самоидентификации и сделать возможным проникновение в иную культуру.

ENGLISH

International Academic Conference Formation of Images of Russia and Russians in the Western Discourse Practices of the 20th–21st Centuries (Voronezh, 19–21 April, 2018)

Anna Eduardovna Vorotnikova — Dr. Sc. of Philology, professor, Chair of the French and Foreign Languages for Non-Language Courses, Voronezh State Pedagogical University, member of the Organizing Committee of the conference.

E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

The conference discussed a wide range of issues related to the peculiarities of the design and existence of images of “Russianness” in various types of discourse in the Western culture (journalistic, political, artistic, scientific, daily). A special focus was given to the mechanisms of stereotyping, as well as identifying the dependence of the prevailing ideas about Russia and Russians on a number of factors: the specifics of the discourse, the time and source of occurrence, the specific object of discursive representation, the target audience.

Keywords: discourse, image, “Russianness”, national identity, stereotyping, culture, society

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-185-189

О.А. ТУРБИНА*

Международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур» (Челябинск, 28–30 мая 2018 г.)**

В статье представлен обзор прошедшей в Челябинске 28–30 мая международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур». Отмечается, что в этом знаковом для лингвистической науки событии приняли участие учёные не только из России и Китая, но и из других стран ближнего и дальнего зарубежья. Поскольку доклады именитых учёных заслуживали внимания всех участников, в программу конференции были включены четыре пленарных заседания. По итогам конференции был принят протокол о намерениях развития сотрудничества между Институтом лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного научно-исследовательского университета (ЮУрГУ (НИУ)) и Тяньцзиньским университетом иностранных языков (Китай) (ТУИЯ), включающих обмен опытом по актуальным направлениям современной лингвистики, лингвокультурологии, педагогической антропологии и методики обучения иностранным языкам с целью развития регионального и международного научного сотрудничества.

Ключевые слова: международная научная конференция, ЮУрГУ, ТУИЯ, взаимодействие языков и культур, участники конференции, доклады, языковые и культурные ценности, отношения научного сотрудничества

Состоявшаяся в Институте лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) конференция носила особый характер: она проводилась в рамках мероприятий, посвящённых 75-летию юбилею ЮУрГУ и 20-летию профильного лингвистического образования в вузе. Созданный в годы Великой Отечественной войны как Челябинский механико-машиностроительный институт, ЮУрГУ своё

75-летие встречает как классический национальный исследовательский университет, один из крупнейших вузов России, участник Программы 5-100.

Партнёром ЮУрГУ (НИУ) по организации и проведению конференции стал Тяньцзиньский университет иностранных языков (ТУИЯ), один из самых крупных лингвистических университетов Китая, известный разнообразными лингвистическими программами, научными исследованиями и учёными.

* Турбина Ольга Александровна — доктор филологических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), директор Лингвистического центра, профессор кафедры Лингвистики и перевода, заместитель председателя Программного комитета конференции.
E-mail: turbina371@mail.ru

** Проект 18-012-20027г.

Фото 1. Выступление председателя Программного комитета д.филол.н., профессора В.И. Карасика

Заявки на участие в конференции прислали около 150 учёных, преподавателей и аспирантов из России, а также ближнего (Белоруссия, Казахстан, Киргизстан) и дальнего (Китай, Иран) зарубежья. В качестве почётных гостей — докладчиков на пленарных заседаниях, руководителей секций и мастер-классов — в форуме приняли участие известные российские и зарубежные учёные.

В ходе конференции состоялись четыре пленарных заседания, заседания пяти секций и один мастер-класс; в их работе приняли участие около 200 преподавателей, студентов и аспирантов.

Открытие конференции состоялось 28 мая. С приветственным словом к её участникам обратился проректор по науке ЮУрГУ (НИУ), д.т.н., проф. А.А. Дьяконов. Он подчеркнул большое значение конференции для развития отношений между Россией и Китаем, между ЮУрГУ и ТУИЯ, важную роль форума для развития лингвистического образования и лингвистики как науки в целом.

Цели конференции как важного фактора в развитии взаимодействия языков и культур, развития лингвистической науки в целом определил Председатель программного комитета В.И. Карасик

(фото 1). В своём пленарном докладе он рассмотрел ценностный аспект квантов нарратива: сюжетных мотивов, норм и рекомендаций, составляющих ценностную картину мира.

Созвучным теме ценностной картины мира стал доклад, представленный проф. ТУИЯ Ли Инин (фото 2) «Осмысление благородства в китайской и русской лингвокультурах». Докладчик убедительно показала аксиологические признаки отношения к людям преклонного возраста в России и Китае в контексте культурных традиций двух стран. Проф. Г.Г. Слышкин в докладе «Языковая политика: аксиология и праксиология»

обратил внимание на недостаточность термина «языковая политика» и предложил более точный, на его взгляд, термин «лингвокоммуникативная политика». Он оценил языковую политику как инструмент формирования ценностной картины мира социума и удовлетворения потребностей правящей элиты. Проблеме универсального синтеза культуры был посвящён доклад д.ф.н. В.М. Русакова (Екатеринбург). Докладчик обосновал потребность в междисциплинарных исследованиях явлений культуры на современном этапе развития человеческой цивилизации в условиях глобализации.

На втором пленарном заседании были представлены доклады, посвящённые сопоставительным лингвокультурологическим исследованиям различных жанров и видов дискурса: «Сопоставительная метафорология» проф. А.П. Чудинова (УрГПУ), «Образы природы в творчестве китайских и русских поэтов XX века» доцента Ван Вэньцзянь (зав. кафедрой русского языка Института европейских языков и культур Тяньцзиньского университета иностранных языков), «Принципы изучения речезанровых заимствований» В.В. Дементьева (Саратов). Были

обсуждены общетеоретические и методологические лингвистические исследования системы речи: «Политический медиадискурс: опыт структурного анализа» проф. О.Ф.Русаковой (УрО РАН), проф. О.А.Турбиной «Механизмы актуализации единиц языка в речевом акте» (ЮУрГУ). Все представленные доклады в силу актуальности поднятых проблем и глубины их рассмотрения вызвали большой интерес и оживлённую дискуссию.

На третьем и четвёртом пленарных заседаниях были заслушаны доклады известных учёных: «Конструирование современной лингвополитической реальности в цифровом дипломатическом дискурсе» Л.Г.Викуловой (Москва), «Лингвокультурные ценности в историческом дискурсе» А.П.Миньяр-Белоручевой (Москва), «Научная дискуссия в обучении академическому английскому» Л.А.Городецкой (Москва), «Русский язык и ментальность русских» И.И.Ивановой (Кыргызско-Российский Славянский университет), «Семиотика наблюдения в контексте медиаурбанистики» О.А.Леонтович (Волгоград), «Отражение когнитивных механизмов в русских загадках» Е.В.Дзюбы (УрГПУ) и др.

Все секционные заседания прошли в атмосфере научной дискуссии и активного взаимодействия преподавателей и студентов.

На секции «Лингвокультурные ценности» (руководитель О.А.Солопова, ЮУрГУ) были заслушаны доклады о лингвокультурных ценностях и проблемах их исследования в междисциплинарном ракурсе. Большой интерес вызвали раскрывающие данную проблематику выступления О.А.Солоповой и М.С.Салтыковой, Цуй Янь, Е.С.Плешкова. В работе секции приняли участие учёные, преподаватели высших учебных заведений, аспиранты, магистранты из России, Китая, Ирана.

Фото 2. Выступление профессора Ли Инин, директора Института европейских языков и культур Тяньцзиньского университета иностранных языков (Китай)

Объединённое заседание секций «Национальные языки в условиях глобализации» и «Языковая политика и национальные языки» (руководитель Е.В.Харченко, ЮУрГУ) проводилось на русском и английском языках. Техническую поддержку осуществляли переводчики ЮУрГУ. Большой интерес вызвал доклад Л.П.Юздовой «Ойконимы Челябинской области как отражение процессов когнитивистики». Автор выделила мемориальные ойконимы: Берлин, Лейпциг, Париж, Порт-Артур, Фершампенуаз, представляющие своего рода названия-памятники, относящиеся к определённому историческому событию. Например, ряд ойконимов Челябинской области связан с событиями Отечественной войны 1812 г. Доклад вызвал оживлённую дискуссию, касающуюся как истории самих наименований, так и особенностей их восприятия разными группами (жителями этих посёлков, приезжими).

На секции «Национальные литературные языки и языки художественной литературы» (руководитель Н.Н.Кошкаророва, ЮУрГУ) были заслушаны доклады С.А.Герасимовой (Москва) «Роль французской Энциклопедии XVIII века в становле-

нии национального литературного языка», Н.Н. Кошкарновой (ЮУрГУ) «Деструкция дискурса как аксиогенная ситуация», И.В. Степановой (Челябинск) «Лингвокреативный аспект поликодового текста (на материале логотипов городов)» и других исследователей.

Секция «Межкультурная лингводидактика» (руководитель К.Н. Волченкова, ЮУрГУ) объединила исследователей, занимающихся проблемами обучения носителей разных культур иностранным языкам. Особый интерес и подробное обсуждение вызвали доклады «Лексика православной веры: лингводидактический аспект» И.В. Жуковой (ЮУрГУ), «Жанр самопредставления в преподавании РКИ» Н.А. Бурмакиной (Красноярск), «Эффективные подготовительные упражнения при аудировании иноязычного дискурса» Т.В. Финаевой (ЮУрГУ). Широкое обсуждение получили вопросы теории обучения и воспитания в условиях мультикультурного общества и многонациональной среды университета, а также применения уже известных практик в новых условиях интернационализации системы высшего образования.

Большинство докладчиков использовали в своих выступлениях мультимедийные презентации.

На заключительном заседании участники высоко оценили научную ценность и практическую значимость международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур». Было отмечено, что конференция прошла на высоком концептуальном уровне и будет

способствовать комплексному решению актуальных проблем лингвистики и гуманитарной науки в целом, а также повышению качества университетского образования.

В числе актуальных и перспективных направлений научных и практических исследований были определены следующие: выявление и анализ лингвокультурных ценностей в межнациональном пространстве, развитие и функционирование национальных литературных языков в условиях глобализации, роль языковой политики в условиях взаимодействия национальных языков, совершенствование аппарата межкультурной лингводидактики.

Практическим результатом конференции стало заключение протокола о намерениях между Институтом лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ (НИУ) и ТУИЯ об открытии в ТУИЯ центра «Институт Пушкина» и программах двойной магистратуры и аспирантуры. Соответствующие соглашения были подписаны ректором ТУИЯ Чэнь Фачунем и ректором ЮУрГУ (НИУ) А.Л. Шестаковым во время визита последнего в Китай в сентябре 2018 г.

Конференция рекомендовала ЮУрГУ (НИУ) и ТУИЯ продолжить систематический обмен опытом по актуальным направлениям современной лингвистики, лингвокультурологии, педагогической антропологии и методики обучения иностранным языкам с целью развития регионального и международного научного сотрудничества и систематизации актуальных проблем.

ENGLISH

**International Academic Conference Language & Cultural Interaction
(Chelyabinsk, 28–30 May, 2018)**

Olga Aleksandrovna Turbina – Dr. Sc. of Philology, professor of the South Ural State University (National Research University), Director of the Linguistic Center, Professor of the Department of Linguistics and Translation, Deputy Chair of the Conference Program Committee.

E-mail: turbina371@mail.ru

The paper provides an overview of the international academic conference *Language & Cultural Interaction* held on May 28–30 in Chelyabinsk. This landmark event for the linguistics brought together scientists not only from Russia and China, but also from the neighboring and other countries. Since the reports of eminent scientists deserved the attention of all participants, the conference program included four plenary sessions. The conference resulted in a signed memorandum of understanding concerning the development of cooperation between the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State Research University, SUSU, and the Tianjin Foreign Studies University (China), including sharing experiences in the current areas of modern linguistics, cultural linguistics, pedagogical anthropology and methods of teaching foreign languages in order to develop regional and international scientific cooperation.

Keywords: international scientific conference, SUSU, Tianjin Foreign Studies University, language and cultural interaction, participants of the conference, reports, language and cultural values, relations of scientific cooperation

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-190-194

Е.Л. КАПУСТИНА*

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30 гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. — 400 с.**

Ключевые слова: национальная политика, Северный Кавказ, политическая антропология, идеология советской власти, советская периферия

Эта книга — последний монографический труд этнографа, признанного классика кавказоведения Юрия Юрьевича Карпова (1956–2015) — посвящена проблеме включения Северного Кавказа в структуру и идеологию советского государства на протяжении начального периода его становления (1920–1930-е гг.). Основное внимание, как следует из названия, автор уделяет проблеме национальной политики новой страны в указанном регионе. Актуальность данной темы очевидна всякому, кто знаком с общественной жизнью на Северном Кавказе. Интерес к истории вообще и к теме национального строительства в частности весьма характерен для региона, где исторические сюжеты являются подчас важными аргумента-

ми в дебатах о нынешней политической судьбе Северного Кавказа, связываются с современными проблемами национального самоопределения, судьбами национальных движений, воспринимаются как причины конфликтов различного генеза. В этом контексте очевидно, что данная монография не останется незамеченной в широких общественных кругах, а возможно, станет катализатором активных академических и общественных дискуссий.

Книга состоит из двух частей. В первой части автор с присущей ему основательностью и вниманием к широкому контексту, определяя временные рамки первыми двумя десятилетиями советской власти, даёт читателю возможность освежить в памяти основные ве-

* Капустина Екатерина Леонидовна — кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
E-mail: parlel@mail.ru

** Проект 17-01-16036д.

хи решений имперской администрации, её экспертов и оппонентов относительно бытования языка, культуры, религии и прочих особенностей подчинённых народов региона. Показан процесс развития национальных идей и движений на Кавказе в дореволюционный период. Здесь же очерчиваются контуры и истоки программы большевиков по вопросам национальной политики в стране и, в частности, на Кавказе, а также внутрипартийные дискуссии по этому вопросу в революционный период.

Вторая часть, состоящая из четырёх глав, непосредственно посвящена событиям и дебатам 1920–1930-х гг. Первая глава повествует о процессе трансформации бывших имперских территорий в советские административные единицы, о попытках новых региональных элит выстроить свои уникальные отношения с центром и друг с другом. Отдельное внимание уделено краткому, неоднозначному, но очень значимому периоду существования постимперских кавказских государственных образований, в частности, судьбе Горской республики, её формированию, трансформации и ликвидации. Здесь Ю.Ю.Карпов демонстрирует читателю, как в процессе советизации Северного Кавказа возникали и проходили дебаты о возможности сопряжения большевистской идеологии и шариата, о месте казачества в новом советском государстве с учётом его неоднозначной роли в революционных событиях, о национализации власти на местах, формировании местной национальной элиты и т.п.

Во второй главе автор исследует проблему взаимодействия местной специфической традиционной культуры власти и ищущей свой идеологический путь власти советской. Большевики, накапливая знания об особенностях региона, постепенно меняли тактику — от фактического принятия прежних форм организации управления (что давало в итоге довольно эклектичную картину) до более или менее успешных попыток упраздне-

ния и замены старых порядков новыми, советскими. Одновременно с этим автор показывает реакцию на местах и способы адаптации новой системы власти с учётом местных условий и интересов. Последовательно анализируются варианты советизации на местах: в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Адыгее, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии (этот принцип регионального представления материала сохранится и в следующих главах книги).

Третья глава посвящена примерам решения различных вопросов, актуальных для региона, в широком контексте идеи национального строительства. Подробно рассматриваются земельные проблемы, напрямую связанные с противостояниями отдельных административных структур разного уровня (от сёл до республик), языковая политика, политика коренизации, национализация истории и памяти, культурные преобразования и т.д.

В четвёртой главе Ю.Ю.Карпов показывает механику достаточно быстрого и драматичного поворота к новой политической линии центра в отношении национальных вопросов — к жёсткому и иерархичному варианту взаимоотношений Москвы и регионов.

Послесловие — это приглашение к дискуссии не только о национальной политике на Северном Кавказе, но и об имперской и постимперской сущности России как государственного образования, а также описание влияния исторических сюжетов, описанных в данной книге, на современный контекст северокавказских дискуссий и политических решений постсоветского государства.

Настоящее издание отличается скрупулёзным и увлекательным описанием канвы событий, связанных с формулированием и проведением политики национального строительства, а также демонстрацией эволюции дискуссий политиков и общественников — и наблюдателей 1920–1930-х гг., современников событий, и исследователей нашего времени.

Следует отметить, что специфика рецензируемой монографии состоит в некоторой дисциплинарной размытости. Казалось бы, тема выполнена в жанре классического исторического сочинения, преимущественно на основании анализа письменных источников – архивных документов, сочинений и речей политических деятелей эпохи, периодических изданий и т.п. Однако внимательно знакомясь с текстом, читатель может заметить, что написана она этнографом по той выборке материала, формулированию задач исследования и методологическим линзам, которые автор применяет для решения поставленных задач. Ю.Ю.Карпов сам определяет междисциплинарность своего подхода, подразумевающего сочетание методов историко-этнологических, политико-антропологических и культурологических исследований. Автор предлагает анализировать те или иные явления и процессы, учитывая, в первую очередь, разнообразные аспекты «картины мира» местных сообществ, культурную и социальную специфику микрорегионов.

Ю.Ю.Карпов показывает, что в первой половине XX в. в условиях мощнейших политических и социоэкономических кризисов в стране и конкретно её регионе шла активная дискуссия о национальном: кто такие инородцы, народ, нация, как и почему проявляется национальное чувство в тех или иных коллективах. Эти дискуссии выходили далеко за пределы академических кругов, тесно сопрягались с политическими ходами центральных и региональных властей. Автор выявляет связь темы национальной идентичности с земельным вопросом, противостоянием административных единиц и лингвистическим разнообразием в регионе; отмечает он и то, в какой момент актуальность национальной темы была вытеснена идентичностью религиозной. Прекрасно показано в книге и то, как новое советское правительство сложно и подчас непоследовательно формулировало для себя пресловутый национальный вопрос

и старалось поместить его в рамки большевистской социалистической идеологии.

Автору чрезвычайно интересна судьба местных лидеров, «вождей новой формации», участвовавших в политическом процессе и с разной степенью усердия пытавшихся лавировать между отстаиванием национальной специфики и необходимостью проведения наднациональной советской политики. Здесь можно найти параллель с более ранними работами Ю.Ю.Карпова, посвящёнными теме лидерства на Кавказе [1, 2]. Автор подробно характеризует их не только как общественных деятелей, но и как конкретных людей, обращая внимания на их взаимоотношения с подчинёнными, соратниками, оппонентами, врагами и высшим руководством страны. Так очень рельефно выписаны фигуры главы Кабардино-Балкарии Бетала Калмыкова, главы Дагестана Нажмутдина Самурского и др.

Наряду с масштабными политическими фигурами регионального и общесоветского масштаба – В.Лениным, И.Сталиным, С.Орджоникидзе, Н.Самурским, Б.Калмыковым и т.д. – слово даётся и «людям на местах», чьи голоса, отражённые в протоколах и стенограммах, в 1920–1930-е гг. в той или иной мере ещё были слышны на собраниях разного рода, проводимых на локальном уровне. В монографии повсеместно приводятся обширные и подчас эмоциональные цитаты из архивных дел. Эта «этнография» обогащает повествование многочисленными деталями, позволяет увидеть ситуацию объёмно, вскрыть внутреннюю многослойность и порой противоречивость ряда дискуссий, а главное – спуститься на локальный уровень обсуждения и претворения в жизнь масштабных политических решений.

Читателю предлагается обратить внимание на очевидный параллелизм ранне-советской и постсоветской региональной и национальной политики, когда предложения максимальной автономии достаточно резко сменялись режимом жёсткой централизации и утратой регионами

политической инициативы. Торг вокруг автономии, противостояние соседних республик и краёв, непоследовательность и неоднородность решений центра – всё это и сегодня актуально для развития Северного Кавказа.

Книга Ю.Ю. Карпова – безусловно, оригинальный труд, написанный на уникальном архивном материале и на злободневную тему. Нельзя не отметить, что в последние годы появились обобщающие труды, посвящённые административному управлению регионом и национальному строительству в нём (из последних хотелось бы упомянуть, например, [3]). Однако монография Ю.Ю. Карпова заняла особое место в ряду этих книг благодаря специфическому фокусу исследования: автора интересовали не только практики или дискуссии, но их сложное сочетание и диахрония развития.

Другим достоинством книги является то, что автор вводит в научный оборот масштабный и захватывающе интересный архивный материал, собранный за несколько лет работы над книгой не только в центральных архивах России и Грузии, но и в различных региональных архивных хранилищах (цитируются дела из 21 архива).

Прежде чем приступить к чтению, читателю необходимо знать обстоятельства

выхода книги: когда рукопись была завершена, автор скоропостижно скончался. Ю.Ю. Карпов, дотошный и аккуратный не только в том, что касалось самого исследования, но и дальнейшего процесса подготовки текстов к печати, в завершающей работе над книгой уже участия не принимал. Этим может объясняться наличие незначительных повторов в тексте, некоторая обрывочность ряда разделов, а также небольшое число недочётов, которые после кончины автора было чрезвычайно сложно или невозможно исправить.

Завершая исследование событиями конца 1930-х гг., Ю.Ю. Карпов в послесловии намечает дальнейшие векторы развития своего интереса к этой теме – вполне возможно, что он задумывал продолжение своего труда. Тем не менее, и без авторского продолжения данная книга, подробно описывая раннесоветский период национального строительства в регионе, приглашает к дискуссии и дальнейшим историческим и антропологическим изысканиям в этом направлении. Очевидно, что появление новых изданий на эту тему станет тем результатом, которым был бы доволен и сам автор, всецело поглощённый выбранной научной стезёй выдающийся кавказовед Юрий Юрьевич Карпов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов Ю.Ю. Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 107–167.
2. Карпов Ю.Ю. Общество – лидер – власть (на примере политических лидеров Чечни и Дагестана конца XVIII – первой половины XIX) // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 226–263.
3. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012.

ENGLISH

**Yu.Yu. Karpov The National Politics of the Soviet State
in the North Caucasian Periphery in 1920–1930s: Evolution of Problems
and Solutions. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2017. 400 p.**

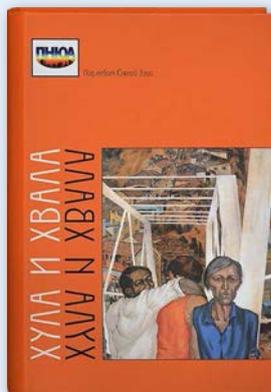
Ekaterina Leonidovna Kapustina – Cand. Sc. of History, head of the Caucasus ethnography department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), the Russian Academy of Sciences.
E-mail: paralel@mail.ru

Keywords: national politics, North Caucasus, political anthropology, the ideology of the Soviet regime, the Soviet periphery

REFERENCES

1. Karpov Yu.Yu. Lichnost' i traditsionnye sotsial'nye instituty: printsipy vzaimodeystviya // Severnyy Kavkaz: Chelovek v sisteme sotsiokul'turnykh svyazey. SPb., 2004. S. 107–167 (in Russian).
2. Karpov Yu.Yu. Obshchestvo – lider – vlast' (na primere politicheskikh liderov Chechni i Dagestana kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX) // Severnyy Kavkaz: Chelovek v sisteme sotsiokul'turnykh svyazey. SPb., 2004. S. 226–263 (in Russian).
3. Khlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN, 2012 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-195-198

Н.А. ЖЕЛЕЗНОВА*

**Под небом Южной Азии.
Хула и хвала: коммуникативные
модальности исторического и культурного
своеобразия / Отв. ред. Е.Ю. Ванина;
Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука —
Восточная литература, 2017. — 927 с.: ил. ****

Ключевые слова: историческая антропология, история эмоций, движение этносов, история южноазиатских религий, формирование территориальных единиц, историко-культурные категории

Очередной, четвёртый, том проекта «Под небом Южной Азии» [1], несмотря на солидный объём (927 страниц!), читается легко и с большим интересом. Это объясняется, помимо крайне увлекательной темы, ещё и тем, что авторы пошли принципиально отличным от традиционного академического, принятого в отечественных научных кругах путём: наряду с сугубо научными статьями в книгу включены художественные произведения (поэзия и проза), имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Кроме того, в каждом томе наличествует и визуальный ряд (цветные вкладки и фотографии).

Том состоит из трёх разделов, озаглавленных «Современность», «Колониализм» и «Средневековье». Каждый из разделов предваряют вводные статьи, написанные ответственным редактором тома Е.Ю. Ваниной и задающие общий настрой всему последующему материалу: к первому раз-

делу — «Конформисты и радикалы в современных медиа» (с. 107–121), ко второму — «Прогрессисты и консерваторы в колониальной печати» (с. 409–423), к третьему — «Добро и зло в средневековых манускриптах». Данные тексты живо и увлекательно вводят в основную проблематику, частично указывая на «интригу» дальнейших сюжетов раздела.

Книга открывается вступительной статьёй руководителя проекта И.П. Глушковой «О проекте “Под небом Южной Азии”» (с. 8–38). Следующая статья, написанная Е.Ю. Ваниной, «Хула и хвала: коммуникативные действия как точка пересечения гуманитарных дисциплин» (с. 40–64) задаёт теоретическое и методологическое направление всему тому. Вводный раздел завершается небольшим словарём под названием «Инвектива и комплимент на различных языках Южной Азии» (с. 63–104).

Материал хвалы и хулы представлен на хинди, бенгальском, тамильском и не-

* **Железнова Наталья Анатольевна** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
E-mail: natali-zheleznov@yandex.ru

** Проект 17-01-19086д.

пальском языке. В предисловии к словарю Е.Ю.Ванина оговорила, что списки наиболее употребительных слов и выражений составлены на основе опроса российских индологов и русистов – выходцев из стран Южной Азии (с. 67–68). Цель подобного опроса – представить читателям живые разговорные языки и реальное словоупотребление. И по прочтении словаря читатель, несомненно, такое представление получает.

Раздел «Современность» открывается теоретической статьей «Топография личности: хвала и эмоции в индусской Индии» Арджуна Аппадурои (с. 122–145). В исследовании генеалогии хвалы А.Аппадурои опирается на анализ знакомых каждому индологу понятий и практик жанровых восхвалений – *стотра* и *прашастхи*, а также обращается к рассмотрению взаимоотношений патрона и зависимого от него человека с «добровольно-обязательной» в современном индийском контексте похвалой и лестью.

Эмоционально насыщенная статья И.П.Глушковой «Вербальное непотребство как культурный код творческой элиты Махараштры (XX век)» (с. 146–191) знакомит читателя с совершенно новым материалом, представляющим захватывающие подробности словесных баталий интеллектуалов Махараштры середины XX в., изложенные живо и сочно. Яркая зарисовка А.В.Бочковской «Диалоги патриотов – во славу родины, на страх врагам» (с. 194–211) посвящена ежевечернему ритуалу, происходящему на границе между Индией и Пакистаном в районе пропускного пункта Аттари-Вага, – церемонии спуска государственных флагов обеих стран, в которой каждая сторона воспекает собственную страну.

Составляющие единый блок статьи А.Захарова «Самопиар стран и впечатления туристов (опыт Бутана, Непала и Мальдивов)» (с. 212–248), С.Хаттотуве и Р.Викремесинхе «Голосование с ненавистью. Исследование языка вражды в сети Facebook в контексте парламент-

ских выборов 2015 г. на Шри-Ланке» (с. 249–296) и А.Сигорского «Героизация и демонизация: языковые средства политической пропаганды (анализ четырёх публицистических текстов)» (с. 297–314) посвящены изучению различных аспектов языка восхваления и порицания в современном туристическом и политическом дискурсе стран Южной Азии.

С совершенно новым и чрезвычайно интересным материалом знакомит небольшой диптих Е.Ю.Ваниной «Плакатное искусство университетского кампуса – визуальная и вербальная критика» (с. 315–335) и «Бесчестная бригада (диатрибы пакистанских музыкантов)» (с. 336–342) о молодёжной субкультуре, представленной плакатом и песнями рок-группы. Статья «“Богохульство”: средневековые воззрения в современной социально-политической практике (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы)» Е.Ваниной и Е.Волгиной (с. 348–378) обращается к теме, ставшей в последние десятилетия чрезвычайно актуальной не только в Южной Азии. Обратной стороной безудержных обвинений во всевозможных пороках «богохульников», «чужих», инакомыслящих и т.п. выступает столь же безудержное восхваление «своих», рассматриваемое Е.Семёновой в статье «“Полной ложкой”. Подхалимаж как форма политической жизни» (с. 379–398) и иллюстрируемое следующими за статьёй стихами Х.Биндала, М.Шривастава и Р.Сийяра (с. 399–406).

Статья Е.Ю.Ваниной из раздела «Колониализм» под названием «“Посланник” и другие: английские дебаты о миссионерах в Индии (начало XIX в.)» (с. 423–441) обращается к теме распространения и проповеди христианства на территории Индийского субконтинента. Одному из способов воздействия колониальных властей на местное население и распространение британского влияния посвящена статья С.Е.Сидоровой «Британские расшаркивания, или Как обрести союзников (на примере Хайдарабадского княже-

ства» (с. 442–487) о том, как британцы, обретшие к середине XIX в. положение верховных правителей Индостана, использовали для этого целый набор парадных поощрительных знаков отличия.

Своеобразный case-study, отнесённый к XIX в., представляет собой статья Е.Ю.Карачковой «Из протоколов джайпурского суда: полемические приёмы в защитительных речах обвиняемых» (с. 488–506). Здесь автор анализирует формы проявления «хулы» и «хвалы», к которым прибегали обвиняемые в организации заговора джайны во время судебных прений на процессе в столице Джайпурского княжества в 1836 г. (с. 489). Следом за небольшой зарисовкой XIX в. Сайида Ахмад-хана «“Достойные люди” и “дикие животные”» (из “Путешествия в Лондон”))» сравнительного характера о культурном превосходстве англичан перед индийцами (с. 507–513) идёт статья С.Е.Сидоровой «Мёртвые живым: образ идеального колонизатора на мемориальных плитах» (с. 514–539), в которой анализируются эпитафии XVIII–XIX вв. церкви св. Фомы в Мумбаи. Статья «Дуэт националистов: восславить прошлое, заклеить настоящее — ради будущего» Е.Ю.Ваниной и Л.А.Васильевой (с. 540–560) обращается к теме индусско-мусульманского национального пробуждения, как она представлена в поэмах двух индийских авторов — «Приливы и отливы ислама» Алтафа Хусейна Хали (1837–1914) и «Голос Индии» Майтхилишараны Гупты (1886–1964). Основная интенция обоих сочинений — восхваление прошлого и осуждение настоящего. Статья А.А.Новиковой «Открытие Индии» — хвалебная песнь или беспристрастный очерк» (с. 561–587) посвящена анализу категорий хулы и хвалы, используемых в широко известном сочинении Джавахарлала Неру.

Вслед за небольшими переводными текстами, написанными в жанре фельетона, — «Сатирические портреты» В.Али Кидваи (Бамбуке) (с. 588–599) и «Письмо из рая от предков потомкам-ра-

бам» Рама Нараяна Агравала (Мастана) (с. 600–605) — идёт большой «маратхский триптих» И.П.Глушковой: «Ориенталистский конструкт идеального правителя, или Колониальные дифирамбы в честь Ахилья-баи Холкар» (с. 606–641), «От “худшего” к “лучшему”: методики понижения и повышения статусного ранга (дхарский коллаж)» (с. 642–683) и «Коммуникативный разлом, или Масштабы социального дисбаланса в историческом портретировании (индорский case-study)» (с. 684–717). В последнюю часть триптиха в качестве вводной части включаются «Некоторые представления о жизни махараджи. [Биографический очерк Тукоджи-рава Холкара III, махараджи Индора. С портретами]» М.К.Карника. Первая составляющая коллажа, как это явствует из названия, рассказывает об Ахилья-баи, невестке Малхар-рава Холкара, военачальника периода Маратхской конфедерации, о том, как её образ претерпевает значительную трансформацию в процессе создания общенационального мифа. Увлекательные истории с участием особ королевской крови оказались в центре внимания и двух других частей «маратхского триптиха».

Последний раздел тома, озаглавленный «Средневековье», включает статьи, которые охватывают тематику взаимной неприязни, поэтику индусского мироустройства и проблему соотношения должного и недолжного в тамильской поэзии. Противопоставление «своих»/«правовверных» и «чужих»/«неверных» прослеживается в двух статьях Е.Ю.Ваниной «“Нечестивцы” и “благороднейшие” — глазами индийских мусульман (Северная Индия, XIV век)» (с. 736–745) и «“Кровожадный тюрк” и “защитник дхармы” — глазами индусов (Северная Индия, XIII — начало XVIII в.)» (с. 746–764). Статьи тамильского «цикла» представляют собой традиционно добротные тексты с вполне привычным для отечественной индологии анализом произведений шиваитов применительно к основной теме хулы и хвалы. Это «Семантика самоуничтожения и вос-

хваления в падигаме Сундарара «Собрание [стихов] о святых рабах [бога]» О.П.Вечериной (с. 811–831), «Праведные» и «дурные» люди в поэзии тамильских шиваитов (по гимнам Самбандара)» М.Б.Павловой (с. 832–853) и «Эволюция мотива авторского самоуничтожения в тамильской литературе» А.М.Дубянского (с. 854–874).

«Хула и хвала», как и предыдущие тома, включает Глоссарий (с. 895–903) — безус-

ловно полезную вещь в издании подобного рода. С небольшим уточнением: он должен быть составлен более тщательно, ибо отбор терминов и пояснение к ним вызывают вопросы. В целом том «Хула и хвала» поистине замечательного, во многом новаторского проекта «Под небом Южной Азии» представляет собой книгу, достойную внимания как специалистов, так и широкого круга читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первый том «Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты» / Рук. проекта И.П. Глушкова; Отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука — Восточная литература, 2014; второй — «Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильного и поиски смыслов за пределами статичности» / Рук. проекта И.П. Глушкова; Отв. ред. С.Е. Сидорова. М.: Восточная литература, 2015; третий — «Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств» / Рук. проекта И.П. Глушкова; Отв. ред. А.В. Бочковская. М.: Восточная литература, 2016.

ENGLISH

E.Yu. Vanina (ed.-in-chief). Under the Sky of South Asia. Blame & Praise: Communicative Modalities of the Historical and Cultural Authenticity. The Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences. Moscow, Nauka — Vostochnaya Literatura Publ., 2017. 927 p.: ill.

Natalia Anatolyevna Zheleznova — Cand. Sc. of Philosophy, senior research fellow, Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences.
E-mail: natali-zheleznov@yandex.ru

Keywords: historical anthropology, history of emotions, history of South Asian religions, the movement of ethnic groups, regional formation, historical and cultural categories.

REFERENCES

1. Pervyy tom «Pod nebom Yuzhnoy Azii. Portret i skul'ptura: vizualizatsiya territoriy, ideologiy i etnosov cherez material'nye ob'ekty» / Ruk. proekta I.P. Glushkova; Otв. red. I.T. Prokof'eva. M.: Nauka — Vostochnaya literatura, 2014; vtoroy — «Pod nebom Yuzhnoy Azii. Dvizhenie i prostranstvo: paradigma mobil'nogo i poiski smyslov za predelami statichnosti» / Ruk. proekta I.P. Glushkova; Otв. red. S.E. Sidorova. M.: Vostochnaya literatura, 2015; tretiy — «Pod nebom Yuzhnoy Azii. Territoriya i prinadlezhnost': geopoliticheskoe konstruirovaniye i sub'ektnost' vospriyatiya obitaemykh prostranstv» / Ruk. proekta I.P. Glushkova; Otв. red. A.V. Bochkovskaya. M.: Vostochnaya literatura, 2016 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-199-202

В.В. ЗАПАРИЙ***Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. – 416 с. ******Ключевые слова:** экономика, танкостроение, Великая Отечественная война, модернизация

На протяжении последних лет активно растёт общественный и научный интерес к теме истории развития советской военной промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны. Идёт поиск ответа на один из главных вопросов, поставленных той войной: в чём заключались особенности Советского Союза, позволившие одержать победу над противником, и какова в этом роль отечественного военпрома? Советская историография традиционно видела основные преимущества СССР в общественно-политическом строе, позволившем перед началом войны разработать и принять на вооружение новейшие образцы военной техники, а впоследствии – сконцентрировать все внутренние ресурсы страны на выпуске вооружений [1, с. 168; 2, с. 88–89].

Долгое время этот постулат являлся незыблемым. Только в 1990-е гг. исследователи получили доступ к массиву ранее закрытой архивной документации,

позволившей понять особенности развития отечественной военной промышленности в период первых пятилеток и военные годы. Н.Н. Мельников поставил перед собой совершенно не тривиальную задачу: показать развитие не столько советской бронетехники, сколько промышленных предприятий, организовавших её выпуск.

В течение предвоенного десятилетия отечественное танкостроение прошло сложный путь становления. В этот период полностью оформился подход сталинского руководства к развитию танкового производства, который продолжался и после начала Великой Отечественной войны: максимальное наращивание выпуска бронетехники в ущерб развитию производств, выпускающих узлы и агрегаты. Первостепенное внимание уделялось только сборочному процессу. Именно на него тратились основные усилия и средства. И это давало свои плоды. Стремительно росло число выпущенных танков (с. 26–44).

* **Запарий Владимир Васильевич** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета.
E-mail: vvzap@mail.ru

**Проект 17-01-16135д.

Наиболее тяжёлым последствием для всей военной промышленности автор считает потерю обратной связи между властью и военпромом, когда критика исполнителями властных решений оказалась невозможной. Если решение о запуске в производство того или иного образца было принято на самом верху, завод уже не имел возможности повлиять на отмену этого решения, даже если оно являлось ошибочным (с. 64–65).

Несмотря на это, в 1940–1941 гг. были заменены все серийные модели бронетехники, разработан мощный танковый дизельный двигатель. Это был безусловный успех, но полностью реализовать потенциал новых машин советской промышленности не удалось, поскольку новая техника была запущена в серийное производство без тщательной проработки конструкции и технологии изготовления. Вместо этого предприятия были нацелены на наращивание серийного выпуска и создание новых моделей. Поэтому низкое качество серийных танков и моторов было предопределено (с. 60–64).

Н.Н.Мельников убедительно показывает, как после 22 июня 1941 г. сталинское руководство начинает расширять систему танкостроения за счёт других машиностроительных и металлургических заводов. По подсчётам автора, в первый месяц войны в систему танковой промышленности и броневого производства, помимо уже существовавших заводов, были вовлечены не менее 14 предприятий различных отраслей на Восточной Украине и Урале, в Западной Сибири, Среднем Поволжье и Москве (с. 65–72).

Исследователь выдвигает достаточно дискуссионный тезис о том, что перемещение части мощностей западных предприятий на восток в первые дни войны нельзя считать эвакуацией. Н.Н.Мельников считает, что этот процесс был связан, прежде всего, с желанием создать в Сталинграде и на Урале новые объекты танкостроения, а не с попыткой спасти

западные предприятия от наступающего противника (с. 74–75).

Успехи противника на фронте в августе–сентябре 1941 г. привели к необходимости эвакуации всех основных танкостроительных центров СССР. Н.Н.Мельников доказывает, что чёткого и понятного плана эвакуационных работ у власти не оказалось. Эшелоны с оборудованием сначала следовали в один пункт назначения, но уже в пути перенаправлялись на новые места (с. 99–106).

Урал превратился в центр танковой промышленности страны, так как сюда были эвакуированы основные мощности всех западных заводов, ранее занятых в танковом производстве (с. 109–115). Но эвакуированным предприятиям понадобилось время на восстановление производства. По первоначальным планам ГКО это должно было произойти до конца 1941 г. (с. 123–124). Но реально восстановительные работы были закончены только весной 1942 г. Ресурсная база, обеспечивавшая танковую промышленность, и производственные возможности танкостроения резко возросли по сравнению с серединой 1941 г., однако продолжали отставать от необходимого уровня. Общий объём выпуска танков, безусловно, вырос. Но, во-первых, был далеко не таким, как это изначально планировало сталинское руководство. А во-вторых, сами танки оказывались низкого качества. Новые правила военной приёмки были таковы, что небольшим пробегом испытывался только один танк из десяти.

Н.Н.Мельников убедительно доказывает пагубность такого решения. Больше трети потерь танков Т-34 в боях летом 1942 г. произошло из-за поломки внутренних механизмов и агрегатов. В течение этого года заводы, занятые в производстве корпуса Т-34, большую часть своей продукции выпускали с трещинами в броне.

Во второй половине 1942 г. произошёл слом темпов роста производства, связанный с необходимостью эвакуации сталин-

градского танкостроительного центра. Эвакуация неминуемо снижала общий выпуск средних танков Т-34. В попытке уменьшить негативные последствия переброски СТЗ и связанных с ним заводов были приняты решения об увеличении выпуска средних танков на уже производящих их предприятиях и освоении производства самоходных артиллерийских установок на базе лёгкого, среднего и тяжёлого танков. Все эти решения привели к серьёзному изменению уже устоявшихся производственных процессов и системы кооперации. На этом основании автор делает логичный вывод о формировании производственного кризиса в советском танкостроении (с. 163–164).

При получении новых заданий танковые заводы, как удалось выявить на основе архивной информации, столкнулись с проблемой резкого невыполнения плановых показателей выпуска двигателей, корпусов и готовых машин. Заводы были поставлены фактически в безвыходное положение: с одной стороны, Наркомат и ГКО постоянно требовали исполнения заданий, с другой — установленная программа была им не под силу, поскольку не соответствовала производственным и кадровым возможностям заводов. В этой ситуации ставка была сделана на модернизацию производственных процессов.

Настоящей находкой автора стало раскрытие проблемы обеспечения танкостроения основными производственными

ресурсами — броневым металлом, строительными материалами, огнеупорами, топливом, электроэнергией и пр. Н.Н. Мельников на основе вновь введённых в научный оборот архивных материалов убедительно доказал, что танковая промышленность во время войны вынуждена была развиваться в условиях тотального дефицита практически всех производственных ресурсов (с. 263–266).

Отдельную сюжетную линию исследователь посвятил описанию такого ресурса, как кадровый потенциал танковой промышленности. Применяя новые методы производства, танкопрому удалось максимально использовать потенциал большого числа неквалифицированных работников, не получивших должного объёма знаний и работавших в тяжёлых материально-бытовых и производственных условиях (с. 267–325). Но даже эти возможности, по мнению автора, были весьма ограничены. В том числе и поэтому вплоть до конца войны качество выпускаемой техники было далеко от совершенства.

Выводы Н.Н. Мельникова логичны и обоснованы. Благодаря введению в оборот большого количества ранее недоступного учёным архивного материала, данная работа стала ещё одним штрихом в многоцветной картине истории Великой Отечественной войны и ещё одним проявлением благодарности потомков за подвиг наших предков, важным шагом в направлении создания объективной картины истории нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1965.

ENGLISH

N.N. Melnikov Upgrade of the Tank Construction Industry in the USSR during the Great Patriotic War. Yekaterinburg, Sokrat Publ., 2017. 416 p.

Vladimir Vasilyevich Zaparyi – Dr. Sc. of History, professor, Chair of History and Social Technologies, Ural Institute for the Humanities of the Ural Federal University.
E-mail: vvzap@mail.ru

Keywords: economy, tank construction, the Great Patriotic War, upgrade

REFERENCES

1. Voznesenskiy N. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny. M.: Gospolitizdat, 1948 (in Russian).
2. Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. T. 6. Itogi Velikoy Otechestvennoy voyny. M.: Voenizdat, 1965 (in Russian).

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2018 г.

- Панченко В.Я. На пути к новым высотам. — № 1. — С. 9–14.
Панченко В.Я. В будущее — с оптимизмом. — № 2. — С. 9–12.
Панченко В.Я. Развитие науки в регионах — приоритетная задача РФФИ. — № 3. — С. 9–12.
Панченко В.Я. С заботой о будущем. — № 4. — С. 10–12.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

- Беспярых Ю.Н., Кирющенко Н.В. П.Я. Марпергер и его труд «Московитский купец...» («Moscowit-scher Kauffmann...», 1723). — № 4. — С. 13–25.
Герд Л.А. Русский остров на православном Востоке: Афон в XIX – начале XX века. — № 1. — С. 27–36.
Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией». — № 3. — С. 26–35.
Кормышева Э.Е. Диахронические тенденции в развитии древних цивилизаций долины Нила. — № 1. — С. 37–49.
Кочегаров К.А. Гетман Иван Мазепа и русское правительство в 1706–1708 гг.: к дискуссии о причинах разрыва. — № 3. — С. 13–25.
Куприянов А.И. Российское благородное собрание как пространство коммуникации дворянства и государя (1780-е–1850-е годы). — № 4. — С. 26–37.
Мясников В.С. Развитие исторической науки при поддержке РГНФ—РФФИ. — № 2. — С. 13–20.
Табарев А.В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр. — № 2. — С. 34–47.
Хлевнюк О.В. Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны. Историография, источники и перспективы исследований. — № 1. — С. 15–26.
Храпунов Н.И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. — № 2. — С. 21–33.

Экономика

- Авраамова Е.М., Логинов Д.Л. Адаптационное поведение населения как фактор социального развития. — № 3. — С. 36–44.
Борисов В.Н., Почукаева О.В. Методический подход к оцениванию влияния инвестиционной активности на импортозамещение на рынках продукции машиностроения. — № 3. — С. 53–62.
Гринберг Р.С., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклическая экономическая динамика и дефляционные явления: анализ и прогнозы. — № 2. — С. 48–62.
Каранина Е.В., Рязанова О.А. Развитие системы диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий (на примере Кировской области). — № 2. — С. 63–76.
Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А., Королёв И.Б. Прогнозно-аналитическое исследование взаимосвязей сферы занятости и профессионального образования в России. — № 4. — С. 38–49.
Попкова Е.Г., Рагулина Ю.В. Рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России. — № 3. — С. 45–52.

Рубвальтер Д.А., Либкинд А.Н., Маркусова В.А., Либкинд И.А. Многоаспектный анализ состояния российских исследований по проблемам образования за 1993–2016 годы. — № 1. — С. 50–62.

Саямов Ю.Н. Глобальные процессы и современный мир. — № 4. — С. 50–60.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Девятко И.Ф. Источники норм, множественность нормативных систем и моральный релятивизм: объяснительные ресурсы социологической теории. — № 3. — С. 72–81.

Дёмин А.В. Диспозитивность в праве: общий концепт, тенденции, перспективы. — № 2. — С. 77–86.

Козюк М.Н. Теория медиации в дисциплинарном дизайне. — № 3. — С. 63–71.

Колдунова Е.В. Процессы трансформации университетов и фабрик мысли в странах Азии. — № 4. — С. 61–71.

Колчинский Э.И. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. — № 1. — С. 63–76.

Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. Влияние опыта развода на брачно-семейные установки. — № 1. — С. 88–96.

Мигунов А.И., Лисанюк Е.Н. Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов. — № 1. — С. 77–87.

Почекаев Р.Ю. Российская империя и Центральная Азия: правоотношения в контексте фронтальной модернизации. — № 4. — С. 72–81.

Шиповалова Л.В. Проблема эффективности научных исследований. — № 2. — С. 87–97.

Филология. Искусствоведение

Вендина Т.И. О новом выпуске Общеславянского лингвистического атласа «Личные черты чело- века» (ареалогический комментарий). — № 1. — С. 111–122.

Вепрева И.Т., Купина Н.А., Ицкович Т.В. Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города. — № 3. — С. 97–106.

Власова М.Н. Быт и фольклор «несуществующих» деревень. — № 3. — С. 82–96.

Кузьмина Е.Б., Васильева О.В., Пурицкая Е.В. О Словаре лексической прагматики русского языка. — № 1. — С. 123–132.

Любомудров А.М. К 100-летию реформы русского правописания. Судьба русского языка в публикациях журнала «Народоправство». — № 1. — С. 97–110.

Мазурова Ю.В. Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи. — № 4. — С. 82–91.

Порохницкая Л.В., Теплякова С.М. Концептуальная репрезентация политкорректного лексикона (на материале французского языка). — № 3. — С. 107–114.

Рыбаков А.А. Великий Устюг — центр художественной культуры Русского Севера XIII–XVIII веков. — № 2. — С. 108–123.

Степихов А.А. Сегментация спонтанной речи и индивидуальность эксперта. — № 2. — С. 98–107.

Трубочкин Д.В. Театр «Сатирикон» и современный статус актёрского искусства: к постановке проблемы. — № 4. — С. 92–102.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Гриценко В.В., Бражник Ю.В., Ефременкова М.Н., Катровский А.П., Ковалёва Ю.В., Муращенко Н.В., Смотрова Т.Н. Свои или чужие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России. — № 4. — С. 103–115.

Демченкова О.А. Потенциал компетентностного подхода в образовательной парадигме. — № 4. — С. 116–124.

Егоров И.В., Наумова Д.В. Гражданское мировосприятие студенческой молодёжи. — № 2. — С. 134–141.

Изнак А.Ф., Изнак Е.В., Олейчик И.В., Медведева Т.И. Новые подходы к лечению депрессии: влияние магнитной стимуляции мозга. — № 4. — С. 125–136.

Куфтяк Е.В. Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрастах: динамика и детерминанты. — № 3. — С. 126–134.

Мазилов В.А. Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход. — № 1. — С. 133–142.

Моросанова В.И., Фомина Т.Г., Ованесбекова М.Л. Взаимосвязь осознанной саморегуляции, мотивации и личностных диспозиций с академической успеваемостью школьников. — № 2. — С. 124–133.

Черткова Ю.Д., Егорова М.С. Роль негативных личностных черт в психологической адаптации. — № 3. — С. 115–125.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бородихин А.Ю. Древние книги Сибири (по материалам археографических экспедиций ГПНТБ СО РАН 2014–2017 гг.). — № 3. — С. 145–157.

Ворошилов А.Н., Батченко В.С., Дрыга Д.О., Горланов С.С. Полевые исследования антропогенных ландшафтов периферии азиатского Боспора. — № 4. — С. 137–146.

Дмитренко С.Ю. Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты (по материалам лингвистической экспедиции). — № 2. — С. 159–170.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е. Экспедиционные исследования многослойного пещерного памятника Сельунгур (Ферганская долина, Кыргызстан). — № 3. — С. 135–144.

Седов Вл.В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря. — № 2. — С. 142–158.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии. — № 1. — С. 152–161.

Хаирова В.Ш. Формирование градостроительной среды безуездного города конца XIX века (на примере г. Сухиничи Калужской области). — № 1. — С. 162–170.

Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани). — № 1. — С. 143–151.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Васильев С.А., Кулаков С.А. Международная конференция «Памятники Кавказа в контексте нижнего и среднего палеолита Евразии» (Санкт-Петербург, 15–16 января 2018 г.). — № 2. — С. 176–178.

Воротникова А.Э. Международная научная конференция «Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI веков» (Воронеж, 19–21 апреля 2018 г.). — № 4. — С. 180–184.

Горский А.А., Хитров Д.А. Пятые Чтения памяти Л.В. Милова (Москва, 9–10 ноября 2017 г.). — № 1. — С. 177–181.

Гранцева Е.О. Международная научная конференция «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов» (Москва, 12–14 сентября 2018 г.). — № 4. — С. 147–150.

Гроховский П.Л., Москалёва Н.Н., Смирнова М.О. V Международный семинар молодых тибетологов (Санкт-Петербург, 3–7 сентября 2018 г.). — № 4. — С. 151–154.

Грякалов А.А., Ноговицин О.Н. Международная философская конференция «Русский логос: горизонты осмысления» (Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.). — № 1. — С. 191–197.

Демчик Е.В. V Всероссийская научная конференция «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века» (Барнаул, 29–30 июня 2018 г.). — № 4. — С. 155–158.

Дмитриева Н.А., Луговой С.В. Международный научный семинар «Философия Канта и актуальные проблемы современной науки и политики» (Калининград, 4–5 мая 2018 г.). — № 4. — С. 164–167.

Заболеева-Зотова А.В. II Всероссийская научно-практическая конференция «Совершенствование системы взаимодействия Российского фонда фундаментальных исследований и субъектов Российской Федерации в вопросах проведения региональных и молодежных конкурсов» (Томск, 22–23 июня 2018 г.). — № 3. — С. 158–163.

Ламин В.А., Журова Л.И., Шипилов И.А. III Всероссийская научная конференция, посвящённая памяти академика РАН Н.Н. Покровского, «Актуальные вопросы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Новосибирск, 12–14 октября 2017 г.). — № 1. — С. 171–176.

Лебедева Е.Г. Круглый стол «Прогресс России: женский аспект» (Москва, 15 мая 2018 г.). — № 3. — С. 171–175.

Мельникова Е.А. Научная конференция «Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто» (Москва, 16–18 апреля 2018 г.). — № 2. — С. 171–175.

Никитина М.Г. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма» (Симферополь, 14–15 декабря 2017 г.). — № 1. — С. 182–185.

Полонский В.В., Московская Д.С., Ариас-Вихиль М.А. Гуманизм Максима Горького — писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея (Париж, 2 октября; Неаполь, 25–26 октября; Сорренто, 27 октября 2018 г.). — № 4. — С. 176–179.

Попова М.К. Международная научная конференция «Книга в современном мире: проблемы рецепции» (Воронеж, 27 февраля – 1 марта 2018 г.). — № 4. — С. 172–175.

Сапунова В.М. Международная научная конференция «Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур» (Ставрополь, 16–19 ноября 2017 г.). — № 1. — С. 186–190.

Тищенко П.Д., Гребенщикова Е.Г. Научная конференция памяти Б.Г. Юдина «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы» (Москва, 30–31 мая 2018 г.). — № 4. — С. 168–171.

Тощенко Ж.Т., Цапко М.С. XIX теоретико-методологическая конференция «Смыслы жизни российской интеллигенции» (Москва, 26 апреля 2018 г.). — № 4. — С. 159–163.

Трубицина Н.А. Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания» (Елец, 20–21 апреля 2018 года). — № 3. — С. 176–181.

Турбина О.А. Международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур» (Челябинск, 28–30 мая 2018 г.). — № 4. — С. 185–189.

Функ Д.А., Игнатъев Р.Н., Филатова В.О. Международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях» (Москва, 15–16 мая 2018 г.). — № 3. — С. 164–170.

МИР КНИГИ РФФИ

Барабина М.Н. — Баженова Т.Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. — 190 с.: ил. — № 3. — С. 195–198.

Басаргина Е.Ю., Хосроев А.Л. — Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступ. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. — 672 с. (Серия Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5). — № 3. — С. 190–194.

Бобров А.Г. — Лаврентьевская летопись. Факсимильное издание. СПб.: Росток, 2017. — 352 с.; Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер. и исслед. Г.М. Прохорова. СПб.: Росток, 2017. — 752 с. — № 1. — С. 198–201.

Валькова В.Б. — Гречанинов А.Т. Воспоминания. Публикации. Переписка. В 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и комм. Е.Б. Сигейкиной. М.: Музыка, 2017. — 720 с.: ил. — № 2. — С. 187–190.

- Железнова Н.А.* — Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия / Отв. ред. Е.Ю. Ванина; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2017. — 927 с.: ил. — № 4. — С. 195–198.
- Запарий В.В.* — Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. — 416 с. — № 4. — С. 199–202.
- Капустина Е.Л.* — Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30 гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. — 400 с. — № 4. — С. 190–194.
- Косенкова Ю.Л.* — Кобышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. — 360 с.: ил. — № 2. — С. 183–186.
- Москалюк М.В.* — Голынец С.В. Лев Самойлович Бакст. М.: БуксМАрт, 2017. — 408 с.: ил. — № 3. — С. 203–206.
- Носов Е.Н.* — Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М.А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 264 с.: ил. — № 3. — С. 186–189.
- Редин Д.А.* — Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование) / Ин-т истории и археологии УрО РАН; Ин-т российской истории РАН; Ин-т экологии растений и животных УрО РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2017. — 456 с.: ил. — № 3. — С. 182–185.
- Руднев А.П.* — Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. — 816 с.; Т. 2. — 864 с. — № 1. — С. 202–205.
- Сергиенко Е.А.* — Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 488 с. — № 2. — С. 191–194.
- Тюхменева Е.А.* — Моисеева С.В. Русские кистью современников: Портретная живопись конца XVI – первой половины XVIII века в собраниях Европы и России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 304 с.: ил. — № 3. — С. 199–202.
- Шашкова О.А.* — Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. — 1095 с.: ил. — № 2. — С. 179–182.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

- Заседание Глобального исследовательского совета (Москва, 14–16 мая 2018 г.). — № 2. — С. 195.
- Официальные документы саммита GRC (на английском и русском языках):
- Пояснительная записка относительно пересмотра заявления ГИС о принципах научной экспертизы. — № 2. — С. 198–201.
 - Заявление о принципах научной экспертизы. — № 2. — С. 202–205.
 - Научная дипломатия: роль исследовательских советов и Глобального исследовательского совета. — № 2. — С. 206–207.
- Книжная выставка РФФИ в МИДе России. — № 3. — С. 207.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2018, № 4 (93)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз.